НОВАЯ ПОЛЬША

№6(65) 2005

Кароль Модзелевский: французы читают историю Польши

Яцек Бохенский: глава из новой книги

70 ЛЕТ НАЗАД УМЕР ЮЗЕФ ПИЛСУДСКИЙ

Павел Хюлле: от Грабала до Зощенко

И все-таки Лех был братом Руса

Флорчак о живописи Лебенштейна

СТИХИ РЫШАРДА КРИНИЦКОГО

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.novpol.ru

PKO BANK POLSKI

ПОЛЬСКИЙ БАНК «ПКО»
главный спонсор
деятельности Национальной Библиотеки в 2005 году

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 6(65)
2005
ИЮНЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Яцек Бохенский 3
ТРИНАДЦАТЬ ЕВРОПЕЙСКИХ УПРАЖНЕНИЙ
Отрывки из новой книги

Виктор Кулерский 6
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Кароль Модзелевский 14
ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗОВ

Данута Сосновская 18
РАЗВЕНЧАНИЕ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ МИФОВ

Мартин Войцеховский 21
ЛЕХ, БРАТ РУСА

Олег Закиров 23
ИЗ ИСТОРИИ ЧАСТНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
КАТЫНСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Анна Гришина 28
НЕИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД РАБОТЫ
КОМИССИИ БУРДЕНКО

КАТЫНЬ БУДЕТ РАЗДЕЛЯТЬ ВСЕГДА 31
Беседа с Александром Гурьяновым

Александр Гогун 32
НА ПОЛПУТИ ОТ ИСТОРИИ К АГИТКЕ

НАШИ ЛЮДИ

Михал Матыс 36
ЯСЬ МЕЛЯ — ПОКОРИТЕЛЬ ОБОИХ ПОЛЮСОВ

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Збигнев Флорчак 39
МИЗАНТРОП С ОСТРОВА СВЯТОГО ЛЮДОВИКА

К 5-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ СМЕРТИ ЮЗЕФА ТИШНЕРА

Елена Твердислова 42
ФИЛОСОФИЯ НАДЕЖДЫ ЮЗЕФА ТИШНЕРА

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ЮЗЕФА ТИШНЕРА 51

Рышард Криницкий 53
Стихи из книги «КАМЕНЬ, ИНЕЙ»

Мартин Баран 57
НЕОБЫЧАЙНЫЕ ЭЛЕГИИ

Лев Гомолицкий 59
ВАРШАВА *Отрывок из поэмы*

Леон Гомолицкий 61
ДИКИЕ МУЗЫ *Отрывок*

К 70-летию СО ДНЯ СМЕРТИ ЮЗЕФА ПИЛСУДСКОГО

Казимеж Вежинский 64
ПОСМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

Павел Хюлле 65
ОТ ГРАБАЛА ДО ЗОЩЕНКО

ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

Кшиштоф Бурнетко 68
КУЛЬТУРНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Лешек Шаруга 71
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Янина Куманецкая 75
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

В БРЮХЕ МЕДНОГО БЫКА 78
Беседа с Яцеком Бохенским

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ 84

Переводчики: А. Бондарев, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, К.Старосельская, Е. Шиманская

Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 36,57), D.Lomaczewska - Biblioteka Domu Literatury (стр.59), Archiwum (стр. 39,40,41,42,64)

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия

Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер *(зам. гл. редактора)*
Кристина Пашек *(секретариат)*
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих *(зам. гл. редактора)*
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(0-22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**

Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв. 49
тел: **280-83-52**
e-mail: **mik@mecom.ru**

Издатель
BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша
Тираж 4800 экз.

Яцек Бохенский

ТРИНАДЦАТЬ ЕВРОПЕЙСКИХ УПРАЖНЕНИЙ

Отрывки из новой книги

Поворот в восточном направлении

Константин, май 2004

В те времена, о которых я рассказываю, еще не вызывал удивления тот факт, что в исключительных обстоятельствах писатели разных стран устраивают международные встречи и беседуют о народах — как бы от имени или вместо народов, потому что народам это было бы слишком трудно. Точно так же, как не вызывал и по сей день не вызывает удивления тот факт, что таким образом строят свою повседневную деятельность политики. Правда, писатели, возможно, делают это не так лицемерно. Но политики считают, что только они компетентны. Сомневаюсь, подтвердит ли это история. Может, все-таки народам лучше, когда от их имени говорят их писатели, чем когда выдумывают, что делать, их политики.

Вскоре после берлинского съезда по вопросу объединения Германии мне был задан новый тип европейского упражнения. Тему предложили не немцы, а польский поэт Виктор Ворошильский: побеседовать с русскими писателями о Польше и России. Он сам выбрал и пригласил гостей из еще существовавшего Советского Союза. Целью был диалог, а скорее первая попытка свободного диалога, наконец возможная ввиду «перестройки» и «гласности» — чтобы использовать два тогда самых модных русских слова, не знаю, самых ли модных в России, но на Западе точно.

Какой-то диалог о России состоялся, правду говоря, и с самими поляками. Я провел его только частично. У двух моих близких друзей и сотрудников по недавнему оппозиционно-подпольному прошлому я столкнулся с неодобрением. Известный литературный критик Томаш Бурек вообще осудил инициативу Виктора Ворошильского, неуместную, как он сказал мне, перед лицом не оплаченных Россией счетов за нанесенные Польше обиды. На встречу с «советскими» русскими он не приехал. Приехал русист, тогдашний директор телевидения Анджей Дравич и выступил, но — для разнообразия — был недоволен тем, что я совершенно ненужно раздражал гостей спорными темами.

Диалог

Радзеёвице, апрель 1990

Я заглянул в греческий словарь, чтобы проверить, в каких значениях первоначально употреблялось слово «диалог». Оказалось, что словарь приводит только одно значение, всем хорошо известное: dialogos — разговор, диалог. И только один пример употребления слова древнегреческим писателем нашелся в словаре. Цитируется Платон: диалог души с самой собою.

А может быть, такой диалог души с самой собою и есть единственный диалог, который ведет человек благодаря литературе? Порождает ли вообще литература другие диалоги? Делает ли их возможными? Выручает ли она в каких-то диалогах? Не знаю.

Чтобы сказать, например, что в литературе происходит диалог русских с поляками, надо бы с определенной специфической точки зрения изучить обе литературы и оба общества, на что меня, разумеется, не хватит.

Признаем некий бьющий в глаза факт: Россия — побольше, Польша — поменьше.

Ну и что? Это все знают. Что же может внести в диалог русских с поляками такая банальная истина? Мне кажется, может, если посмотреть на вопрос свежим и непредубежденным взглядом.

С этой целью временно забудем, что мы говорим о Польше и России. Представим себе какие-то два другие существа, создания, организма, лишь бы с одной стороны было ***нечто*** куда большее, а с другой — ***нечто*** куда меньшее.

А раз мы писатели, то начнем сочинять рассказ об этих двух существах. И станем сочинять не фальшивый и искусственный сюжет, а простой и естественный.

Ну и какой же замысел придет нам в голову в первую очередь? Спорю, что прежде всего мы представим себе, что это большое существо хочет съесть маленькое. Так мы это мыслим с детства, таков наш опыт, общее знание о мире и объективная истина.

Но вскоре мы, вероятно, задумаемся, особенно когда осознаем, что этим большим ***нечто*** можем быть мы сами, потому что поблизости от нас всегда попадается что-то поменьше.

Ах, нет! — подумаем мы. Такую прожорливость мы находим только у хищников, например, у щук, может быть, у каких-то ассирийцев, ацтеков, ну еще, может, у немцев. И представим себе много других рассказов, например, психологических, о существе побольше и существе поменьше. К таким рассказам я еще вернусь. Но утверждаю, что наше литературное воображение развернется исходя из основополагающей и очевидной картины, т.е. из пожирания того, что поменьше, тем, что побольше.

Мы не должны удивляться, что так работает воображение народов, особенно народов поменьше, которые уже не раз побывали в зубах, а то и прямо в брюхе какого-нибудь колосса и чудом оттуда выбирались. Их историческое, политическое — и как там еще его назвать — воображение опирается на воспоминания о том, как их кусали, раздирали и как они проваливались в глотку чудовища. Часто оно не может выйти за пределы очевидной и основополагающей картины пожирания, грозящего народу.

Воображение поляка вырастает из по меньшей мере двухсотлетнего фундамента такого опыта. Оно помнит резню жителей правобережной Варшавы, устроенную солдатами Суворова, и помнит Катынь. В сфере духовных репрессий оно помнит также запрет учиться в школах по-польски и запрет говорить о Катыни, попытки насильственного обращения в православие и насильственного обращения в коммунизм. Помнит виселицы с повешенными в XIX веке и товарные вагоны с тысячами депортированных в XX-м. С точки зрения русского это как бы второстепенные вопросы, которыми нет причины заниматься особо, ибо русское воображение переполнено более страшными драмами — своими и столь бездонными, что их вообще ни с чем не сравнишь.

Тут я хотел бы отметить нечто, слабо осознаваемое поляками. Между Россией и Польшей случались и обратные ситуации, когда Польша была больше России, необязательно с территориальной точки зрения. Поляка может поразить открытие, какую важную роль в русском воображении и традициях играет факт, для польской страны эпизодический и маловажный, — вторжение польского войска в Кремль и незадачливый замысел посадить на царский трон польского короля, а вдобавок даже заставить Россию перейти в католичество. Дело происходило в 1610 г., но русские этого не забыли, хотя прежде всего помнят о торжестве России, изгнавшей польских захватчиков в 1612 году.

Обратите, пожалуйста, внимание: поляки повели себя здесь «по-русски». Вторглись в чужую страну, вынуждены были оттуда убраться и считают, что это была незначительная мелочь, ибо им хватало и хватает трагедий посерьезней. Русские повели себя «по-польски»: превратили событие в легенду, раздули ее значение, насочиняли поэм, опер, памятников и чванятся этой мешаниной поражения и победы так, как это типично — о диво! — для более слабой стороны.

Тут уже можно вернуться к нашим отложенным психологическим рассказам о существе побольше и существе поменьше. Перед лицом смертельной опасности маленький зверек обычно раздувается, топорщится и пыжится, потому что хочет любой ценой стать побольше. Это не от глупости, а от отчаянного желания уцелеть.

Не так ли отчасти и поляки в последние двести лет стараются прибавить себе величия? Этому служит как их политическая бравурность, так и возвышенное художественно творчество или, например, некоторая претенциозность в обычаях. Благодаря всяким таким штучкам поляки часто зарабатывают у русских репутацию раздражающих гордецов, лицемеров, а частично и дураков.

Ах, вот оно! Этот обширный горизонт большого существа! Его львиная мудрость! Его львиные доли, высшие цели и миссии! Его братская общность с малыми!

Суть в том, что малые существа обычно не хотят братской общности с большими, а большие — не могут понять, почему. Как я уже сказал, некогда Польша была большой, хотя необязательно с территориальной точки зрения. Ну и что? Если бы Россия тогда захотела, после вторжения поляков в Кремль, принять польского короля, а вдобавок обратиться в католичество и вообще сделать из себя Запад, разве

это не принесло бы ей многочисленных выгод? Может, потом обошлась бы без Петра Великого, Кутузова, Ленина, Сталина? Может, даже не вознуждалась бы в Горбачеве и Ельцине? Но Россия как-то не приняла во внимание эту возможность.

Конечно, если бы полякам в свое время понравился панславизм и если б они помогли ему победить, тоже было бы все в порядке и наверное дело не дошло бы до польско-советской войны 1920 года, пакта Риббентропа—Молотова, Катыни и Варшавского договора.

Ничего у нас не клеилось. То есть: не клеилось большее с меньшим.

Но есть еще одна мысль, которую русские внушают полякам. Не можем ли мы признать общность страданий? Русские считают, что русских страданий больше, так пусть поляки перестанут напоминать отдельно и приоритетно о своих меньших страданиях. Пусть согласятся, что в массовых бедствиях сталинизма они участвовали пропорционально и ***наравне со всеми***. Так будет справедливо. Разве в сталинском государстве голодали только депортированные в СССР поляки? Куда больше русских голодало. Разве уничтожали только поляков? Уничтожили миллионы других. Труп лежит рядом с трупом, и большинство — не поляки. По мнению русских, полякам нужно влиться в это страшное множество, отождествиться с русским большинством и прекратить свои особые жалобы, звучащие жалко и как бы неуместно.

Не советую русским хвататься за такую мысль. Не советую им искать общности, которую составляют одни жертвы, а палачи теряются.

Поляки не были палачами — это и отличает их от пресловутых «всех». И еще то, что они были не из тех краев и вообще никогда не должны были оказаться в местах, где им пришлось испытывать эту коллективную судьбу наравне со всеми.

Я советовал бы отбросить мысль о примирении русских и поляков таким образом, чтобы тем и другим пришлось признать, что в недавнем прошлом их якобы соединяла общность одной и той же трагической судьбы. Ибо этого не было, а предлагать эту идею — нравственно нечисто.

Однако чувствуем мы и другое — что, говоря об общности трагической судьбы в экзистенциальном человеческом аспекте, мы близки к одной важной истине. Мы чувствуем, что примирение, терпимость, снисходительность, дружба и общность — это общие добрые цели, к которым народы должны стремиться.

Истинную общность между народами устанавливают только отдельные люди. Хотелось бы сказать русским так: иногда, чтобы создать истинную общность, надо сначала отбросить ложную. И надо разделиться. Надо, главное, разделиться на людей. Может, я что-то такое как раз делаю?

Собственно говоря, с этого и надо начать: разделить национальные множества, которые в конце концов всего лишь понятия, на живые личности, обладающие душой. Например, свести пару «русский и поляк», «советский гражданин и польский гражданин» к состоянию «человек и человек»? Или, наоборот, не свести, а возвести их в это достоинство? Потому что, на мой взгляд, человеческое значит куда больше, чем национальное и государственное.

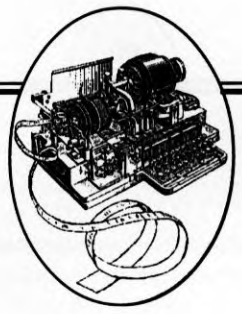
Но в своей человечности никто не больше другого и никто не меньше. Люди равны, точнее имеют шансы на равенство, которых никто ни у кого не отнимет, разве что сам у себя.

Правдивая литература — художественная, мемуарная, документальная — дает свидетельства того, что в самых тяжелых обстоятельствах, в лагерях, тюрьмах, на войне, среди бездомных, голодных, больных, возникала общность между поляком и русским, существовали сострадание, солидарность и взаимопомощь, обладавшая самой высокой ценностью, так как она требовала самоотречения, отваги, иногда прямо-таки героизма.

В те времена, которые сейчас уходят в историю, поляки знали среди русских врагов и палачей, знали апатичную серую массу, но знали и людей благородных, добрых, мудрых, необычайно стойких и, можно бы сказать, святых. Таким людям я приношу здесь свои скромные почести.

gazeta

Яцек Бохенский *(1926 г.р.) — писатель, в 1997-1999 гг. председатель Польского ПЕН-клуба, один из учредителей и редакторов независимого журнала «Запис», выходившего не подцензурно до 1981 года. Автор книг «Божественный Юлий», «Назон-поэт», «Состояние после коллапса», «Капризы пожилого господина». Книга «Тринадцать европейских упражнений» только что вышла в издательстве «Свят ксёнжки» («Мир книги»).*



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Сейм единогласно принял резолюцию в связи с 60-летием окончания II Мировой войны, в которой, в частности, говорится: «Польша, подвергшаяся нападению 1 сентября 1939 г., первая с оружием в руках выступила против гитлеровской агрессии (...) Польша выставила четвертую по численности (после советской, американской и британской) регулярную армию, сражавшуюся с врагом на суше, на море и в воздухе. Поляки создали самую крупную подпольную армию, которая участвовала в сотнях боев, включая такое беспрецедентное сражение, каким стало Варшавское восстание, поглотившее сотни тысяч жертв. Победа союзников не вернула нашим отцам и дедам долгожданной независимости, но принесла новую зависимость и коммунистическое порабощение. В стране воцарился террор (...) Мы напоминаем, что эта самая кровавая в истории человечества война стала следствием безумной политики гитлеровской Германии (...) Путем к осуществлению ее замыслов был подписанный 23 августа 1939 г. пакт Риббентропа—Молотова. Польша стала первой жертвой двух заключивших союз агрессоров (...) Однако уважение к истине и истории требует, чтобы варварство и преступления сталинизма не заслонили тех огромных жертв, которые понесли народы, населявшие СССР, сражаясь с гитлеровской Германией с июня 1941 года. Сейм Республики Польша воздает дань уважения миллионам бойцов Красной Армии, в том числе погибшим в 1944-1945 гг. на польской земле во время победного наступления на Берлин. Установленный в Ялте послевоенный порядок привел к тому, что в Центральной и Восточной Европе воцарилась коммунистическая система, а демократия могла наступить только спустя 45 лет после окончания войны». *(«Газета выборча», 5 мая)*

• Из выступления президента Александра Квасневского 7 мая во Вроцлаве на торжествах по случаю 60-летия окончания II Мировой войны: «В заключительный период войны на всех ее фронтах сражалось около 600 тыс. польских солдат (...) На нашей земле в боях с немецкими войсками полегло около 600 тыс. солдат Красной Армии (...) XX век был веком не одного, а двух тоталитаризмов. Поляки во всей полноте испытали на себе жестокость обоих. Как справедливо заметил (...) Норман Дэвис, „место между Гитлером и Сталиным было самым неудобным местом на земном шаре". Мы убедились в этом в сентябре 1939 г., когда во исполнение пакта Риббентропа—Молотова состоялся четвертый раздел Польши, а затем и порабощение прибалтийских государств. Это факты, о которых невозможно забыть — так же, как не можем мы забыть фотографий, на которых видно, как немецкие и советские солдаты участвуют в совместном параде после подавления польского сопротивления (...) Мы с возмущением и горечью вспоминаем, что, когда в московском небе гремел салют в честь победы, шестнадцать лидеров подпольной Польши сидели в казематах Лубянки. Трое из них были казнены». *(«Газета выборча», 9 мая)*

• «Выставка на Уяздовских аллеях (...) На тротуаре расставлены металлические каркасы, на которых вывешены 80 портретов солдат, офицеров и санитарок. Это варшавские повстанцы и бойцы польского подпольного государства, преследовавшиеся аппаратом госбезопасности в 1944-1956 годах. Им посвящена эта выставка под открытым небом напротив бывшего здания министерства госбезопасности (...) Перед многими портретами сразу же появились цветы и горящие свечи. „А когда война кончится, высохнет кровь, по аллеям с парадом пройдем мы вновь..." — пели они в августе 1944 года. Не довелось. Вместо триумфального победного шествия их повезли по Уяздовским аллеям в тюрьму. Им было чуть больше 20 лет». *(«Жечпосполита», 10 марта)*

• «Хотя в ходе берлинской операции погибло более десяти тысяч польских солдат, СССР не согласился создать в Берлине хотя бы самое маленькое польское воинское кладбище или выделить участок на одном из двух гигантских советских кладбищ, несмотря на то что международное право

предписывает хоронить военных там, где они погибли. Часть останков вывезли за Одер [на территорию Польши]. Судьба остальных неизвестна». *(Цезарий Гмыз, «Впрост», 8 мая)*

• **«Нам удалось разыскать 87-летнего Антония Яблонского, одного из трех бойцов дивизии им. Тадеуша Костюшко, которые 2 мая 1945 г. первыми водрузили польский флаг на колонну Победы в Берлине (...) Сегодня он живет на 640 злотых пенсии и ветеранской надбавки. Глядя на 24 ордена и медали, полученные им за военные заслуги, он вспоминает прошлое. Его не пригласили на московские торжества. Никому не хотелось вспоминать, кто первым водрузил флаг на колонну, да вдобавок еще и бело-красный». *(Ежи Данелевич, «Ньюсуик-Польша», 8 мая)***

• Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, за год число сторонников Евросоюза возросло. В канун вступления Польши в ЕС их было 61%, а противников — 28. Сейчас сторонников — 74%, а противников — 18. *(«Жечпосполита», 30 апр. — 1 мая)*

• **«В 2004 г. иностранные фирмы инвестировали в Польше почти 8 млрд. долларов. Полоса неудач нашей страны кончилась (...) По сравнению с 2003 г. стоимость проектов иностранных фирм увеличилась на 23% (...) Растет также число новых рабочих мест на иностранных предприятиях. В 2004 г. иностранцы обещали принять на работу 14,8 тыс. человек. Годом раньше работу в иностранных фирмах получили 10 тыс. поляков». *(«Жечпосполита», 2 апр.)***

• «Польша занимает одно из первых мест в Евросоюзе по уровню безработицы — 16,2%». *(«Пшеглёнд православный», май)*

• **«Согласно последнему отчету Всемирного банка, условия деятельности предпринимателей в Польше улучшаются слишком медленно, а суды работают чуть ли не медленнее всех на свете. Польши нет в первой двадцатке стран, в которых легче всего действовать предпринимателям. Мы занимаем лишь 45-е место — на три места ниже, чем в 2004 году». *(«Газета выборча», 14 апр.)***

• «В этом году государственная казна получит около 2 млрд. злотых дивидендов — в два раза больше, чем планировалось. Это результат благоприятной конъюнктуры — но не только. Многие государственные фирмы получили в прошлом году рекордную прибыль. Некоторые предприятия удвоили ее или даже утроили. Распределение этой прибыли пополнит и бюджет». *(«Жечпосполита», 18 апр.)*

• **«В 2003 г. польские предприятия получили рекордные государственные субсидии — 28,6 млрд. злотых, т.е. 3,5% ВВП (годом раньше эта сумма составила только 10,3 млрд. злотых). Больше всего досталось угольной промышленности. В связи с реструктуризацией этот сектор получил 17,5 млрд. злотых. Государство помогает прежде всего крупным нерентабельным предприятиям — в 2003 г. крупные фирмы использовали 80% резервов, предназначенных для всех предприятий (...) 20 фирм, которым досталось больше всего государственных субсидий, получили тогда почти 20 млрд. злотых». *(«Жечпосполита», 21 апр.)***

• «Польша ходатайствует о выделении дополнительных средств на строительство и модернизацию рыболовецких судов. Брюссель не соглашается на это. По его мнению, гораздо важнее рыбоохрана». *(«Жечпосполита», 22 апр.)*

• **«Защитники животных хотят добиться введения более гуманного метода убоя кур поставщиками сети „Kentucky Fried Chicken". Сегодня они будут пикетировать один из варшавских ресторанов (...) Как убивают кур? Живых кур подвешивают вниз головой в специальных металлических зажимах. Конвейер везет их к резервуару, наполненному водой, через которую пропущен ток. В воду должны погрузиться головы и шеи кур. Если куры вырываются либо если они слишком большие или слишком маленькие, они не погружаются в воду как следует, и ток не оглушает их (...) Случается, что на дальнейшую обработку — на перерез горла (для обескровливания) и отрез головы — птица идет не оглушенной (в фильмах организации ПЕТА видны бьющиеся куры без голов). Если курица слишком мала, машина может отрезать у нее только верх головы, и она еще жива, когда попадает в ощип». *(«Газета выборча», 22 апр.)***

• «Правительство не послало в Брюссель статистику о загрязнении атмосферы газами, вызывающими парниковый эффект. Вчера Польша, а также Люксембург и Мальта получили из Брюсселя первые письменные предупреждения». *(«Жечпосполита», 13 апр.)*

• **«На встрече в Варшаве представители Польши, Украины и Европейской комиссии приняли решение возобновить работы по прокладке польского участка трубопровода Одесса—Броды. Поставки в Польшу каспийской нефти должны начаться уже в сентябре — пока по железной дороге. Во время встречи было решено, что Брюссель заплатит 2 млн. евро консультационной фирме, которая подготовит документы, необходимые, чтобы начать строительство нити трубопровода Одесса—Броды, доходящей до Плоцка».** ***(Анджей Кублик, «Газета выборча», 23-24 апр.)***

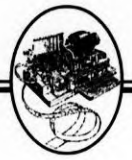
• «„Контроль над нефтью, газом и энергетикой мы должны держать в закрытом на ключ ларце, чтобы он не перешел к России", — сказал Станислав Цёсек (...) Один из бывших руководителей ПОРП, а в 90-е годы посол в Москве убеждал, что нельзя отдавать России контроль над стратегическими отраслями экономики. Советник президента и эксперт в области восточной политики, Цёсек подверг критике идею выпустить на биржу Гданьский нефтеперерабатывающий комбинат, так как это грозит поглощением фирмы российскими нефтяными гигантами (...) Цёсек согласился с мнением, что экспорт сырья — одна из основ экспансионистской политики России (...) Во времена общественно-политических преобразований 16 лет назад Цёсек должен был заверять „советских товарищей", что Польша „не сойдет с пути строительства социализма"». *(«Жечпосполита», 21 апр.)*

• **«Министерство государственной казны сообщило о завершении последнего этапа взятия под государственный контроль гданьского „Нафтопорта". Речь идет о терминале, обеспечивающем поставки нефти польским нефтеперерабатывающим предприятиям независимо от российской системы трубопроводов „Дружба" — главного источника обеспечения нефтью комбинатов в Плоцке и Гданьске. Решение о строительстве „Нафтопорта" было принято в середине 1991 г., когда нефтеперерабатывающим предприятиям грозило прекращение поставок нефти, поступающей по нефтепроводу из России». (*** ***«Газета выборча», 18 апр.)***

• „Ю-щен-ко! Ю-щен-ко!» — скандировали вчера в честь президента Украины студенты Варшавского университета. Виктор Ющенко посетил университет, чтобы поблагодарить студентов за участие в демократических переменах на Украине (...) Молодежь из Варшавского университета и других варшавских вузов с первого же дня приняла участие в „оранжевой революции". Она устраивала акции протеста перед украинским посольством после фальсификации выборов, призывала польских политиков к активным действиям. В конце концов почти две тысячи молодых поляков вместо того, чтобы провести Рождество в кругу семьи, поехали на Украину наблюдать за выборами. Студенты и приглашенные гости из польских и украинских неправительственных организаций устроили Ющенко овацию стоя. Позднее они несколько раз прерывали аплодисментами его речь. Сопровождавший его президент Александр Квасневский тоже был награжден аплодисментами за удачное посредничество между демократической оппозицией и тогдашними президентом и премьер-министром Украины Леонидом Кучмой и Виктором Януковичем». *(«Газета выборча», 13 апр.)*

• **«Из Варшавы президент Украины поехал в Подкарпатье. „После того как страницы польско-украинской истории были перевернуты, нужно закрыть прошлое и идти дальше, — сказал Виктор Ющенко нескольким сотням представителей украинского меньшинства. — Мне не хотелось бы, чтобы прошлое ухудшало наши отношения. Я знаю, что во многих сердцах до сих пор живет боль, но призываю — особенно мое поколение — прийти к согласию, подать друг другу руки и строить новую жизнь". Ранее Ющенко вместе с тремя тысячами украинцев с обеих сторон границы участвовал в освящении часовни в Млынах, над могилой о. Михаила Вербицкого, который в XIX веке написал музыку к украинскому гимну „Ще не вмерла Украина". Отец Михаил жил в Польше...»** ***(«Газета выборча», 13 апр.)***

• «Официально Год Украины в Польше начался в понедельник, но его программу мы узнаем только через месяц. Пока мы должны довольствоваться прекрасно изданным по-польски журналом „Украина", подготовленным львовской интеллигенцией (...) Это не реклама, сделанная на государственные деньги. „Украина" — это стихийный проект группы львовских интеллигентов, решивших популяризировать свою страну в Польше (...) Журнал, изданный тиражом 5 тыс. экземпляров, можно будет приобрести в киосках и в организациях, занимающихся сотрудничеством с Украиной». *(«Газета выборча», 13 апр.)*



• Глеб Павловский: «Конечно, мы обиделись на Квасневского (...) Ваш президент не только пытался действовать [на Украине], не консультируясь с Россией, но еще и сформулировал тезис, который я назвал „доктриной Квасневского": лучше Россия без Украины, чем Россия с Украиной (...) Тех, кто ведет подобную политику, мы будем рассматривать как противников (...) Квасневский (...) не только оскорбил нас, но и просто-таки вынудил сделать выводы относительно его личности (...) У нас есть друзья, которых мы уважаем, и люди, которых мы более чем уважаем. К этой второй группе принадлежит генерал Ярузельский». *(«Жечпосполита», 30 апр.)*

• Ежи Помяновский: «Из двух соседей Украины только Польша не хочет господствовать над ней. Да, поляки заняли такую позицию довольно поздно — только после II Мировой войны (...) Политиков из других государств заставит задуматься нагоняй, данный Польше, члену ЕС, в интервью [с Глебом Павловским]: „Ваш президент пытался действовать, не консультируясь с Россией". В конечном итоге единственная цель, которую Глеб Павловский, сам того не желая, достиг своими высказываниями, — это услуга, которую он своими угрозами и внушениями оказал польскому президенту. Ибо все эти претензии сводятся к обвинению в том, что поляк — не вассал. Что он действительно сослужил добрую службу Украине (...) Во вмешательстве Квасневского в украинский кризис [Павловский] видит первую причину разлада между Польшей и Россией. Это выдумка — мороз крепчает уже давно. Однако важнее (...) то, что умнейший, как говорят, советник лидера огромного государства дает ему рискованные советы, а ввиду отсутствия новой концепции будущего своей родины проталкивает допотопные идеи (...) Я сожалею об этом, так как мне жаль Россию. Я провел там самые горячие свои годы и познакомился с людьми, которые смели высказывать и писать правду о тирании, не надеясь, что они увидят ее конец». *(«Жечпосполита», 7-8 мая)*

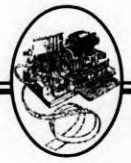
• «Почти 150 экспертов, нынешних и бывших дипломатов, а также журналистов из России и стран ЕС встретились в Кринице на I форуме „ЕС—Россия". Два дня (с 14 по 16 апреля) они размышляли, что сделать, чтобы все ухудшающиеся европейско-российские отношения не зашли в тупик. По мнению России, в ухудшении отношений виноват Евросоюз (...) „Во время кризиса на Украине ЕС впервые вмешался в события внутри пространства СНГ", — сказал Дмитрий Суслов из Совета по внешней и оборонной политике. По мнению Евросоюза, виновата Россия. Путин сошел с демократического пути, а вдобавок ввел ручное управление экономикой (...) „Нас интересует то, что делается внутри России, а не только межгосударственные отношения, — сказал Норберт Баас из германского МИДа. — (...) Пусть никто не сомневается в солидарности Берлина с новыми членами [ЕС]. Сегодня мы связаны друг с другом более, чем когда-либо прежде». *(Мацей Кузьмич и Роберт Солтык, «Газета выборча», 19 апр.)*

• «Различия в подходе к основным ценностям демократического общества могут стать препятствием в развитии нормальных отношений между Евросоюзом и Россией. Это мнение, многократно повторявшееся на экономическом форуме „ЕС—Россия" в Кринице, прекрасно отражает характер отношений между Брюсселем и Москвой. На различия в подходе к основным ценностям указал, в частности, профессор Юрий Афанасьев: „Кремль выбрал неправильную и опасную для России стратегию. Вместо того чтобы укреплять демократию, он выбрал замаскированный авторитаризм"». *(«Жечпосполита», 18 апр.)*

• «„Не может быть европейской политики по отношению к России без Польши", — предостерег премьер-министр Марек Белька на форуме „ЕС—Россия" в Кринице. Польский премьер сказал это советнику президента Путина Асламбеку Аслаханову». *(«Газета выборча», 15 апр.)*

• «Как сказал мне один из советников президента Путина, „темы польско-российского сотрудничества просто нет. Вопросы экономики и транзита энергии мы решаем в Брюсселе. Об Украине мы с вами говорить не будем, так как считаем вашу политику враждебной. Для диалога остается история — но тут диалог будет скорее неприятным. Однако есть смысл говорить о культурном сотрудничестве. В этой области можно кое-что сделать"». *(Ежи Марек Новаковский, «Впрост», 24 апр.)*

• Асламбек Аслаханов: «Борис Ельцин допустил серьезную ошибку, когда в 1991 г. от имени России принял ответственность за Катынь». *(«Впрост», 8 мая)*



• Министр иностранных дел Адам Даниэль Ротфельд: «Для нас 1945 год — это освобождение от геноцида, но в то же время горькое чувство, что мы сражались не за такую Польшу (...) Жаль, что российские власти не говорят об этом так, как Александр Яковлев или Гавриил Попов (...) Когда я читаю, что Глеб Павловский не понимает, почему поляки требуют раскрыть всю правду о Катыни, если другие народы СССР тоже пережили подобное, а Сталин просто ликвидировал в Катыни своих потенциальных противников, я вижу, насколько распространен этот образ мышления: противников, пусть даже потенциальных, можно ликвидировать! Нам казалось, что после Горбачева и Ельцина такое мышление уже не вернется. Но оно возвращается, и это затруднит наше взаимопонимание с Россией». *(«Газета выборча», 4 мая)*

• Стефан Братковский: «Путин пытается уязвить поляков различными способами (...) Прекрасным и мудрым ответом Польши (...) стало вручение высших польских наград 31 замечательному россиянину и украинцу (десятерым Москва отказала в праве принять польские ордена), внесшим вклад в выяснение катынского дела». *(«Жечпосполита», 30 апр.)*

• «Замминистра иностранных дел, а некогда посол в Польше Сергей Разов сказал: „Попытки доказать, что СССР и гитлеровская Германия несут одинаковую ответственность за начало войны, абсурдны"». *(«Жечпосполита», 16-17 апр.)*

• Адам Даниэль Ротфельд: «Россия объясняет пакт Риббентропа—Молотова ранее заключенным Мюнхенским соглашением. Действительно, Мюнхенское соглашение имело целью задобрить диктатора и было заключено в ущерб третьей стороне. Однако все подписавшие его стороны: Великобритания и деголлевская Франция во время войны, а Италия и Германия после войны — признали его недействительным и позорным. Мы ожидаем от России такого же шага в отношении пакта Риббентропа—Молотова. Нынешняя аргументация России ложна и опасна. Ведь и Горбачев, и Ельцин признали этот пакт несправедливым и постыдным». *(«Газета выборча», 6 мая)*

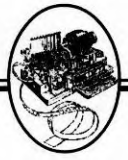
• «[Бывший министр иностранных дел] Владислав Бартошевский высказался относительно планов президента Александра Квасневского, который 9 мая намерен появиться в Москве. Он убеждал, что большинство поляков выступает против этого и президент должен считаться с их мнением — так же, как Владимир Путин, считаясь с мнением большинства россиян, не поехал на похороны Иоанна Павла II. „Не было бы ничего плохого, если бы в Москве нас представлял премьер-министр — как Российскую Федерацию в Ватикане", — сказал Бартошевский. Подобное мнение высказал [лидер «Гражданской платформы»] Дональд Туск: „Для тех, кто попал в Сибирь, 1945 год не был радостным". (...) Сторонником поездки президента в Москву оказался (...) бывший глава МИДа Анджей Олеховский. Он убеждал, что для большинства людей 9 мая 1945 года все-таки не было днем печали». *(«Жечпосполита», 25 апр.)*

• Премьер-министр Марек Белька: «Они только и ждут повода, чтобы изобразить поляков русофобами, стремящимися любой ценой ухудшить отношения Европы с Россией. Понижение ранга польской делегации в Москве стало бы прекрасным поводом для распространения такого мнения. Если польско-российские отношения ухудшились, то это случилось не внезапно. Не забудем о том, что произошло на Украине и какую роль сыграли там поляки. Это и есть объяснение». *(«Жечпосполита», 4 мая)*

• «Празднование 9 мая. Одинокие почести президента. В струях дождя президент Александр Квасневский почтил вчера память тех, о ком официальная Москва, организовавшая торжества в честь 60-летия окончания войны, предпочла не вспоминать (...) Единственными российскими зрителями были милиционеры». *(«Жечпосполита», 9 мая)*

• «Президент возложил цветы к памятнику жертвам сталинизма на Донском кладбище, а также на символические могилы последнего командующего Армией Крайовой ген. Леопольда Окулицкого и заместителя делегата польского правительства [в изгнании] Станислава Ясинкевича (...) „Они были убиты в советской тюрьме и похоронены здесь в братских могилах", — сказал Квасневский (...) Президент возложил цветы также к памятнику красноармейцам и к Соловецкому камню на Лубянке, увековечившему жертвы сталинского террора. Кроме того, он посетил музей Сахарова (...) Президента в молчании сопровождал Войцех Ярузельский». *(«Газета выборча», 9 мая)*

• Из выступления президента Белоруссии Александра Лукашенко: «Хочу предупредить (...) посольство Польши. Не думайте, что поляки в Беларуси —



это не граждане Беларуси. Это наши граждане. Мы их в обиду никому не дадим, и мозги запудривать вы им тоже не будете (...) Католики — это наши католики. Мы их не ущемляем. Мы давно знали, что вы будете поддавливать эту часть населения, чтобы дестабилизировать ситуацию. На Полесье тоже пытаются работать. Они не понимают, что белорусы живут совершенно в ином мире, что эти полешуки — это самая надежная опора наша, что поляки давно уже стали нашими поляками. Они не видят другой земли для жизни, нежели в Беларуси. Им не надо ни Польша, ни Литва, ни другие государства (...) Ведь они меня никогда не предадут (...) Поэтому успокойтесь (...) Ну есть же с кого брать пример. Послы Туркменистана, Армении, России, другие». *(«Газета выборча», 20 апр.)*

• **«„Я с Лукашенко полемизировать не намерен", — прокомментировал [выступление белорусского президента] премьер-министр Марек Белька (...) Министр иностранных дел Адам Ротфельд сказал, что слова Лукашенко типичны для всех недемократических систем, которые, когда у них возникают внутренние проблемы, ищут врагов вовне, желая отвлечь внимание общества». *(«Газета выборча», 21 апр.)***

• «В чрезвычайном порядке Сейм Литвы принял специальную резолюцию по Катыни. В ней выражается сочувствие польскому народу и солидарность с ним в 65-ю годовщину трагедии». *(«Жечпосполита», 15 апр.)*

• **«Лех Валенса принял участие в международной конференции, организованной в столице Армении в 90-ю годовщину резни армян. „Армяне справедливо требуют, чтобы Турция могла вступить в Евросоюз только после признания геноцида. Эта резня была первым геноцидом XX века", — сказал Валенса». *(«Жечпосполита», 22 апр.)***

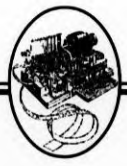
• «19 апреля Сейм неожиданно принял специальную резолюцию в связи с 90-й годовщиной геноцида армян. Единогласно принятый документ гласит: „Сейм Республики Польша воздает дань памяти жертвам геноцида, совершенного против армянского населения Турции во время I Мировой войны. Память о жертвах этого преступления и его осуждение есть нравственный долг всего человечества, всех государств и всех людей доброй воли". Таким образом, Польша стала 14-м государством, признавшим в парламентской резолюции события 1915-1922 гг. геноцидом». *(«Тыгодник повшехный», 1 мая)*

• **«Турецкий парламент отменил запланированную на май встречу с польскими депутатами. Таков был протест против резолюции Сейма по геноциду армян». *(«Газета выборча», 28 апр.)***

• «„Замечательно, что люди, которые вовсе не евреи, в честь повстанцев надели кипы", — восхищался аргентинец Матиас Алтар, который вместе с двумястами другими верующими пришел вчера на экуменическую молитвенную встречу „По пути памятников варшавского гетто". Накануне 62-й годовщины восстания в гетто евреи, католики и протестанты молились попольски и на иврите (...) От памятника Героям гетто все дошли до Умшлагплаца [места погрузки евреев в эшелоны, идущие в Освенцим]. Там участники встречи прочли молитву Иоанна Павла II о еврейском народе, которую он произнес на этом месте в 1999 году. Профессор Владислав Бартошевский назвал Папу величайшим в мировой истории зодчим иудейско-христианского взаимопонимания. „Во время его понтификата католическая Церковь признала антисемитизм грехом, в котором надлежит исповедоваться", — подчеркнул Бартошевский». *(«Газета выборча», 18 апр.)*

• **«62-я годовщина восстания в гетто (...) В 11.30 делегации правительства, варшавских властей и еврейских общин возложили венки к могиле Неизвестного солдата. Но, как всегда, больше всего людей собралось в полдень на площади, где пересекаются улицы Анелевича и Заменгофа. Именно в том районе 19 апреля 1943 года вспыхнуло восстание в варшавском гетто, в котором 800 бойцов сражались против немцев (...) Ярко одетая молодежь из Израиля развернула белый флаг с голубой звездой Давида. Повстанцев представлял их последний предводитель Марек Эдельман». *(«Газета выборча», 20 апр.)***

• «В год 60-летия освобождения немецкого концлагеря Аушвиц „Марш живых" привлек рекордное число участников. Путь от Аушвица до Биркенау длиной в 3,5 км проделали 18 тыс. человек. Как и ежегодно, в марше участвовала молодежь из Израиля, США, Бельгии, Венгрии и многих других стран. Вместе с ней шли 2,5 тыс. поляков». На марш прибыли премьер-министры Израиля и Польши Ариэль Шарон и Марек Белька, а также бывшие узники концлагеря Аушвиц. *(«Жечпосполита», 6 мая)*



• Что дает новый закон о национальных и этнических меньшинствах? «Лица, принадлежащие к меньшинству, имеют право: писать свои имена и фамилии согласно правилам их языка, изучать язык меньшинства и свободно пользоваться им в общественной и частной жизни. В гминах, где меньшинство составляет более 20% от общего числа жителей, его язык может быть вспомогательным в учреждениях. Кроме того, он может использоваться в названиях местностей, объектов и улиц (за исключением названий, данных в 1933-1945 гг. Третьим Рейхом и СССР). Государственные органы власти обязаны поддерживать (в частности дотациями) культурную, издательскую и образовательную деятельность меньшинств». Самое многочисленное меньшинство в Польше составляют немцы — 153 тысячи. Следующие места занимают: белорусы (50 тыс.), украинцы (31 тыс.) и цыгане (12,7 тыс.). К более малочисленным группам относятся: армяне, евреи, караимы, кашубы, лемки, литовцы, русские, силезцы, словаки, татары и чехи. ***(«Политика», 30 апр.)***

• В ответ на вопрос, заданный институтом исследований общественного мнения и рынка «Пентор»: «Кто, по вашему мнению, должен играть бóльшую роль в польской Церкви?» — чаще всего можно было услышать имя архиепископа Станислава Дзивиша (69,8%). Следующие три места заняли: кардинал Францишек Махарский — 66,7%, епископ Тадеуш Перонек — 51,1% и кардинал Юзеф Глемп — 49,7%. Далекие 11-е и 12-е места заняли директор радио «Мария» о. Тадеуш Рыдзык и о. Генрик Янковский из Гданьска — оба получили по 21,3%. *(«Впрост», 1 мая)*

• Согласно подготовленному ЦИОМом рейтингу доверия к политикам, проф. Збигневу Религе доверяют 67% поляков, Александру Квасневскому — 54, Леху Качинскому — 53, Ярославу Качинскому и Яну Роките — по 50, Дональду Туску — 45, Леху Валенсе — 44%. ***(«Газета выборча», 30 апр. — 1 мая)***

• «[Бывший] президент Лех Валенса стал хитом... косметических салонов. Клиентки чаще и охотнее всего изображают его портрет на своих ногтях (...) На выбор предлагаются два варианта: черно-белый портрет времен „Солидарности" и цветной, относящийся к тому периоду, когда Валенса был президентом. Говорят, что нарисовать на ногтях Валенсу чаще всего просят молодые девушки и дамы около сорока». *(«Пшеглёнд», 17 апр.)*

• Согласно опросу ЦИОМа, на предстоящих президентских выборах за Збигнева Религу готовы проголосовать 22% поляков, за Леха Качинского — 21, за Влодзимежа Цимошевича — 15, за Анджея Леппера — 13, за Марека Боровского и Дональда Туска — по 9%. ***(«Газета выборча», 26 апр.)***

• Согласно опросу ЦИОМа, в преддверии парламентских выборов «Право и справедливость» поддерживают 24% поляков, «Гражданскую платформу» — 20, «Самооборону» — 14, «Лигу польских семей» — 10, «Польскую социал-демократию» — 5, аграрную партию ПСЛ, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) и «Унию свободы» — по 4, «Унию труда» — 3%. Избирательный барьер составляет 5%. *(«Газета выборча», 16-17 апр.)*

• «Закон не запрещает баллотироваться подозреваемым и осужденным, а попытки депутатов ввести такой запрет пока не увенчались успехом, несмотря на всеобщее согласие (...) Эксперты считают, что такие попытки противоречат конституции, которую этот Сейм не в состоянии изменить». ***(«Газета выборча», 16-17 апр.)***

• «Последний отчет Высшей контрольной палаты (ВКП) развеивает все иллюзии: в правительственную администрацию чаще всего попадают чиновники без гарантий добросовестности и хорошей подготовки (...) Из отчета следует, что на сегодняшний день более 65% высших чиновников, т.е. руководителей ведомств и управлений, — это люди, получившие место вне конкурса (...) По мнению ВКП, такой метод приема чиновников на работу вытесняет идею гражданской службы (...) У главы гражданской службы нет возможности влиять на политиков, чтобы улучшить положение в правительственной администрации. Поэтому контролеры подчеркивают необходимость смены законодательства». *(«Жечпосполита», 14 апр.)*

• «В начале апреля Главное управление полиции собрало данные о коррупции по всей стране. Оказалось, что с января по март текущего года таких дел было 1664, а в тот же период прошлого года — 1000. Данные касаются только установленных преступлений, по которым полиция собрала настолько обширный доказательный материал,

что прокуратура предъявила обвинение лицам, занимающим государственные должности». *(«Газета выборча», 15 апр.)*

• «В марте 46% опрошенных ЦИОМом признали Польшу страной, в которой живется безопасно. Это на 13% больше, чем год назад. Столь же скачкообразно — на 16% — уменьшилось число людей, которые считают, что жить в Польше небезопасно (с 65 до 49%)». *(«Газета выборча», 14 апр.)*

• Согласно последнему отчету главного ветеринара о ситуации в убежищах для животных, 35% убежищ переполнены. В убежищах находятся 57 931 собака и 3349 кошек. 12% собак и 24% кошек пришлось усыпить. В некоторых убежищах усыпляют больше половины питомцев. От болезней, укусов и т.п. погибло 7% собак и 17% кошек. Новых хозяев нашли 55% собак и 31% кошек. *(«Газета выборча», 30 апр. — 1 мая)*

• «С 2004 г. вдоль железной дороги между Минском-Мазовецким и Седльце стоят аппараты UOZ-1 (...) Почти за минуту до появления поезда аппарат издает предостерегающий крик сойки. Потом слышится бешеный лай собак на облаве, лошадиное ржание. В конце идут предсмертные крики — например, вопль зайца или визг свиньи, которую режут. „Действие аппарата имеет одну цель: предупредить животных об опасности на понятном им языке так, чтобы они успели убежать (...)", — объясняет проф. Симона Коссак, биолог, руководитель беловежской Лаборатории естественных лесов при НИИ лесоводства, которая разработала этот уникальный метод предупреждения животных (...) „Исследования показали, что аппараты оправдывают себя", — говорит Марек Столярский, директор варшавского опытно-производственного предприятия NEEL, на котором они изготовляются. Аппараты отпугивают оленей, косуль, лосей, кабанов, зайцев, а также мелких и крупных хищников». *(Иоанна Боссаковская, «Газета выборча», 23-24 апр.)*

• «По случаю Дня Земли в Варшаве должен пройти радостный праздник под патронажем министерства охраны окружающей среды (...) Но есть ли что праздновать в стране, где без особого смысла вырубаются или уже вырублены сотни тысяч зачастую вековых придорожных деревьев? В стране, где под предлогом защиты от наводнений в массовом порядке выпрямляют и бетонируют сотни километров малых и средних рек, а также ручьев? (...) Может ли быть поводом для гордости то, что министерство охраны окружающей среды создало в Беловежской пуще, последнем остатке древних первобытных лесов Европы, заповедники, в которые не может войти простой поляк, зато может въехать тяжелая техника, вырубающая лес? Или то, что в конечном итоге программами ЕС по охране окружающей среды в сельскохозяйственных районах, призванными сохранить все природное богатство наших полей и лугов, будет охвачено 2,5% территории страны? Или, может, наш успех заключается в том, что мы занимаем одно из последних мест среди новых и старых членов Евросоюза по размерам территорий, обладающих природной ценностью, охраняемых в рамках европейской сети „Природа-2000"?» *(Адам Вайрак, «Газета выборча», 23-24 апр.)*

Кароль Модзелевский

ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗОВ

Историческое самосознание польского общества сильно отягощено испытанными им травмами. Правду говоря, мы не единственная европейская нация, чья коллективная память отмечена болезненными травмами, но мы глубоко уверены в собственной исключительности. Распространенную среди поляков убежденность в том, что на их долю выпали особые страдания, но и особая миссия, замечательно выразил Адам Мицкевич: «Польша — Христос среди народов». На этом фоне у нас иногда проявляется менее возвышенное, но при этом более опасное сочетание комплекса неполноценности с уверенностью в собственной непорочности. Лечение этого заболевания требует времени и терпения, и профессиональная историография сможет сыграть здесь важную терапевтическую роль. Однако сами историки — дети своей эпохи и своего культурного сообщества: им трудно высвободиться из-под гнета стереотипов, которые в национальном самосознании приобрели ранг аксиом. Ценным подспорьем в борьбе с этой трудностью может стать для нас изложение истории Польши, составленное зарубежным исследователем. Отличие исторической перспективы и несхожесть систем исходных аксиом в этом случае могут оказаться источником живительных размышлений.

Эту роль великолепно выполняет монография Даниэля Бовуа «Польша. История, общество, культура» (Париж, 2004). Это дополненный вариант его «Истории Польши», опубликованной в 1995 году. Бовуа известен как выдающийся исследователь новой истории Польши и Украины, автор монографии о Виленском университете и системе польского просвещения в Российской империи в 1802-1832 гг., а также превосходных работ о польской шляхте, украинском крестьянстве и органах царской администрации на Украине в XIX веке. Все эти работы представляют собой прочную базу для предпринятой автором попытки глобального синтеза истории Польши.

Во втором издании (2004) Даниэль Бовуа дошел в своем изложении до сегодняшней действительности. Последними событиями, которые он включил в свой труд и комментировал, были референдум по вопросу о вступлении Польши в Европейский Союз и глубокие разногласия между польским правительством и лидерами Евросоюза в связи с нашим участием в американском вторжении в Ирак и его оккупации. Во всем, что касается текущих событий, историография неизбежно переплетается с политикой. Во Франции, в отличие от Польши, верхи вместе со значительным большинством населения заняли единодушно критическую позицию по отношению к войне в Ираке. Бовуа разделяет этот критический подход, однако при этом, будучи историком, считает своим долгом способствовать, по его собственным словам, «пониманию Польши ее европейскими партнерами. Необходимо, особенно во Франции, глубже понимать культурную специфику этой страны, о любви и теплых чувствах к которой мы так часто говорим, не пытаясь ее по-настоящему понять. Так пусть же этот скромный очерк ее истории послужит взаимному сближению людей, которых география расположила на противоположных сторонах нашего ев-

Ignacy Czwartos

ропейского дома!». Так звучат последние слова этой книги. Эту цель поставил перед собой французский специалист по истории Польши, и она наполняла его труд глубоким смыслом.

Бовуа критически отмечает позицию западных (в том числе французских) руководителей, которые еще в течение длительного времени после падения коммунизма опасались, что принятие в НАТО и ЕС стран Центральной и Восточной Европы могло бы «быть воспринято Россией как унижение. В этом случае последняя, утверждая, что находится во враждебном окружении, питала бы себя воспоминаниями о безропотности, с которой мир на протяжении десятилетий принимал проявления ее имперского экспансионизма (...). Польская навязчивая идея русской угрозы, сохраняющаяся несмотря на то, что на пороге третьего тысячелетия эта угрозы стала для Польши уже скорее чисто теоретической (...), никогда не была фактором, принимавшимся во внимание в [Западной] Европе». На рубеже XX и XXI вв. «эта [т.е. Центральная и Восточная] часть Европы полностью отсутствовала во французских предвыборных дебатах». Польские историки и политики могут увидеть в этих словах многое из своих собственных убеждений, но ни один из них не расставил бы акценты подобным образом и не отнесся бы к польским опасениям как к анахронической «навязчивой идее русской угрозы». С этими словами нам трудно согласиться, но тем более полезно с подобной точкой зрения ознакомиться.

Разумеется, польза от чтения этой монографии не сводится к современным проблемам; все изложение Даниэлем Бовуа тысячелетней истории Польши склоняет к дискуссии и пересмотру бытующих мнений. Автор не без иронии припоминает господствующую в польской историографии легенду о победе в Грюнвальдской битве (1410), которая в глазах французского историка была лишь эпизодическим «успехом без будущего»; не скрывает своего насмешливого отношения к мнению тех польских историков, которые в «шляхетской демократии» склонны видеть прообраз «гражданского общества»; он пишет об отрядах кавалерии Лисовского, что они во время тридцатилетней войны вторглись в Силезию, где ширились гуситские влияния, «чтобы ограбить и опустошить ее во имя [католической] Веры»; интерпретирует распространение униатской церкви на литовско-русских землях как «инструмент доминирования, направленный против православного населения», но в то же время отмечает, что господствовавшие в Польше в эпоху Просвещения идеалы веротерпимости были использованы царской пропагандой во время Радомской конфедерации 1767 г., чтобы дискредитировать в глазах влиятельных мыслителей Запада польский «религиозный фанатизм».

Польского читателя в приведенных выше высказываниях могут возмущать как бесцеремонная терминология, так и оценки, к которым мы не привыкли. Не следует, однако, забывать, что оценки — неотъемлемая часть интерпретации сложных исторических процессов. Не бывает осмысленного исторического изложения без субъективных оценок. В монографии Даниэля Бовуа эти оценки зачастую отличаются от принятых в польской историографии, так как он высказывает их, не принимая во внимание те аксиомы, которые в Польше никто не ставит под сомнение. Конституция 3 мая — национальная святыня поляков, и у нас не принято, чтобы слишком дотошные историки копались в ней. Однако Даниэлю Бовуа совершенно не важно, что дата 3 мая отмечена в польском календаре красным цветом. Он без тени колебания пишет о «социальном мальтузианстве» этой конституции, которая сужала круг политических деятелей, исключая из них беспоместную шляхту, а мещанство — несмотря на скромные уступки — оставляла без всякого политического влияния. «Если подобный текст вскоре стал носителем патриотических и символических ценностей, несоразмерных с его содержанием, то лишь потому, что его поражение поляки переживали как общенациональную трагедию». Трудно представить себе подобное высказывание в работе польского историка. К тому же Бовуа не щадит даже духовных отцов этой конституции: он без обиняков говорит о яром антисемитизме Станислава Сташица. В связи с этим стоит заметить, что в то время антисемитские настроения были чрезвычайно характерны для польского мещанства, которое защищало цеховые монополии и боролось против каждого, кто эти монополии нарушал. Однако в польских учебниках нам не удастся обнаружить хотя бы упоминания о том, что Станислав Сташиц, так много сделавший для национальной культуры и сыгравший столь важную роль в лагере реформаторов-просветителей, исповедовал и провозглашал настолько «политически некорректные» взгляды.

Подобным же образом и рассказ автора о первых десятилетиях эпохи разделов Польши не лишен отчетливых разногласий со стандартной версией истории Польши. Обращает на себя внимание глубокий анализ неоднозначной ситуации, в которой оказались сотрудничавшие с царским двором деятели польского просвещения на литовско-русских территориях. В деятельности Чарторыйского в роли куратора историк, с одной стороны, видит продолжение работы Комиссии национального просвещения и в то же время замечает, что монополия польского языка в системе просвещения не только препятствовала потенциальной русификации, но и «литературному развитию „диалектов", не признававшихся самостоятельными языками: литовского, белорусского, украинского и идиша». Весьма интересной и открывающей новые перспективы представляется концепция, относящаяся к глубокому влиянию наполеоновской эпопеи на польскую политическую культуру. По мнению Даниэля Бовуа, культ Наполеона создал в Польше мощную традицию беспрекословно подчиняться власти «ниспосланного судьбой» вождя и «спасителя нации». На эту традицию «вождизма» опирались Хлопицкий и Скшинецкий во время восстания 1831 г., Траугутт во время восстания 1863 г. и Пилсудский в ходе майского государственного переворота 1926 года.

Общенациональные восстания XIX в. представлены в книге Бовуа в принципе без разноречий с концепциями польской историографии. В этом отношении выводы и концепции, вытекающие из трудов Стефана Кеневича, не подвергаются сомнению. Подводя итог проигранных восстаний, как нельзя более пагубный с точки зрения разрешенных национальных свобод в пределах российской части Польши, Бовуа замечает также их огромную мифотворческую роль и по достоинству оценивает роль мифа «героических повстанцев и борцов за свободу» в сохранении и укреплении устремлений к независимости.

Симпатии Даниэля Бовуа к польским историкам вновь подвергаются «испытанию на прочность» с того момента, когда автор переходит к периоду II Речи Посполитой. Польско-советская война 1920 г. (а точнее — ее корни) представлена иначе, чем это принято в новейшей польской историографии. Различие в данном случае заключается в иной интерпретации международной ситуации в период столкновения возрожденной Польши с советской Россией. Не следует удивляться, что французский историк иначе, чем его польские коллеги, воспринимает общеевропейский контекст тогдашних событий. Но тем более полезно вслушаться в его слова. Впрочем, Даниэль Бовуа полностью осознаёт тот факт, что различные мнения в оценках и интерпретации истории XX века коренятся во вполне современных политических коннотациях. Майский переворот 1926 г. и итог авторитарного правления Пилсудского автор представляет без снисхождения и эвфемизмов, а о самом маршале пишет следующее: «Его легенда, тщательно очищенная от антидемократических аспектов его деятельности, возродилась в 1975-1990 гг. как символ сопротивления коммунизму и стремления к независимости».

Впрочем, демократический период в истории II Речи Посполитой Даниэль Бовуа склонен трактовать как несущественный эпизод, о чем свидетельствует заголовок одного из разделов: «Неудавшийся опыт демократии. 1921-1925».

Даниэль Бовуа и его польские коллеги единодушны, когда речь идет об интерпретации событий II Мировой войны. Пакт Риббентропа—Молотова представляет собой, по мнению автора, не что иное, как очередной трактат о разделе Польши, после которого наступила двусторонняя оккупация. Автор особо отмечает отсутствие какой-либо существенной политической коллаборации в Генеральной губернии, но приписывает этот факт не столько нежеланию самих поляков сотрудничать с немцами (наоборот — он упоминает о подобных предложениях Б.Пясецкого и В.Студницкого), сколько негативной позиции немецкой стороны. Наверняка здесь сыграли свою роль (вплоть до нападения на СССР) и взаимные договоренности между оккупантами. Трагическую судьбу Варшавского восстания автор связывает с макиавеллизмом Сталина и не вступает во всё еще не утихшие в польской историографии и публицистике споры о правильности решения командования АК и его теоретической ответственности за гибель 200 тысяч гражданских лиц и полное уничтожение города.

Относительно первых послевоенных лет мнение Бовуа вновь не совпадает с общепринятым в польской науке: по его мнению, аграрная партия ПСЛ под руководством Станислава Миколайчика была единственной серьезной силой, препятствовавшей полному подчинению политической жиз-

ни в Польше тотальной диктатуре коммунистов. Он пишет: «(Вооруженное) подполье имело весьма ограниченный размах на фоне огромного облегчения, с которым польское население восприняло окончание немецкой оккупации. Большинство и так было уверено, что от западных держав никакой помощи ожидать не приходится. Даже те, кто [вначале] рассчитывал на вспышку новой, советско-американской войны, вскоре осознали иллюзорность своих надежд. Открывались только два пути: либо последовать за новыми хозяевами страны (...), либо поддержать усилия Миколайчика». Подобная интерпретация идет вразрез с упрощенной схемой, согласно которой поражение Германии означало для Польши лишь замену одних оккупантов на других. Серьезная польская историография в этом вопросе более близка к тому, что пишет Бовуа; однако французский историк формулирует эту точку зрения более резко и недвусмысленно, рискуя подвергнуться критике.

В краткой, но проницательной характеристике сталинского периода Бовуа не ограничивается описанием террора и лжи, но замечает и анализирует феномен общественной поддержки диктатуры и значительной эффективности коммунистической пропаганды. «Коммунизм накладывал свой отпечаток на Польшу в течение полувека, подрывая национальные традиции, совершенно чуждые этой идеологии". Этим реальным, глубоким и длительным влиянием навязанного польскому обществу строя автор объясняет проявившуюся в 90-е годы ностальгию по временам ПНР и поведение избирателей в 1993, 1997 и 2001 годах.

Повторяющиеся с момента десталинизации политические кризисы, рабочие бунты 1956, 1970, 1976 и 1980 гг., мартовские студенческие волнения 1968-го, равно как и деятельность таких организаций, как КОР, Движение в защиту прав человека и гражданина, Конфедерация польской нации, а также массовое движение «Солидарности», представлены в монографии с точки зрения польской демократической оппозиции. Эта точка зрения особенно близка автору, но она не позволяет охватить события во всей их полноте. Читателю этой великолепно написанной книги хотелось бы больше узнать о процессах, происходивших в кругах коммунистической власти, и лучше понять противоположную сторону исторического конфликта 1980-х, чтобы осмыслить мотивы и механизмы, приведшие от военного положения к переговорам «круглого стола» и демонтажу коммунистической системы.

Сходство взглядов, объединяющее Даниэля Бовуа с участниками польской демократической оппозиции при этом вовсе не означает идиллического единодушия в оценке того периода, когда оппозиционеры пришли к власти и начали преобразования общественного строя. Комментируя результаты парламентских выборов 1991 г., Бовуа заявляет: «Оказались полностью разрушенными мифы свободного рынка по западному образцу и „шоковой терапии" Бальцеровича. Из-под блестящего фасада нового капитализма проглядывало все более усталое лицо страны. Теперь у Польши был свободно избранный президент и парламент, так что она приобрела формальные атрибуты демократии. Оставалось лишь привести в движение ее механизмы». Эти слова далеки от триумфальных восклицаний. Ощутимое в них беспокойство за судьбу еще не окрепшей, зарождающейся в трудных условиях демократии сегодня представляется как никогда своевременным.

Я выбрал из монографии Даниэля Бовуа несколько цитат и примеров, иллюстрирующих твердую независимость автора от канонов польской историографии и стереотипов польского исторического самосознания. Эта подборка может создать впечатление лобового столкновения между французским историком, с одной стороны, и его польскими коллегами и польским общественным мнением — с другой. Однако такое впечатление было бы неверным. Перед нами взвешенная и весьма дружелюбная по отношению к нам книга. Казалось бы, мы можем воспылать к Даниэлю Бовуа горячей любовью. Но любить его трудно, потому что он все время идет нам наперекор, гладит нас «против шерсти». И вот как раз за это он и заслуживает нашей благодарности — как друг, который может быть прав или не прав, но все равно встряхивает нас, если мы застываем в интеллектуальном оцепенении.

Данута Сосновская

РАЗВЕНЧАНИЕ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ МИФОВ

В Польше укоренилось мнение, что века общей истории позволили нам «как следует» познать соседние народы. Между тем последняя книга Даниэля Бовуа «Русская власть и польская шляхта на Украине. 1793-1830» (Париж, 2003) показывает, насколько все еще мифологизирован наш образ истории. Бовуа — заслуженный исследователь польско-российско-украинского прошлого, а его сочинение задумано как продолжение двух других его трудов. Вместе эти книги представляют собой труд высокого класса, плод 30 лет работы, в процессе которой автор не шел на поводу у моды и конъюнктуры. Для польских, а также российских и украинских читателей они могут стать захватывающим уроком истории. Труд Даниэля Бовуа оспаривает множество популярных суждений, опровержение которых для поляков и русских почти равносильно оскорблению.

Только человек, «съевший собаку» на истории Восточной Европы, мог так свободно сочетать фактографическую документацию с блестящим искусством рассказчика. Бовуа обильно цитирует архивные материалы, в том числе необычайно интересные, прежде неизвестные российские документы, приводит многочисленные статистические данные, но не подавляет ими читателя: они строго вписываются в представленные в книге смелые исторические воззрения. В предисловии автор признаёт, что раньше, исследуя отношения российских властей, украинского крестьянства и польских землевладельцев, он ограничивал свой анализ промежутком между 1831 и 1914 гг. Однако в дальнейшем он понял, что необходимо заглянуть в еще более далекое прошлое — во времена, предшествовавшие восстанию 1830-1831 гг. Это позволило взглянуть на польско-русские отношения в момент их зарождения, когда две разные культуры вошли в тесное соприкосновение друг с другом. Для французского исследователя их столкновение — это прежде всего конфликт двух общественных, административных и экономических систем, который только впоследствии, на более позднем этапе, приобрел национальную окраску. Бовуа анализирует ментальность различных общественных слоев трех наций, показывает мотивы и причины тех или иных действий. Между отдельными группами, независимо от национальности, были и попытки сотрудничества, и конфликты интересов, а национальная принадлежность лишь со временем приобретала все большее значение.

Одно из достоинств книги Бовуа — динамичный и конкретный образ истории. Каким образом при описании такого разнообразия политических тенденций, множества аргументов, многоплановости людей историку удалось сохранить ясность рассуждения, в какой-то степени остается тайной его мастерства. Читая книгу, мы видим архитектуру двусторонней политики русских и поляков, но в то же время и конкретных людей. Причем на сцене появляются не только главные действующие лица польской и русской истории, но и — впервые — люди, которым до сих пор практически не давали возможности высказаться — «голытьба»: безземельная шляхта, мелкопоместная шляхта, мелкая арендаторская шляхта и другие разновидности шляхетских «голяков». Этот важный элемент шляхетского мира на удивление слабо представлен в польской и украинской историографии.

Последствия того, что безземельная шляхта оставалась «белым пятном», имеют фундаментальное значение для образа польского прошлого. Как показывает Бовуа, они позволяют идеализировать польскую шляхетскую демократию. С присущим ему темпераментом французский историк развеивает этот важнейший польский миф, не только поддерживавшийся в прошлом, но и возродившийся после 1989 г., когда он стал основанием претензий на то, что Польша была первым демократическим государством Европы. Как пишет Бовуа, почти все польские историки подчеркивают новаторство и ценность шляхетского республиканского дискурса: гражданского, демократического и толерантного. «Слепленное из недоговорённостей прославление этой системы достигло предела (...) в последние годы».

Среднеобразованный поляк выносит из школы версию истории, сложившуюся в эпоху Просвещения: темная, финансово зависимая шляхта была кошмаром сеймиков и сеймов и привела к политической катастрофе Речи Посполитой. Это мнение поддерживает и литература, создавшая убедительные образы шляхетской голытьбы. Бовуа пытается проверить его истинность. У большей части шляхетской бедноты не было средств, чтобы участвовать в сеймиках, где решались политические и хозяйственные вопросы, а отсутствующие оказывались неправы. Именно это и требовалось: в последние годы существования Речи Посполитой шла борьба за ограничение слишком многочисленной шляхты, представлявшей собой реликт минувших эпох. Ареной этой борьбы стал, в частности, знаменитый Четырехлетний Сейм. Боролись с помощью права, но и с помощью пасквиля — настолько эффективно, что в польской памяти запечатлелся образ пьяных продажных орд. Бовуа доказывает, что этот образ преувеличен, и обнажает скрытые экономические и политические мотивы борьбы между шляхетскими «братьями». Кроме того, он задается вопросом: можно ли без тени сомнения считать эти процессы проявлением модернизации, как представляет дело польская историография? А если да, то что с чувством справедливости?

В последнем вопросе речь идет не о морализаторстве, а о том, чтобы принять во внимание множество аргументов. Свои аргументы были не только у реформаторов, но и у тех тысяч, которые должны были оказаться вне шляхетского сословия. Шляхетская демократия создала прекрасный идеал равенства, однако практика была настолько далека от этого идеала, что зачастую от него оставалась только риторическая позолота.

Выводы французского исследователя имеют огромное значение. Значительную часть шляхетской «голытьбы» составляла «русская» шляхта, обнищавшая в ходе политических перемен. В связи с этим автор вспоминает труды украинского историка польского происхождения Вацлава Липинского, который проследил шляхетские традиции украинского народа. Основной тканью его стала, в частности, мелкая «русская» шляхта, не ассимилировавшаяся с польской культурой и католичеством. К ней, писал Липинский, принадлежали такие личности, как Володыёвский или Богун — герои, которых Сенкевич выкрал у украинской традиции и переделал по-своему. Оригинальные, хотя и недооцененные работы Липинского достойны внимания, однако истолкование проблемы в категориях одного лишь национального притеснения чересчур все упрощает. Бовуа показал, что шляхетские антагонизмы были прежде всего внутрисословным явлением, что имеет немалое значение для образа польско-украинских отношений.

Не менее интересные для себя выводы сделает читатель, ищущий в книге французского исследователя образ русской истории, рассматриваемой сквозь призму того, что́ делалось на западных окраинах империи. С русскими мифами Бовуа разделывается так же решительно, как с польскими. Он отвергает образ «всеобъемлющей любви» империи, в которой огромные многокультурные и многонациональные пространства придавали власти многоэтнический характер. Ложность таких притязаний обнажает, в частности, российская политика в отношении поляков. Хотя она была изменчива, восприимчива к политической конъюнктуре, вовлечена в борьбу между либералами и их противниками, у нее была своя последовательная линия. По мнению Бовуа, репрессии после 1830 года не были инстинктивной или импровизированной реакцией. Несмотря на головокружительную карьеру таких личностей, как Адам Чарторыйский, несмотря на периодические «оттепели», российская власть упорно стремилась подчинить себе шляхетский мир, а не сосуществовать с ним. После разделов польские дворяне попали на «русский конвейер», и, несмотря на все неисправности, он вез их к унификации с русскими. Упрямые попытки российских властей притеснять, контролировать и ограничивать шляхту в конце концов должны были принести свои результаты.

Тон в российской политике задавали не люди вроде сторонника либерализации и зодчего реформ Сперанского, а такие, как знаменитый русский историк и писатель Карамзин, который быстро перешел на ультраконсервативные позиции. В связи с польским вопросом Карамзин писал: «Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний». Консервативные историософские концепции, согласно которым победитель прав, потому что он победитель, восторжествовали и в России. Бовуа обращает внимание также на то, что

именно Карамзин положил начало топосу «вечного» единства России и Украины — одному из самых устоявшихся в российской, а затем советской историографии. «Косвенным образом, через российских эмигрантских историков, это клише распространилось по всему миру — отсюда трудности Украины с признанием ее самостоятельности».

Бовуа не представляет русских в излишне черном свете. Бедная шляхта, часто не располагавшая доказательствами своего шляхетства, создавала реальные проблемы для регулировавшейся табелью о рангах российской общественной системы. Шляхта была для России вызовом — культурным (ввиду своей инаковости), административным (ибо ускользала от контроля), экономическим (проблема уплаты налогов) и законодательным (вопрос шляхетской юрисдикции). Она в самом деле была реликтом былых времен. Проектов ее модернизации было множество — от зловещих планов Зубова до менее жестоких предложений. Однако все эти проекты не означали борьбы Давида с Голиафом: на стороне России была власть, но у поляков были действенные методы обструкции. Главным их союзником была неэффективная российская бюрократия. В книге есть немало замечательных, часто комических страниц, на которых Бовуа показывает столкновение искусственной, придуманной в Петербурге действительности с действительностью настоящей.

Небольшой объем рецензии не позволяет мне хотя бы наметить основные вопросы, затронутые исследователем. Я бы хотела коснуться еще только одной темы, хотя ее значительность и новаторский характер представления нуждаются в основательном разборе. Проблемы России с польским шляхетским миром Бовуа показывает на фоне усилий по модернизации и либерализации империи. Соответственно в центре внимания оказываются люди, представляющие собой зачаток интеллигенции, а также опасения, связанные с ростом численности последней. В России страх перед т.н. разночинцами подхлестывал антиреформаторские настроения. На захваченных польских землях этот страх проявлялся, в частности, в виде ограничения развитой системы образования. Занимались этим не русские, а состоятельные польские собственники из опасения перед ростом революционного брожения, зачином которого могли стать образованные шляхтичи-пролетарии. Образованная мелкая шляхта становилась своего рода категорией «лишних людей»: прежняя польская власть не могла обеспечить им полноценное гражданство, а в империи у них тоже не было возможности осуществить свои чаяния. Очень увлекательна последняя глава, посвященная изменениям в системе образования на Украине, — впрочем, как и вся книга, являющая собой редкий пример того, что западный историк, который в своих исследованиях перешел границу, проходящую по Эльбе, может не запутаться в сложной материи Восточной Европы и не поддаться влиянию ее мифов. Бовуа вносит в образ польского, российского и украинского прошлого критицизм свежего взгляда без тени протекционизма, а также увлеченность и честность исследователя. Он ставит перед нашей историей зеркало, в которое стоит заглянуть, ибо там мы по-новому увидим то, что до сих пор считали хорошо известным.

Daniel Beauvois. «Pouvoir russe et noblesse polonaise en Ukraine. 1793-1830». Paris, CNRS Editions, 2003.

Мартин Войцеховский

ЛЕХ, БРАТ РУСА

Недавнюю катынскую годовщину можно было с легкостью превратить в очередное (и небезосновательное) обвинение России в том, что она не хочет отказаться от наследия СССР, до сих пор придерживается сталинской версии истории и не решается сделать символический жест доброй воли. К счастью, этого удалось избежать. Поляки показали, что они не хотят использовать кровь зверски убитых соотечественников в политических целях. Кроме того, стало ясно, что они знают: помимо глухой к нашим аргументам официальной России есть и другая Россия — дружественная, открытая, глубоко сочувствующая и просто-напросто человеческая. Вручение высших польских наград российским гражданам, способствовавшим раскрытию правды о Катыни, беспрецедентно в истории новейших польско-российских отношений. Надо сказать, что список награжденных далеко не полон, ибо Россия — это не только Кремль, правительство и Дума, но и миллионы людей, у которых есть свое собственное мнение и которые не боятся его высказывать.

Несколько недель назад газета «Московские новости» напечатала статью Мариэтты Чудаковой о Катыни, в которой была представлена вся правда об этом преступлении. Рядом был помещен протест против реабилитации сталинской версии истории. Каждый читатель мог его вырезать и отправить руководству страны. Это первый известный мне случай, когда российская редакция решилась на такой жест в отношении иностранного государства. Конечно, скептики могут сказать, что мнение сотрудников этой газеты в России разделяют несколько десятков или сотен тысяч человек. И все же такие издания, как «Московские новости», формируют мнение российской интеллигенции. Их интерес к катынскому делу свидетельствует о том, что эта тема — не только «польская навязчивая идея», как утверждают представители российской администрации.

Правозащитное общество «Мемориал», документирующее сталинские репрессии, шлет в российскую военную прокуратуру письма с вопросами, почему та не хочет признать катынское преступление актом геноцида и засекречивает документы более чем 60-летней давности, прикрываясь государственной тайной. Опять-таки можно сказать, что «Мемориал» — это маргиналы, та самая микроскопическая часть общества, которая критикует войну в Чечне и протестует против кризиса демократии, — но с этой организацией сотрудничают несколько десятков тысяч человек. Это совсем не мало. Никто не принуждает их заниматься Катынью. Они не черпают из этого выгоду. Они делают это, потому что так велит им совесть, желание познать правду и разобраться с собственной историей.

Так же следует отнестись и к заявлению российского ПЕН-центра относительно пакта Риббентропа—Молотова. Генеральный директор центра Александр Ткаченко утверждает, что как когда-то Адам Мицкевич обращался к русским друзьям, так сегодня русские обращаются к полякам. Скептики опять скажут, что роль ПЕН-центра второстепенна, однако литература в России продолжает формировать общественное сознание, а писатель там — нечто большее, чем просто писатель.

Несколько недель назад во время открытия в Москве Польского сезона — многомесячного мероприятия, призванного популяризировать в России нашу культуру, — я разговаривал с людьми, которые помнят первый визит в Москву после 1989 года депутатов от «Солидарности». Одним из них был Адам Михник. В те времена Михник, наряду с Яцеком Куронем и Лехом Валенсой, был в СССР одним из самых легко узнаваемых символов «польской контрреволюции». Вдобавок он единственный из всех троих бегло говорил по-русски и регулярно читал российские газеты. Ничего удивительного, что его приезд в Москву вызвал сенсацию.

Андрей Загорский, ныне зам. председателя московского представительства фонда Конрада Аденауэра, а тогда подававший надежды молодой советский дипломат, решил организовать встречу с Михником, хотя различные «товарищи в штатском» отговаривали его от этого. В начале встречи Михник заверил, что польские перемены направлены не против России или русских, а против советской системы. Кроме того, он назвал себя «антисоветским русофилом», чем окончательно покорил собравшихся.

Сегодня вновь возникает потребность в такой позиции по отношению к России. Вновь пришло время отсеивать все советское и проникаться русским, при этом старательно защищаясь от явлений, которые под видом русского пытаются протащить советское содержание. Вновь пришло время четко разделить понятия России как государства, с которым мы не можем договориться о прошлом, и России как ее жителей, с которыми нужно вести диалог.

В этом году во время катынских торжеств президент Квасневский обратился к полякам и россиянам с важным призывом: «Хотя поляки отмечены печатью страданий и мученичества, они не одержимы исторической манией. Мы хотим смотреть в будущее. Мы хотим вместе с Россией принимать вызовы нового времени в открытой, объединяющейся Европе (...) Давайте вместе искать пути, которые приведут нас к правде, взаимопониманию и примирению во имя будущего!»

Контуры примирения с Германией обозначились еще в 60-е годы, но по-настоящему эту идею начали воплощать в жизнь лишь после «круглого стола», когда к власти в Польше пришли бывшие деятели оппозиции. Подобным образом обстояло дело с польско-литовским и польско-украинским примирением, идея которого возникла в среде парижской «Культуры», но в широком масштабе начала осуществляться только в 90-е. Поначалу это примирение не давало заметных результатов.

Примирение с Россией тоже не будет легким и быстрым. Оно потребует пересмотра многих предубеждений и стереотипов, в т.ч. и у самих поляков. Поляки убеждены, что на протяжении многих веков Польша была жертвой и объектом агрессии со стороны России. Признаться, с этим трудно спорить или делать вид, что на самом деле все было по-другому. Однако в таком мышлении кроется ловушка излишнего погружения в мартирологию и вечного чувства российской угрозы. Чтобы примирение с русскими стало возможным, поляки должны отказаться от этого мышления. Речь идет не о том, чтобы забыть о разделах и Катыни или сделать вид, что в истории наших взаимоотношений не было трагических эпизодов. Просто примирение не может базироваться на воспоминаниях об обидах.

Осознание этого позволило польским епископам обратиться к немецким с историческими словами: «Прощаем и просим прощения». Польско-украинское примирение стало возможным только тогда, когда поляки перестали говорить исключительно о резне на Волыни, осудили операцию «Висла» и допустили критическую оценку политики Второй Речи Посполитой в отношении украинцев.

Занять самокритичную позицию по отношению к общей с Россией истории наверняка будет труднее, чем в случае с другими соседями. Однако речь идет о том, чтобы не обвинять россиян, не домогаться от них постоянных извинений. Вместо того чтобы требовать понимания наших аргументов, давайте дадим им сигнал, что мы тоже понимаем их чувства, даже если они кажутся нам чуждыми и малоприемлемыми.

Россияне часто противопоставляют Катыни судьбу тысяч красноармейцев, взятых в плен в 1920 г. и погибших в польских лагерях. Поляки отвечают, что этих людей не истребляли планомерно, что они гибли от болезней, эпидемий и нужды, которые после I Мировой войны коснулись не только нашей страны. Мы позволяем российским историкам исследовать эту проблему, максимально открывая наши архивы. Пусть они сами убедятся, как все было на самом деле. Братские могилы разделяют только в том случае, если пытаться сровнять их с землей, использовать для политических спекуляций или не говорить над ними правды. В других случаях память о почивших может объединять и врачевать. Может, стоило бы почтить память красноармейцев, погибших в Польше 80 лет назад, хотя бы символическим кладбищем?

Если Россия не станет участвовать в процессе примирения, это будет невосполнимой потерей. Легко говорить, что если люди, правящие сегодня Россией, не готовы свести счеты с историей, то надо оставить их в покое. И все же, ожидая извинений, стоит посылать россиянам сигналы нашей готовности к примирению, прощению и желанию смотреть в будущее.

Несмотря на сложные отношения между православием и католичеством, огромную роль в этом процессе может сыграть польская Церковь. Наши епископы неоднократно выступали за примирение с немцами и украинцами. Часто они делали это вопреки главному течению общественного мнения. Не могли бы они сделать подобный жест и в отношении России? Тем более, что о. Здислав Пешковский, капеллан Федерации катынских семей, чудом спасшийся от этой бойни, многократно говорил о прощении. А архиепископ Юзеф Житинский в проповеди по случаю 65-летия Катыни призывал не возлагать ответственность за это преступление на весь русский народ. Это шаги в верном направлении.

Великодушие может принести лучшие плоды примирения, чем твердое настаивание на своем.

Олег Закиров

ИЗ ИСТОРИИ ЧАСТНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАТЫНСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*Продолжение документальных записок**

Я начал поиски Бороденкова, который, по словам Ивана Ноздрева, принимал участие в расстрелах польских офицеров и советских граждан. Бороденков служил в комендантском взводе под началом Стельмаха, в 1940 г. коменданта Смоленского УНКВД, а Стельмах и его подчиненные приводили в исполнение приговоры троек и двоек НКВД. В моем распоряжении была только фамилия и примерный год рождения. Вскоре Ноздрев припомнил, что Бороденков жил в районе Красноармейской улицы. Но Красноармейских улиц (как оказалось) в Смоленске было целых три. В конце 1989 г. я нашел его точный адрес — это была 3-я Красноармейская, второй этаж старого деревянного дома (без удобств). Такие дома строились сразу после войны в городе, разрушенном до основания немцами. Теперь же эти старые развалюхи выглядели жалко и по мнению городского начальства портили облик социалистического Смоленска. Однако, прежде чем рассказать о встрече с ним, я хотел бы вернуться в сентябрь-октябрь 1989 года.

Помню, как я ходил за туристами из Польши и пытался заговорить с кем-нибудь из поляков, чтобы рассказать правду о Катыни, но все мои попытки были неудачными, так как все они спешили (это были экономические туристы) сделать покупки (телевизоры, холодильники...) и успеть на отходящий варшавский поезд. Мешал и языковой барьер: кроме «проше пани» я ничего не знал. После очередных неудачных попыток рассказать правду я долго переживал, был в отчаянии, так как считал, что не имею морального права носить эту тайну в себе. Мое отчаяние усиливалось еще и тем, что ни «Московские новости», ни «Литературная газета» на мои письма не отвечали. Я решил, что эти разоблачительные письма перехватило КГБ и теперь мне покажут перестройку вместе с гласностью!

Плюс ко всему в УКГБ Смоленской области на меня начали настоящую охоту: выговоры и приказы о наказании посыпались, как из рога изобилия. От некоторых прихлебателей начальства звучали даже угрозы физической расправы. Впрочем, это была обычная тактика в КГБ — создавать условия для увольнения неугодного сотрудника по статье о служебном несоответствии. Особенно, помню, затаили на меня зло так называемые потомственные чекисты. Их «славные» предки (отцы и деды), наследники Дзержинского и Берии, оказались под угрозой позорного разоблачения. Сейчас я думаю, что это и есть одна из причин того, что десятки томов российского следствия по Катыни до сих пор не переданы польской стороне.

В то же время в лице сотрудников Смоленского УКГБ, которые были в немилости у начальника (генерал-майора А.И.Шиверских), я нашел неожиданных союзников или просто сочувствующих. Например, электрик В.Владимиров** неоднократно помогал мне в поисках свидетелей, он был одним из активных участников пешего марша смолян в Катынь, посвященного памяти репрессированных. Этот марш очень испугал начальство госбезопасности, а все его участники были засняты на видео скрытой камерой. Организован он был обществом «Мемориал», из которого я знал Алексея Памятных: он еще с 1987 г. на свой страх и риск искал свидетелей катынской трагедии. Другой

* Начало см. в «Новой Польше», 2004, №№9 и 12, 2005, №1.

** Владимиров в 1991 г. был уволен из УКГБ несмотря на противодействие профсоюза.

сотрудник помог мне встретиться с репортером телевизионной программы «Взгляд» А.Политковским, которому я дал интервью о том, что имею свидетельства о расстреле польских офицеров в 1940 г. сотрудниками НКВД. Политковский заявил, что в субботу они пустят эту запись в эфир, что это настоящая «бомба». Но ни в субботу, ни через месяц, ни через два программа в эфир не вышла, а «Взгляд» был закрыт. Позже Политковский рассказывал, что сотрудники КГБ просто отобрали у них эту видеокассету. Перед новым 1990 годом Влад Листьев и Ю.Любимов публично извинились, что по не зависящим от них причинам передача о Катыни не вышла в эфир.

Из-за почти полного отсутствия в СССР правдивой информации на эту тему я в тот период даже не представлял себе, что польские патриоты давным-давно начали борьбу за правду об этом жесточайшем сталинском преступлении. О чем тут говорить, если о нападении Советского Союза на Польшу 17 сентября 1939 г. и о военных действиях я узнал только в 1984 г. (хотя всегда интересовался историей) из случайных разговоров. По-моему, министр иностранных дел России Сергей Лавров до сих пор этого не знает, не говоря уже о депутате Государственной Думы Маргелове и Амане Тулееве.

Как и подавляющее большинство советских граждан, первые сведения о Катыни я услышал по радио «Голос Америки» и «Свободная Европа». Живя в СССР, мы даже не представляли себе, что на Западе еще в 1943 году появились первые публикации об этом преступлении, что в 1949 г. в Англии был опубликован «Катынский список» А.Мошинского, а также воспоминания уцелевших польских офицеров Б.Млынарского, С.Свяневича, Ю.Чапского и свящ. З.Пешковского, а в Польше — книги Е.Лоека и К.Заводного. Позже, в 90-х годах, я узнал что отважные польские патриоты, не считаясь с риском, многие годы искали свидетелей этого преступления — например Тадеуш Пеньковский, Михал Журавский, Кристина Курчаб-Редлих и др. Посещавшие Катынский лес польские граждане часто сами исправляли на памятнике дату гибели польских офицеров с 1941 на 1940 год, что сильно раздражало начальство Смоленского УКГБ.

По телевидению тогда (сентябрь-октябрь 1989 г.) беспрерывно транслировались заседания съезда народных депутатов, очень смелые выступления на съезде академика Андрея Сахарова прерывались криками и проклятиями ярых коммунистов. Я подумал, что А.Д.Сахаров — тот человек, который может разрушить глухую стену неправды, окружающую тайну гибели польских офицеров. Я написал письмо Сахарову и еще двум депутатам. Кажется, прошло не более месяца (точно не помню) — вдруг известие: внезапно скончался академик А.Сахаров. Позже от журналиста Г.Н.Жаворонкова я узнал, что академик получил мое письмо и прочитал, но это было последнее, что он прочитал в своей жизни...

По-моему, во второй половине октября 1989 г. московский кинорежиссер Уваров снял по моим материалам документальный фильм с участием найденного мною свидетеля Титкова, который в ходе съемок признал, что польские офицеры были расстреляны в 1940 г. органами НКВД. Однако фильм Уварова на широкий экран не вышел (хотя он меня уверял, что где-то в посольствах, за границей, его показывали).

Только смоленское радио сообщало о моих открытиях — радиожурналист Александр Якушев по моим данным брал интервью у найденных свидетелей, и наша совместная работа продолжалась более года. Здесь надо отметить, что директор этого радио Новиков, будучи в оппозиции к обкому партии Смоленска, разрешил эти передачи. В результате Смоленск начинал бурлить. Усилились требования демократов о закрытии дач КГБ в районе Катыни. Я получал телефонные звонки с угрозами, а изредка с благодарностями за поиски правды. В Смоленске частыми стали митинги в поддержку перестройки и гласности.

В конце октября 1989 г. у меня дома раздался ночной звонок из Москвы. Звонивший представился: «Геннадий Жаворонков, корреспондент газеты „Московские новости", — и дальше: — Получил ваше письмо, выезжаю завтра к вам в Смоленск, ничего не бойтесь,

главный редактор газеты Егор Яковлев не даст с вами расправиться и в случае увольнения поможет». Забегая вперед скажу, что Е.Яковлев своего слова не сдержал и в нужный момент не помог. Хотя с момента отправки моего письма в редакцию «МН» прошло более двух месяцев, этот звонок меня взволновал и обнадежил. Домашние мои, жена Галина и дочь Лариса, тоже были взволнованы предстоящим визитом корреспондента самой популярной тогда газеты, друга академика Сахарова, как представился Г.Жаворонков. Жена, зная повадки КГБ, ожидала самого худшего и принимала сердечные лекарства, а дочь-старшеклассницу распирало любопытство. Петляя на маленькой «Оке» по улицам разбросанного на холмах Смоленска Жаворонков наконец нашел мой дом и подъезд, у которого стояла машина «Скорой помощи»; он спросил водителя в какую квартиру приехала «скорая», — ему назвали номер моей квартиры.

«Опоздали», — сказал он своему спутнику-фотокорреспонденту.

«Скорая помощь» действительно приехала по моему адресу, так как у дочери случился острый приступ аппендицита, всё в один вечер. Напряженность обстановки трудно описать. Наконец, когда эта суматоха кончилась, я подробно рассказал Г.Жаворонкову все, что знал, в том числе и об уничтожении в 1940 г. польских офицеров. Жаворонков, несмотря на риск, решил во что бы то ни стало пробраться на охраняемую территорию дач НКВД-КГБ в Катынском лесу. Обстановку в дачном поселке и Катынский лес хорошо знал мой товарищ В.В.Владимиров (у него дом был в Красном Бору около Катыни). Несмотря на поздний вечер я позвонил Владимирову, и он присоединился к нашей компании. На следующий день ему удалось провести Жаворонкова на охраняемую вооруженной охраной и немецкими овчарками территорию. Воодушевленный неожиданными открытиями, Жаворонков с переданными ему мною документами преступления уехал, пообещав: «Читай следующий номер „Московских новостей"!»

Но ни в следующем, ни в последующих номерах ничего не было. Прошел ноябрь 1989 г., уже была разрушена Берлинская стена, но стена лжи вокруг Катыни еще держалась. Прошел декабрь — статьи о Катыни нет.

Мои попытки дозвониться до Егора Яковлева были безрезультатны. Я чувствовал, как неудобно Жаворонкову, совестливому и честному журналисту, за все происходящее. Наконец он мне рассказал, что лично Горбачев просил Егора Яковлева подождать с публикацией — иначе номер газеты не выйдет в свет. Позже, при личной встрече, Жаворонков немного приоткрыл мне закулисную игру Горбачева и Егора Яковлева. Из разговора я понял, что Яковлев согласился попридержать разоблачение в обмен на скорое официальное признание катынского преступления. Пришли к такому полюбовному решению, чтобы приурочить признание к приезду Ярузельского в Москву (Кремлю очень важно было передать документы Ярузельскому, как бы поддержать товарища в трудные времена...)

Все эти игры были для меня чужды и аморальны. Журналистский долг — не торговаться, а любыми путями публиковать разоблачительные материалы. Теперь только я понял, что я уже лишний в этой игре. Позднее за покладистость Е.Яковлев получил от Горбачева должность шефа телевидения. Горбачев не хотел неконтролируемых разоблачений, так как питал наивную надежду на сохранение «социализма с человеческим лицом». А так вот сразу сорвать с этого лица маску — ни в коем случае!

Сегодня, когда уже изданы мемуары ближайшего окружения Горбачева, все знают, что последний (и первый) президент СССР, узнав содержание пакета №1, был в ужасе от прочитанного и не стал даже ставить подпись об ознакомлении с содержимым, как это положено. Позже это дало ему возможность обвинить своего помощника В.И.Болдина., что тот-де знакомился, а он, Горбачев, — нет. Все это Болдин в сво-

*** Болдин В.И. «Крушение пьедестала», с.261-262. Пихоя Р.Г. Советский Союз. «История власти». 1945-1991, с.155-156.

их воспоминаниях опроверг, а кроме того рассказал, что Горбачев до последнего момента хотел уничтожить документы пакета №1 (именно там было решение политбюро от 5.Ш.1940 г. о расстреле польских офицеров).

Читая все эти мемуары, становится ясно, почему только Б.Н.Ельцин отважился отдать Польше это решение политбюро ЦК ВКП(б).

Итак, Горбачев не захотел вбивать последний гвоздь в гроб коммунистической партии, а предоставил это Ельцину, первому президенту России. Сейчас ясно, что Горбачев хотел ограничиться только куцей информацией о том, что-де это дело рук Берии и его подручных, как это и доказывают изыскания историков. И всё! Никакого решения политбюро от 5 марта 1940 г. он не хотел открывать. Я предполагаю, что Горбачев решил пустить историков в архивы прежде всего с целью выяснить, есть ли другие следы катынского преступления. Если бы их не нашли (спасибо Ю.Н.Зоре, В.С.Парсадановой, И.С.Яжбровской и др.), то я уверен: Горбачев бы приказал тот документ от 5 марта 1940 г. уничтожить, равно как и подлинник пакта Риббентропа—Молотова с секретными протоколами. Это доказывают не только мемуары В.И.Болдина — как мне кажется, честного и совестливого человека, — но и других, например Р.Г.Пихои***.

Такие, как А.Памятных и подобные нам «партизаны», портили Горбачеву контролируемую гласность. Егор Яковлев был недосягаем (позднее, пытаясь поговорить с Е.Яковлевым, я услышал от уважаемого шестидесятника: «Пошел вон!»). Еще бы, какой-то Закиров мешается под ногами при такой крупной игре. От Жаворонкова я знал, что Яковлев уже получил от председателя КГБ СССР Крючкова очерняющее меня письмо.

Впрочем, я забежал далеко вперед, а пока, совершенно не зная о поисках историков в Москве, я продолжал на периферии, в Смоленске, свое расследование.

В конце декабря 1989 г. я решил наконец навестить Кирилла Евстафьевича Бороденкова, 1907 г.р., уроженца деревни Ржавка Краснинского района Смоленской области, пенсионера НКВД-КГБ, служившего в комендантской службе Стельмаха, которая занималась исполнением приговоров троек, двоек и ОСО, в том числе по 1-й категории (т.е. расстрелы). В 1940 г. К.Е.Бороденков служил вахтером Смоленской тюрьмы НКВД.

Деревянный дом, в котором он жил, находился всего лишь в 50 метрах от дома генерала УКГБ А.И.Шиверских, который не уставал заявлять, что поиски свидетелей результатов не дали... Поднимаясь по скрипучим ступенькам на второй этаж, распугивая топотом притаившихся под лестницей диких кошек, я настроил себя на все возможные варианты — вплоть до «persona non grata».

Дверь мне открыл старик выше среднего роста, изможденный болезнями; глаза у него были водянисто-серые и холодные, как у мороженой рыбы, — и заведомая враждебность и настороженность во взгляде. Опять меня выручило служебное удостоверение и еще то, что он принял меня за сотрудника пенсионного отдела, пришедшего по поводу его заявления в УКГБ Смоленска об улучшении жилищных условий. Бороденков разрешил мне войти, но в тот же миг я почувствовал такой букет запахов, что даже общественный туалет проиграл бы в сравнении. Первым моим желанием было тут же выйти, но, поборов неприятные ощущения, я начал его расспрашивать о 1940 годе. Бороденков указал мне на стул, и тут я заметил, что у него в нижнюю часть живота вставлена трубка, по которой мокроты стекали в прикрепленную чуть ниже стеклянную баночку из-под майонеза. Вот почему в комнате стоит несусветная вонь, мелькнула у меня догадка. Это был брошенный родственниками и коллегами-чекистами, тяжело больной ветеран НКВД-КГБ. Я подумал, что наверное Бог некоторым еще при жизни устраивает за тяжелые грехи геенну. Как и следовало ожидать, он начал жаловаться на жилищные условия, на отсутствие помощи от УКГБ, а я стал поддакивать, подтверждая вопиющее равнодушие его коллег-чекистов. Уловив сочувствие с моей стороны, он стал более словоохотливым. Бороденков твердо и уверенно заявил, что польских офицеров в 1940 г. рас-

стреливали его сослуживцы: И.И.Стельмах, И.Грибов, Гвоздовский, Сильченков — имена остальных он забыл. Трупы убитых хоронили в Козьих Горах (т.е. в Катынском лесу). Один раз он сказал: «...когда мы стреляли», — но тут же поправился: «когда они стреляли» в польских офицеров, им выплачивались на специальный секретный счет деньги, поили водкой, и была хорошая закуска (балык, колбаса...). Я тут же спросил: — А вы тоже стреляли? — но не тут-то было: Бороденков прекрасно знал, что такое преступление не имеет срока давности, и ответил: «Нет». Видно было, что он боится говорить о себе, а о соратниках — пожалуйста. Бороденков, помню, добавил, что в 1943 г., когда услышал (в эвакуации в Зеленодольске) по радио о том, что поляков расстреляли немцы, то рассмеялся над лживой советской пропагандой. Бороденков собственноручно записал рассказанное. Полученный документ я передал на Смоленское радио и отослал в газету «Московские новости» Геннадию Жаворонкову.

Через несколько дней, когда я утром шел с дежурства домой, был сильный гололед. Я решил еще порасспрашивать Бороденкова. Дверь его квартиры была полуоткрыта, слышались голоса сотрудников Смоленского УКГБ: В.Я.Тюкавина, наиболее приближенного к начальнику УКГБ и участвовавшего в организованной им травле меня и найденных свидетелей; Тихонова из архива УКГБ — старого чекиста с довоенным стажем, который на одном из партсобраний заявил, что меня тоже надо расстрелять за предательство; Герасимова, начальника отделения УКГБ — этот был готов на все, лишь бы угодить начальству.

Тихонов кричал Бороденкову: «Врешь ты все!» — а Тюкавин вкрадчивым голосом выяснял: «Вас Закиров просил написать объяснение?» Бороденков ответил: «Нет, я сам написал».

Я понял, что идет «обработка» свидетеля с целью извращения его сведений: что якобы он писал под мою диктовку.

Решительно зайдя в комнату, я поздоровался с Бороденковым — у Тюкавина от неожиданности отвисла челюсть, а Герасимов стал кричать, чтобы я «не мешал работать». Тут они все, кроме хозяина квартиры, стали кричать (перекосившись от злости): «Вон отсюда!».

— Если хозяин квартиры мне скажет «уходи», то я пойду, — как можно более спокойным голосом произнес я.

— Оставайся, — неожиданно для меня и присутствующих заявил Бороденков и, подумав, добавил: — А вы уходите отсюда, и чтобы я вас больше не видел!

«Битва» была мною выиграна без потерь, противник несмотря на превосходство удалился, а Бороденков, показывая на удалявшихся, сказал мне доверительно:

— Я думал, они меня арестовать пришли.

Однако уже очень скоро начальство Смоленского УКГБ отыгралось на мне. Мне стали угрожать судом «офицерской чести» и объявили очередной выговор с занесением в личное дело. Честно говоря, я уже был готов к более суровым мерам расправы, но что-то им мешало. Теперь-то я знаю, что склонность Горбачева открывать часть правды была прекрасно известна генерал-майору Шиверских, который в то время часто ездил в Москву... В описываемое мною время, помню, генерал предложил как-то мне с невинным выражением лица:

— Давайте вместе искать свидетелей.

Но, зная на практике их «поиски», я продолжал самостоятельные исследования.

Они нашли способ на Бороденкова: отыскали его родственников и запугали их, после чего те куда-то его увезли. По моей подсказке, корреспондент Смоленского радио А.Якушев успел взять у него интервью.

Вскоре я от кого-то узнал, что Бороденков умер...

Продолжение следует

Анна Гришина

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД РАБОТЫ КОМИССИИ БУРДЕНКО

Прежде всего — мои извинения за то, что я выступаю не с докладом о завершенной работе, а с сообщением о работе начатой. Происходит это потому, во-первых, что всё еще очень труден доступ к тем архивам, которые нужны для выяснения этой темы. И, во-вторых, потому что мне важнее, чтобы человек, женщина, которую я начала искать, была найдена или хотя бы найдено было ее имя, чем чтобы это сделала я сама. Поэтому я буду благодарна коллегам за любые советы и соображения.

Все мы много думали и думаем о феномене покорения населения СССР идеологией тоталитаризма — культом Сталина. Я до сих пор помню страшные толпы людей на улицах и в залах, прославляющие отца народов и требующие смерти врагов народа. Конечно, не весь народ был полностью одурманен. Было немало людей, особенно среди интеллигенции, которые и при Сталине занимали позиции абсентеизма, жили как бы во внутренней эмиграции. Но постепенно выявляются и имена тех, кто отваживался активно противостоять, несмотря на страшную нависавшую над ними за это опасность. Наш долг — разыскать такие случаи, назвать имена этих людей, рассказать о них, об их судьбах, воздать им должное.

Этим летом я прочла работу, которая сейчас сдана в производство и в ближайшее время должна выйти в Израиле. Автор этой работы Федор Миронович Лясс — известный медик, профессор, доктор медицинских наук, недавно переехавший в Израиль. Название его работы — «Последний политический процесс Сталина».

По существу речь в этой работе идет о двух процессах — Еврейского Антифашистского комитета (из-за героического противостояния пытаемых подследственных этот процесс так и не удалось сделать открытым и показательным) и «врачей» (он был назначен на 5 и 6 марта 1953 г. и не состоялся из-за того, что Сталин испустил дух).

Работа Лясса — это научный анализ материала и воспоминания автора. Его мать, Евгения Федоровна Лившиц, была врачом-педиатром и работала в лечебно-санитарном управлении Кремля. Она лечила детей и внуков высших руководителей советского правительства и ЦК. Среди ее пациентов были дети и внуки Сталина, Молотова, Кагановича, Микояна, Орджоникидзе. Арестована она была на несколько месяцев раньше, чем другие известные медики, проходившие по «делу врачей», — 4 июня 1952 года. Ей в этом процессе предназначалась роль «обличителя» — та роль, которую сыграла потом небезызвестная Лидия Тимашук. Конечно, было бы гораздо эффектней, если бы своих коллег обвиняла еврейская женщина. Но это не удалось. Несмотря на все мучения Евгения Федоровна не дала нужных КГБ показаний на своих коллег, а в августе, после двух месяцев истязаний, она, не выдержав непрерывного давления, совершила попытку самоубийства. Она повесилась на спинке кровати в своей тюремной одиночной камере на Лубянке. В последний момент ее успели спасти. Она на время потеряла зрение, у нее была нарушена речь, наступила тяжелейшая депрессия. В таком состоянии даже следователи КГБ не могли продолжать «следственный процесс», и ее поместили для лечения и на экспертизу в печально известный Институт судебной психиатрии им. Сербского, где она пробыла с 18 августа по 19 сентября 1952 года.

Там ее признали психически здоровой и вменяемой. Хочу обратить внимание на то, что в те годы психотропные препараты с целью помутнения сознания инакомыслящих пациентов советской психиатрии еще не применялись. Сознание Евгении Федоровны было ясным. Самого термина «инакомыслие» в Советском Союзе тогда еще не существовало, поскольку признавалось «морально-политическое единство советского народа». Но длительное, бессрочное содержание неугодных в психиатрических больницах уже применялось.

Здесь, в Институте Сербского, в августе 1952 г. у Евгении Федоровны и произошла встреча, рассказу о которой я вынуждена была предпослать столь длинную преамбулу.

Как сказано в работе Лясса, Евгения Федоровна окольными путями сообщила семье, что ей стало лучше, но «она боится, что ей поставят диагноз шизофрении и отправят на „вечную койку"... Чем была вызвана эта боязнь матери, она рассказала мне по выходе из тюрьмы. Там, в институте Сербского, на прогулке она познакомилась с женщиной, лежавшей на этом же отделении. История ее такова. Она, врач, судебный медик, была привлечена к работе в правительственной комиссии, возглавляемой главным хирургом Красной Армии Н.Н.Бурденко, по расследованию уничтожения польских офицеров в Катыни. Комиссия работала в 1944 году, и тогда эта женщина-врач на основании патолого-анатомического анализа эксгумированных трупов расстрелянных высказала свое мнение о том, что расстрелы были произведены не в 1941 году, как было указано в коммюнике и разглашено всему миру, а на два года раньше, в 1939 году. Из этого следовало недвусмысленно, кто был виновником трагедии. Эту женщину сразу же изъяли из правительственной комиссии и запрятали в психиатрическое учреждение на „вечную койку" с диагнозом шизофрения. К сожалению, я не знаю ни ее фамилии, ни имени, ни звания. А надо бы ее найти и воздать должное ее героизму, самоотверженности и профессиональной честности».

Эта встреча состоялась в августе 1952 года. Комиссия Бурденко работала в январе 1944 года. То есть прошло 8 с половиной лет! Пока мы не знаем, где была эта женщина все эти годы. Прочтя работу Ф.М.Лясса, я начала искать. Правда, я заранее понимала, что, скорее всего, документов не найду, так как такого рода заявления советские начальники тогда просто боялись фиксировать. Может быть, удастся найти свидетельство о последствиях этого заявления для его автора. Пока мои поиски заключались в том, что я перечла в архиве материалы комиссии Бурденко (а есть подневные и даже почасовые дневники ее работы), обращая особое внимание на деятельность экспертов, прочтя и рассмотрев все протоколы и альбомы, относящиеся к эксгумации.

Известно, что 13 января 1944 г. в Смоленск приехали пять экспертов — членов комиссии: Прозоровский, Смольяников, Семеновский, Швейкова, Выропаев. Эти пятеро — официальная судебно-медицинская комиссия специальной комиссии Бурденко. 18 января, после доклада главного эксперта Прозоровского комиссия Бурденко постановила увеличить число судебно-медицинских экспертов, чтобы можно было вскрывать до 400 трупов в день. Для этого были привлечены необходимые медицинские работники «из близ расположенных армий». 20 января Прозоровский доложил, что прибыли еще четыре врача (в их числе была одна женщина). Потом еще два. После этого неоднократно упоминается в протоколах и дневнике комиссии, что работают 12 врачей. «Двенадцать» — это пять официальных экспертов, шесть привлеченных военных врачей и еще один эксперт, на личности которого интересно остановиться. Фамилия его Зубков. В протоколах комиссии он выступает в двух качествах: и как эксперт, и как свидетель. Он — профессиональный судебно-медицинский эксперт, работавший до войны, остававшийся в Смоленске при немцах и побывавший в 1943 г. в Катыни на захоронении после немецкой эксгумации. В начале работы комиссии Бурденко он был привлечен ею как эксперт. В протоколах экспертиз говорится о его работе, о том, какие трупы он эксгумировал и исследовал и т.д. Так он работал почти неделю. (Всего же эксперты работали в Катынском лесу и Смоленске 12 дней). Но 20 января он дал подробные показания в качестве свидетеля. И после его показаний Бурденко заметил: «Я думаю, что мы допустили ошибку. Нужно было его вперед (так! — *А.Г.*) использовать как свидетеля, а потом допускать к работе». И аргументирует это тем, что Зубков знает о деле больше других свидетелей. Зубков продолжал работать как эксперт и после этого, что отражено в ежедневных рабочих судебно-медицинских протоколах. Но в заключительных актах упоминания о нем нет. А для нашей цели важно выяснить, что было с ним дальше. Это почти арифметическая задача. В протоколе от 20 января еще раз указано, что «работает 12 врачей». Легче всего считать, что это 5 официальных экспертов + 6 привлеченных военных врачей (вспомним, что в воспоминаниях Е.Ф.Лясса о нашей героине сказано, что «она ***была привлечена*** к работе в правительственной комиссии».) Итак, 5 официальных экспертов + 6 военных врачей + Зубков = 12. И тогда та, кого мы ищем, — старший лейтенант медицинской службы Пушкарева (ее инициалов, как и инициалов всех

военных врачей нет нигде, только звания). Никто из военных врачей не подписывал заключительных актов — о них сказано: «при участии». Сделано ли это, чтобы не выделять отказницу, или так было положено по субординации — не знаю.

Но можно предположить и другой вариант решения нашей задачи. Швейкова — не врач, а судебный химик. Считал ли ее Прозоровский в числе двенадцати врачей, мы не знаем. Если нет, то, значит, был еще один врач (или еще одна женщина-врач?), вычеркнутый из протоколов. И считался ли Зубков, чье участие в заключительных актах не упоминается? И тогда это, может быть, и не Пушкарева, а какая-то другая женщина — «врач, судебный медик».

Выяснение этих загадок я начала. Так, мне пришло в голову посмотреть в архиве все бухгалтерские дела ЧГК. Очевидно, собственно у комиссии Бурденко своей бухгалтерии не было — она работала всего 2-3 недели. Значит, ее бухгалтерские дела были при ЧГК по немецким злодеяниям. Я думала, что смогу найти какие-то документы о содержании членов специальной комиссии, о каких-то выплатах, словом, еще какие-то имена. Но из всех дел описи 126 фонда 7021 Государственного архива России (опись №126 — бухгалтерия) сохранилось одно, касающееся расчетов с рядовыми сотрудниками самой ЧГК (машинистками, инспекторами, шоферами, работниками архива — не выше зам. зав. отделом). Остальные «не существуют», как мне письменно ответили в архиве.

Я написала запрос о военной судьбе Пушкаревой после января 1944 года. Запрос в Институт Сербского можно попытаться дать только тогда, когда будет точно известна фамилия женщины, лежавшей там. Как профессиональный историк я вполне отдаю себе отчет, что одного свидетельства очевидца и двух косвенных доказательств (1. военные врачи не подписывают актов; 2. в книге Лясса женщина, о которой идет речь, говорит о себе, что она была «привлечена» к работе в комиссии Бурденко, и это же слово — «привлеченные» военные врачи — упоминается в протоколах комиссии, чего не мог знать ни Ф.И.Лясс, ни тем более его мать) совершенно недостаточно. Надо искать дальше на тех путях, о которых я говорила выше, а возможно, и на других.

Анна Михайловна Гришина скончалась в 2000 году. Она была учредителем польской секции «Мемориала», действующей с осени 1988. Была в числе организаторов «Недели совести» в Варшаве в 1992 г., координировала архивные разыскания о поляках — жертвах ГУЛАГа. Ее статья о работе польской секции «Мемориала» была напечатана в «Новой Польше» (2000, №9). В апреле 2005 посмертно награждена кавалерским крестом ордена «За заслуги» Республики Польша.

Публикуемый текст был прочитан на конференции «В кругу Империи», организованной центром «Карта» в Подкове-Лесной в 1994 году. Это всего лишь набросок — тяжелая болезнь помешала автору продолжить работу над этой темой. Будем надеяться, что судьбы всех русских, связанные с разоблачением катынского преступления, станут предметом дальнейшего изучения.

КАТЫНЬ БУДЕТ РАЗДЕЛЯТЬ ВСЕГДА

Беседа с Александром Гурьяновым

— Почему Катынь после стольких лет продолжает разделять Польшу и Россию?

— Катынь будет разделять нас всегда. Германия значительно дальше продвинулась по пути признания ответственности за свои преступления. Несмотря на это, историческая память о немецких преступлениях и их жертвах жива.

Чтобы достичь взаимопонимания, открытого сотрудничества, необходимо разрешить разделяющие нас проблемы и дать им оценку.

Мы сейчас говорим о катынском преступлении, но ведь были еще сотни тысяч других репрессированных польских граждан — высланных, сосланных и заключенных в лагеря.

— Что в катынском деле еще не получило своего разрешения?

— Прежде всего мы не знаем имен около четырех тысяч жертв. Я имею в виду заключенных, содержавшихся в тюрьмах Западной Белоруссии. Они были казнены на основании того же постановления политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., что и узники трех лагерей для военнопленных. Ответ Главной военной прокуратуры на наш недавний запрос показывает, что прокуроры располагают какими-то документами, которые историкам до сих пор неизвестны.

— Тем не менее Главная военная прокуратура все же решила прекратить расследование.

— Прокуратура закрыла расследование, однако не обнародовала юридической квалификации преступления. Из заявления Главного военного прокурора от 11 марта с.г. следует лишь, что это не был геноцид. Значит, прокуратура говорит: это не геноцид — но не говорит, что же это. В ответ на запрос «Мемориала» ГВП привела квалификацию по пункту «б» статьи 193-17 Уголовного кодекса РСФСР (1926 г.), т.е. превышение власти лицами начальствующего состава Красной Армии при наличии особо отягчающих обстоятельств. Мы считаем такую квалификацию неприемлемой. Относительно того, считать ли Катынь геноцидом, возможны различные мнения. Лично мне кажется, что правильнее было бы считать ее военным преступлением и преступлением против человечества.

— Чем объяснить, что ГВП отказывается передать все материалы следствия в Польшу?

— Мы спросили их и об этом — ответ подкупающе прост. Материалы следствия собраны в 183 тома, причем в 116 томах имеются отдельные документы с проставленными грифами секретности или «для служебного пользования». В связи с этим каждый такой том засекречен как целое.

— А на самом деле?

— Железное выполнение векового правила спецслужб: своих не выдавать. Я же считаю, что все виновные, начиная с высшего уровня и кончая низшим, должны быть объявлены.

Мы сознаём, что невозможно судить людей, которых на свете уже нет, однако фамилии всех соучастников преступления должны быть преданы гласности. Те, кто принимал решение на уровне политбюро, были названы; чем ниже уровень, тем меньше известно.

— Каковы шансы у польского следствия?

— Я как-то не вижу возможностей вести расследование в Польше. «Белорусский список», ведя расследование в Польше, не добыть.

Закрытие расследования в России — это большая ошибка. Польше надо бы протестовать против этого, а не приниматься за собственное расследование. Закрытие российского расследования — это худший выход из плохой ситуации. Расследование могло «тихо тлеть», дожидаться лучших времен. Я считаю, что следствие в России необходимо возобновить.

— В России сейчас неподходящий климат для того, чтобы спокойно говорить об истории.

— Признание истины требует внутреннего перелома. Признать, что твоя страна несет ответственность за преступления, трудно. Гораздо легче помнить, что СССР сыграл решающую роль в победе над фашизмом.

— Какое значение для вас имеет орден от президента Польши?

— У меня смешанные чувства. Я всегда считал, что за то, что мы делаем, не следует давать ордена. Но, конечно же, это для меня большая честь.

Беседу вел ***Павел Решка***

RZECZPOSPOLITA

Александр Гурьянов*, председатель польской секции общества «Мемориал», награжден кавалерским крестом ордена «За заслуги» Республики Польша.*

Александр Гогун

НА ПОЛПУТИ ОТ ИСТОРИИ К АГИТКЕ

С войной следует бороться, безусловно, всеми доступными нам средствами, так как она является несчастьем человечества. (...)

Прошло лишь два десятилетия со времени мировой войны, а уже некоторые государства, забыв о сделанных 20 лет назад ошибках, провозглашают войну как фатальную неизбежность в совместной жизни народов, а в некоторых условиях — даже как желательную необходимость.

Генерал Владислав Сикорский, 1935

Самим ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти к нападению, когда для этого сложится благоприятная обстановка. (...)

Мы очень сожалеем, что не можем доказать нашим соседям искренность наших мирных настроений.

Михаил Фрунзе

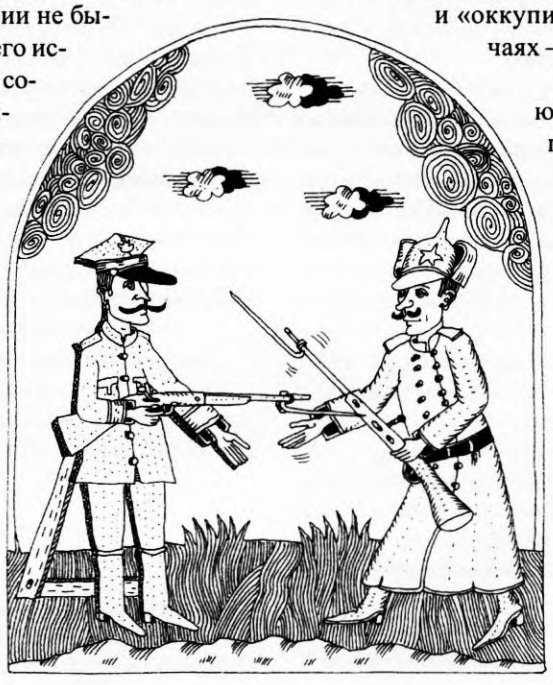
Кому война, а кому — мать родна.

Народная мудрость

В 2001 г. московский историк Михаил Мельтюхов, уже вписавший свое имя в новейшую российскую историографию работой «Упущенный шанс Сталина» (2000), порадовал читателя новым изданием — «Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг.». По столь важному вопросу в новейшей российской историографии не было ни одного обобщающего исследования, что вызывает сожаление: вопрос действительно важный, который из-за идеологического диктата советского времени не был достаточно разработан.

В издательской аннотации к монографии скромно говорится, что «историк сумел непредвзято взглянуть на советско-польские отношения в их динамике».

К сожалению, ни о какой непредвзятости исследования не может быть и речи.



Начнем с асимметрии в использовании терминологии.

Так, описывая действия сторон в конфликтах 1918-1920 гг., автор использует следующую терминологию: Киев, Минск и Барановичи Красная армия «освобождает» или «занимает». Поляки же города и территории «захватывают» и «оккупируют», в отдельных случаях — «занимают».

Неоднократно описываются случаи жестокости польских войск и только один раз — советских, и в этом случае информация взята из официального польского коммюнике. Очевидно, что подобную асимметрию при подаче материала нельзя объяснить незнанием — никому не сложно взять с полки «Конармию» Бабеля или «Красный террор» Мельгунова и привести соответствующие сведения о режиме «освободителей» на занятой территории.

Ignacy Czwartos

По терминологии Мельтюхова, даже украинцы из петлюровских соединений «захватывают» украинские города, а РККА их «освобождает».

Хотя описание самого хода столкновения, вероятно, может служить учебным пособием по истории боевых действий советско-польской войны, в оценке действий бойцов противоборствующих армий опять присутствует некоторая асимметрия оценок: красноармейцы воюют «мужественно», «стойко», «упорно», «ожесточенно», «героически», «умело». Поляки же в описании автора просто воюют, как машины, не проявляя ни храбрости, ни трусости — вообще никаких человеческих чувств. Единственное свойство поляков, которые мы можем отнести к человеческим чертам, — «мстительный вандализм».

Из исследования мы узнаем о сложностях Красной Армии со снабжением, тылами и коммуникациями — ни о каких подобных сложностях Войска Польского данных нет.

Про заградотряды в польской армии Мельтюхов упоминает, хотя они существовали короткое время в действительно критический период войны, а о таковых же в Красной армии — нет, хотя там они действовали на протяжении всей гражданской войны.

Автор и не скрывает своего сожаления по поводу того, что РККА неудачно закончила поход на и за Вислу.

Но это всё малозначимые, хотя и показательные мелочи, которые вдумчивый читатель (другой такую книгу и не приобретет) заметит и соответствующим образом оценит.

Не мелочь — низкое качество изданной работы.

Методология, которой пользовался автор, только в ряде случаев может быть признана научной. В отдельных случаях описание событий и явлений носит просто реферативный характер, обычно же авторская оценка неотделима от фактов повествования. Ряд оценок действий и мотиваций польской стороны, звучащих в изложении Мельтюхова скорее как обвинение, вообще не подкреплены ссылками на источники и литературу. Это может вызвать удивление, так как в книге «Упущенный шанс Сталина» метод Мельтюхова был достоин подражания: факт, его разносторонняя историографическая оценка, рассмотрение разных точек зрения с опорой на документы, вывод, подкрепленный соответствующей ссылкой. В рецензируемой же книге позитивистский подход (сначала факты — потом теория и оценки) — редкое исключение.

Самый яркий пример однобокой подачи фактов, их замалчивания: при описании советско-польской кампании 1920 года не только не цитируется, но и не упоминается знаменитый приказ №1423 Западному фронту от 2 июля 1920 г. о «трупе белой Польши» и о «счастье на штыках для трудящегося человечества». Этот приказ — один из ключевых документов, характеризующих суть войны, цели и задачи сторон. Поэтому отсутствие в книге данных об этом приказе — пример либо исследовательской неряшливости, либо тенденциозности.

В книге приводится взятая из советской литературы непроверенная информация о массовой гибели пленных красноармейцев в 1919-1922 гг. в польском плену — их якобы погибло 60 тысяч из 136-ти. Вероятно, не сложно было использовать соответствующую польскую литературу и документальные публикации по данному вопросу.

Декларации советского правительства в монографии всегда подаются как реальные побудительные мотивы действий и приказов верхушки РКП(б). Поляки же в описании Мельтюхова, наоборот, почти всегда двуличны и коварны, прикрывают свои империалистические амбиции пространными декларациями. Сейчас практически у любого исследователя есть возможность сравнить внешнеполитическую пропаганду и дипломатические маневры большевиков с их действительными замыслами в 1918-1920 годах. Внешнеполитическая ложь — вовсе не какая-то специфическая особенность коммунистов. «Все государства маскируются, „с волками жить — по волчьи выть"», — сказал Сталин в 1938 году. Но эта поправка не применена к мыслям и действиям Ленина и Троцкого.

Вероятно, субъективность и односторонность оценок автора вызвана, в частности, совершенной недостаточностью историографической базы исследования. В работе 898 ссылок, из них только 29 — на литературу на польском языке. Отсюда, например, и сожаление Мельтюхова о том, что «о потерях сторон в советско-польской войне 1920 г. нет данных». По примерным подсчетам польских историков, безвозвратные потери польской стороны составили в 1920 г. 112 тыс. человек убитыми. (Теперь слово за российскими исследователями.) В книге вообще не использована литература на украинском и белорусском языках, в то время как Украина и Белоруссия были непосредственным районом боевых действий и объектом притязаний Варшавы и красной Москвы.

Недостаточно подтвержден тезис исследователя о том, что инициатива советско-польской войны 1920 г. исходила из Варшавы: борьба шла за действительно спорные территории, которые каждая сторона готова была отстаивать военной силой, с советской стороны — вплоть до уничтожения национальной Польши и попытки развязать «мировую революцию».

Издание, с одной стороны, неполно, с другой — содержит массу сопутствующей информации, лишь косвенно относящейся к теме исследования. Читая название «Советско-польские войны. Военное и политическое противостояние 1918–1939 гг.», ждешь подробного анализа военного планирования в обеих странах в межвоенные годы, планов политиков и военных в Москве и Варшаве относительно друг друга и спорных территорий, политико-теоретических разработок обеих сторон, пропагандистского обеспечения тех или иных действий действительно враждебных друг другу государств. Этого в книге нет. Нет в книге и анализа политики Коминтерна по отношению к Польше, описания действий советской разведки во Второй Речи Посполитой и польской разведки в СССР, позиций польских коммунистов в 1918-1939 гг. по важнейшим вопросам межгосударственных отношений. Нет хотя бы реферативного показа положения населения Восточной Европы по обе стороны линии противостояния. (Вопрос более чем существенный: насколько хорошо или плохо жилось гражданам Речи Посполитой и СССР, в чем были сходства и различия их положения?) Зато по дням и часам с подробностями описана военная кампания Вермахта в Польше, Судетский кризис и позиция Варшавы по вопросу о чешско-немецком и польско-чешском пограничье.

Пожалуй, единственной несомненно позитивной стороной исследования, его научным новшеством стало подробное рассмотрение военных сторон советско-польской кампании 1939 г. (в терминологии Мельтюхова — «миротворческой операции»). При написании этого раздела автор использовал ранее недоступные документы из советских архивов. Однако за подробным описанием советско-польской войны 1939 года следует вывод, явно не выдерживающий критики: «Не соответствует действительности утверждение о том, что Красная Армия помогла Вермахту разгромить Польшу». Понятно, что к 17 сентября 1939 г. польские войска были в целом разбиты Вермахтом, а организованного фронта обороны далее не предвиделось. Однако и завершение операции потребовало бы от немцев значительных усилий, так как боеприпасы по некоторым важнейшим типам вооружения подходили у них к концу, а коммуникации были растянуты. Кроме того, при войне на один фронт возможности движения Сопротивления на оккупированных территориях были бы несравненно лучше. Автор не учитывает также того шока, который получило население Второй Речи Посполитой от событий второй половины сентября 1939 г., — это было существенной, хотя и не поддающейся исчислению помощью Берлину. Мельтюхов не учитывает также, что Польша не перестала существовать с 28 сентября 1939 года — она была только оккупирована. Функционировало эмигрантское правительство, тысячи поляков сражались против немцев на стороне союзников. СССР внес и тут свой вклад — вместо бегства на Западный фронт десятки тысяч польских солдат и офицеров насильственно попали вглубь СССР (в основном — в лагеря), а тысячи офицеров были расстреляны весной 1940 года. Объективно это было непосредственной помощью немцам в разгроме их восточного соседа.

При описании событий сентября-октября 1939 г. упоминаются десятки тысяч беженцев из находящегося под нацистской оккупацией «генерал-губернаторства» в СССР, а поляков-беженцев из СССР были якобы только десятки. На самом же деле в сентябре-октябре 1939 г. тысячи людей устремились через советско-германскую границу в обе стороны. С 28 сентября 1939 по 22 июня 1941 г. из Западной Украины и Западной Белоруссии бежали на запад десятки тысяч человек.

Точно так же тенденциозно краткое описание советизации Западной Украины и Западной Белоруссии. Оценка «радости» населения приводится по выборочным документам, по воспоминаниям Константина Симонова, а явно фальсифицированные результаты «выборов» 1939 и 1940 гг. подаются как мнение населения. Тезис о том, что в 1939-1941 гг. польское меньшинство на новых землях не подвергалось притеснениям, неверен. Многочисленные независимые друг от друга свидетельства и исследования как российских, так и зарубежных авторов говорят о том, что методы притеснений поляков были разнообразны, от национальной дискриминации при

приеме на работу, разделах земли и «выборах» в органы власти до оскорблений личного достоинства и прямых репрессий. Хотя, конечно, собственно дискриминация не достигла таких масштабов, как на польской территории, оккупированной гитлеровской армией.

Поражает заявление автора о судьбе осадников — польских крестьян, бывших бойцов Войска Польского, расселенных в 1920-1930-х на восточных окраинах Польши. По мнению Мельтюхова, их депортация в Сибирь и Среднюю Азию была благом для самих осадников, т.к. увела их из-под удара местного населения. При этом совершенно упускается из виду, что никакого межнационального конфликта в условиях интернационалистской советской тоталитарной системы просто не могло быть. Конфликт разгорелся при нацистах в 1942-1944 гг. и быстро прекратился со вторичным появлением на этих территориях Красной Армии и советских карательных органов.

Нельзя сказать, что полностью неверен, но несомненно некорректен и тезис о том, что национализм на занятых территориях подавлялся и не поощрялся. В специальном исследовании польского историка Богдана Мусяла на основании массы разнообразного, прежде всего документального материала делается вывод, что межнациональные отношения, не слишком теплые и во времена Второй Речи Посполитой, за время советского владычества испортились вконец, что и послужило одной из причин рек крови, пролившихся в бывшей восточной Польше в 1941-1950 гг.

В книге есть и утверждение, которое можно толковать либо как грубую фактическую ошибку, либо как полуправду на грани фальсификации. СССР якобы стремился «поддержать национально-освободительное движение белорусского и украинского населения на территории Польши». В первой половине 1920-х Советский Союз действительно поддерживал определенные политические круги западных украинцев и белорусов, а также содействовал просоветской партизанской борьбе в Западной Белоруссии. Поддержка Коминтерном местных коммунистов не прекращалась и в определенные периоды 1930-х. Можно ли эти движения назвать национально-освободительными — вопрос спорный. Однако все представители национально-освободительных восточнославянских движений, выступавшие за реальную независимость Белоруссии или Украины, подвергались советским репрессиям и террору.

В новом издании автор упорно и эмоционально продолжает развивать по меньшей мере спорную идею об отстаивании коммунистической властью национальных интересов России. Это, к сожалению, вообще довольно распространенная точка зрения в современной историографии, получившая теперь неожиданную официальную поддержку. Вероятно, общая идеологизированная авторская оценка событий 1919-1939 гг. не способствовала объективности и точности исследования — в рецензируемом издании эти показатели явно ниже, чем в предыдущей монографии того же историка. Любопытно будет проследить дальнейшее развитие этой тенденции.

Сокращенный и отредактированный вариант статьи, опубликованной в: ***«Клио. (Журнал для ученых)», 2002, №3.***

Михал Матыс

ЯСЬ МЕЛЯ — ПОКОРИТЕЛЬ ОБОИХ ПОЛЮСОВ

На двери комнаты 16-летнего Яся Мели из Мальборка висит желтый дорожный знак: «Внимание! Медведи!» Он привез его со Шпицбергена, норвежского острова в Северном Ледовитом океане.

— Там их везде полно, и жителям приходится ходить с оружием, — объясняет Ясь.

Точно такой же медведь висит на двери офиса Марека Каминского, полярника, который в прошлом году помог мальчику покорить оба полюса Земли. Благодаря этому Ясь получил деньги от спонсоров на протезы руки и ноги, потерянных, когда его ударило током высоко напряжения. Он стал знаменитым. Он вселил в людей надежду, что не бывает безвыходных ситуаций. Невольно стал героем и кумиром.

Ясь Меля

Милый, симпатичный, интересный. На голове волосы торчком. По дороге с полюсов полярники захотели сделать ему приятное и специально для него купили в Амстердаме гель для волос сильной фиксации.

О нем сообщают порталы в Интернете: школьные, географические и религиозные, женские, для фармацевтов и для церковных служек. Юные фанаты открывают посвященные ему интернет-сайты и обмениваются информацией о музыке, которую он слушает. Он получает десятки писем. Раскладывает их на кровати и, садясь за письменный стол, пишет на них ответы.

Уршуля, мама Яся, жалуется:

— Электронный почтовый ящик давно переполнен. Может, это и хорошо. Юные поклонницы пишут: «Ясь, ты прелесть, я хотела бы с тобой встретиться. Это ничего, что у тебя нет руки и ноги».

Радоваться каждому дню

Дом семьи Меля находится в самом конце улицы, он последний в ряду невысоких, ухоженных коттеджей. Смотрится так, будто из блочного дома вырезали квартиру и бросили на газон в предместьях Мальборка. Из серых стен торчат ржавые прутья.

Родителям Яся под сорок. Уршуля — психолог в консультации для трудновоспитуемых детей. Небольшого роста, в очках, с огненно-рыжей копной волос. Богдан не добился успеха в делах собственной фирмы, торговавшей компьютерным оборудованием, и в конце концов, закрыв ее, занялся собственными детьми. Во время нашей беседы он ежеминутно заглядывает в комнату 9-летней Доротки и 12-летней Агатки.

В середине 90-х семья оказалась в долгах. Нечем было платить за электричество. Им грозило остаться без света. Зимой 1997 г. в январе были сильные морозы. Они согревались электрическим рефлектором с открытой спиралью. В четыре утра от него загорелся шкаф. Сгорел весь дом.

— Не осталось ничего, кроме нескольких обгоревших книг. К счастью, никто из нас не пострадал. Я подумала, что уже больше ничего плохого с нами случиться не должно, — говорит Уршуля.

В августе того же года была сильная жара. Они поехали с детьми на озеро в окрестности Штума. Когда пришло время возвращаться, оказалось, что надувной матрасик с семилетним Петрусем уплыл слишком далеко.

— Вообще-то он был пискливым ребенком, и как могло случиться, что все произошло так тихо? — Уршуля переживает это вновь и вновь. Петрусь скатился в воду на глазах девятилетнего Яся. Рядом купалась масса народу. Но никто ничего не заметил. Тело мальчика выловили в тростнике. — Я боялась за Яся, как он это переживет. Но он не сломался. Может быть, потому, что мы с ним постоянно разговаривали. Это иллюзия, что жизнь можно как-то планировать. Теперь я знаю, что надо радоваться каждому дню.

24 июля 2002 года. Ясю 13 лет. Он отправился поиграть на детскую площадку. Пошел дождь, и они с приятелем спрятались под навесом трансформатора. Дверца была открыта, Ясь вошел внутрь. Через все его тело от левой ноги до правой руки прошел ток напряжением в 15 тысяч вольт.

Врачи скорой помощи снимали с него левый ботинок и брюки вместе со сгоревшей кожей.

— Чудо, что он выжил, — считает Уршуля. Ток мог повредить сердце, печень, почки. Но не повредил.

Врачи больницы в Гданьске изо дня в день удаляли по частям омертвевшие ткани на ноге и на руке. Они делали все, что могли, чтобы сохранить как можно больше.

— У нас появилась надежда. Но вскоре вновь пришло отчаяние. 15 августа, Успение Пресвятой Богородицы, выходной день. Перевязку сделали на день позже. Началась гангрена. Надо было выбирать: рука и нога или смерть, — вспоминает Уршуля. Больше всего ее удивило, что Ясь хорошо понимал, что́ ему грозит. Он радовался, что остался жив. Уршуля благодарила Бога, что удалось сохранить плечо. А то крепить протез было бы не на что.

Национальный фонд здравоохранения купил Ясю протез ноги за 900 злотых. Это был протез с негнущейся стопой и ремешками, с помощью которых его надо было привязывать к культе. Ясь хромал, но мог ходить. Пружинные протезы с подвижной стопой стоят целых 30 тысяч злотых, а самые лучшие протезы руки — до 45 тысяч.

— Я отправился в представительство крупной немецкой фирмы, которая производит такие протезы. Они спросили меня, где я возьму деньги, — рассказывает Богдан Меля.

Быстрее! Быстрее! На полюс!

— Это было предначертано, — говорит Марек Каминский, рассказывая о том, как он решил помочь Ясю. В 1995 г. он стал первым поляком, покорившим оба полюса. Теперь он готовился к следующей экспедиции. Это должно было быть что-то совершенно невероятное. В кабинете он развесил на доске листочки с идеями: Космос, Экспедиция к центру Земли, Путешествие на айсберге, Зеленый ад, Затерянный мир.

Как-то к нему пришел Артур Матыс, книгоиздатель, товарищ Уршули по лицею. Он сказал, что требуются деньги на новую руку и ногу. Каминский дописал на доске: Экспедиция с Ясем.

— Он был самым обычным мальчишкой. Гонял мяч и играл на компьютере. Путешествиями не интересовался. Но решение принял сам. Родители предоставили ему полную свободу, — говорит Войцех Островский, кинооператор и соратник Каминского по путешествиям, друг семьи Меля. Жена Островского Наталья одолжила у Каминского фильмы о природе для Яся, чтобы тот не скучал в период выздоровления.

— Мы начали раздумывать: то ли проплыть по кашубским озерам на байдарках, то ли совершить восхождение на Рысы (самая высокая вершина в Татрах) или на Монблан. Планы становились все более смелыми. Решили, что отправимся на полюс, потому что это своего рода символ, — говорит Каминский.

На протяжении многих месяцев и крупные, и небольшие фирмы отказывали в спонсорстве. Все изменилось, когда Скандинавская ортопедическая лаборатория, шведская фирма с представительством в Лодзи, согласилась бесплатно изготовить для Яся новые руку и ногу. Островский снимал на пленку очередные примерки. Вот владелец фирмы сосредоточенно надевает Ясю протез ноги. Ясь неуверенно делает первые шаги.

— Быстрее, быстрее, — подбадривает швед. Ясь начинает ходить, а потом бегать и подпрыгивать. Он счастлив, он смеется.

— Теперь на протезе они могут сделать надпись: «Испытано в полярных условиях», — шутит Островский.

Прежде чем отправиться на Северный полюс, в апреле 2004 г. они остановились на Шпицбергене. Бушевал шторм, валил снег. На Пасху пропал Адам Керес, полярник, который помогал Каминскому в его первых экспедициях.

— Рядом с нами прошла смерть. Я рисковал всем. Если бы с Ясем что-то случилось, во всем обвинили бы меня, — говорит Каминский. Он вспомнил, что женщина-врач, которая занималась реабилитацией Яся, не захотела принимать участия в подготовке к экспедиции. Она считала ее слишком опасной.

Когда они шли к полюсу по льду, им пришлось преодолевать многочисленные расщелины между льдинами и торосами.

— Мы падали на каждом шагу. Раз по 50 в день. Я боялся, что Ясь что-нибудь себе сломает, — говорит Каминский. До последнего дня они не были уверены, что дойдут. Днем они приближались к цели, а ночью удалялись от нее, так как ветер заставлял льдины дрейфовать в противоположном направлении.

За экспедицией следил телеканал TBH. Зрители могли посылать СМС-сообщения. Благодаря этому они собрали деньги на протезы для 65 инвалидов.

В декабре 2004 г. они решили закрепить успех. И отправились на Южный полюс. Сочельник они встретили в пути, особые пожелания получили от Папы Иоанна Павла II. Полюс был покорен ими под Новый год.

— На полюсе уже издалека был виден большой темный купол из титана. Под ним находится американская станция, — рассказывает Ясь. — Поблизости уже ждал репортер с телевидения. Он прилетел на самолете и хотел взять у нас интервью. Мы его предупреждали, что Антарктида расположена на высоте примерно трех тысяч метров и бегать там он не должен. Но он не послушал. Начав говорить в микрофон, репортер упал и потерял сознание. Его унесли, а потом он улетел.

По возвращении Яся телевидение буквально поселилось у него дома. Он просыпался, а на него уже была направлена камера.

— Я не думал, что на экране все выглядит таким искусственным. Нам говорили: «Ведите себя так, словно нас тут нет». А потом сами же мне велели пять раз входить в комнату с тарелкой еды, — удивляется Ясь.

Я — герой, быть героем легко

Ясь стал почетным гражданином Мальборка. Он получает приглашения из других городов. Родителям пришлось превратиться в его менеджеров. Ясь только что вернулся из Нью-Йорка, где побывал на ежегодном балу Клуба открывателей (Explorers Club), устроенном в эксклюзивном отеле «Уолдорф Астория».

— Было так странно, ведь средний возраст присутствовавших там людей был не меньше 75 лет. Я понял, что для того, чтобы стать открывателем, надо иметь деньги. Хотя миллионер Стив Фоссет, облетевший на воздушном шаре вокруг света, — очень даже приличный человек, — говорит Ясь.

Больше всего его разочаровала статуя Свободы.

— Такая грязно-зеленая женщина с книгой и факелом, — заметил он.

На следующей неделе ему предстоит ехать в Мадрид. Он гоняет по дому наперегонки с Мишкой, снежно-белой лайкой, которую ему подарили в школе.

Артур Матыс надеется, что Ясь не пропадет, когда СМИ про него забудут. Он рассказывает, что как-то раз его остановил пожилой мужчина, перенесший инфаркт. Ему предстояла операция на сердце. Он не чувствовал страха, ибо благодаря Ясю поверил, что ничего невозможного нет.

Недавно Яся пригласили на передачу 3-й программы радио, посвященную выходу по-польски книги «Белое на черном» Рубена Гальего. В ней Рубен описывает свою жизнь в советских детдомах: «Я — герой. Быть героем легко. Если у тебя нет рук или ног — ты герой или покойник. У меня просто нет другого выхода».

А может быть, для Яся было бы лучше, если бы его не ударило током и всего этого с ним не случилось? У него самого нет на это ответа.

PRZEKRÓJ

Збигнев Флорчак

МИЗАНТРОП С ОСТРОВА СВЯТОГО ЛЮДОВИКА

В прекрасно изданной (гданьским издательством «слово/образ/территория») книге Яна Бялостоцкого «Мыслители, хроникеры и художники об искусстве» полным-полно интересных размышлений. Леонардо да Винчи, который ставил живопись выше поэзии, скульптуры и музыки, пишет: «Если живописец хочет увидеть возлюбленные им красоты, то он в силах их сотворить, а если он хочет увидеть вещи жуткие, которые ужасают, или шутовские и смешные, либо возбуждающие истинное сострадание, то он им господин и Бог»... В этом перечне мне не хватает одного описания искусства — с его примиряющей стороны. Ибо искусство наверняка обладает функциями ***медиума*** — не в том значении, какое приобретает это слово у вертящегося столика, а в значении высокого умения двух сторон договариваться — сторон, между которыми обыкновенная человеческая связь оказалась нарушена.

Готовя эту статью для журнала, обращающегося к русской интеллигенции, я прежде всего имею в виду это свойство. Потому что дело просто: сегодня бесценен любой способ взаимопонимания, в том числе и рассказ о выдающемся живописце.

Разумеется, эту роль может играть не какое попало, а только выдающееся искусство. Кто знает, стоит ли вообще писать об искусстве «невыдающемся». Искусство — это явление по сути аристократическое, что следует ясно сказать в эпоху, рекомендующую демократичность и демократичности жаждущую. Искусство не выносит толкучки — на площади остаются только благороднорожденные, иначе говоря, только шедевры. Этот критерий отнюдь не завышен: к несчастью, сегодня невероятное перепроизводство художников, по существу ничего общего с искусством не имеющих, незаконных детей или детишек, порожденных средствами массовой информации, размывает все разумные границы искусства, и антиискусства, и якобы-искусства. Одних «художников» насчитываются сотни тысяч, а для исчисления «произведений искусства» пришлось бы применить многочленный множитель. В рамках такого недостоверного и непроверяемого контекста «художественной критики» я с облегчением приступаю к статье о Яне Лебенштейне. Сделанное им — вне безумия девальвации.

Художник подлинный, хотя и очень трудный — и как личность, и в своем творчестве. В прошлом году вышла книга — я бы сказал Книга — двухтомник, посвященный Лебенштейну. Сборник статей, написанных авторами, чьи имена у нас широко известны. В целом перед нами как бы обширные парламентские дебаты о художнике, тем только исключительные, что выводы приняты единодушно. С обложки первого тома на нас глядит сам Ян Лебенштейн: лицо Мефистофеля с задиристым выражением, с убегающими вверх бровями. На обложке второго тома — одна из его типичных, «осевых» композиций: почти фигуративная форма, напоминающая висящую на потолке летучую мышь. Что-то от летучей мыши было и в самой личности Лебенштейна. Под этими обложками — несколько десятков текстов, воспоминаний, интервью и бесед, высказываний самого художника. А как это издано! Хотелось бы как можно чаще держать в руках такие же прекрасные книги, сделанные с таким полиграфиче-

ским размахом! Зрительно-осязательное удовлетворение от прекрасно изданной книги заменяет любые самые умные предисловия.

Самыми интересными текстами я считаю — хотя выбрать не так-то просто — статьи Петра Клочовского, Кшиштофа Помяна, Ежи Стаюды, Чеслава Милоша (1999), Славомира Мрожека и Зофьи Романович. Воспоминания пани Зофьи я читал растроганно: нет уже в Париже ни знаменитой книжной лавки «Либелла», ни галереи «Ламбер», которые после дома «Культуры» в Мезон-Лаффите были второй «Меккой» для бесчисленных паломников из Польши. Каждый, кто в те годы принудительной осторожности (назовем это таким эвфемизмом) приезжал из Польши в Париж, отправлялся на остров Сен-Луи, и пан Казимеж Романович тут же оделял его изданиями «Культуры» и своими собственными, в голубых обложках. А как тогда все это читалось: такой сенсации, чувственной и интеллектуальной, уже в жизни не повторить...

Книжная лавка «Либелла» и галерея «Ламбер» помещались стена в стену с историческим особняком Ламбера, где некогда собирались наши самые выдающиеся личности, вплоть до Норвида, куда являлся сам Мицкевич со своими бурными речами. Великолепная резиденция князя Адама Чарторыйского, в нескольких десятках метров от основанной им же (за углом, на другой набережной) Польской библиотеки, неоценимый исторический памятник для поляков, в наши времена была продана кому-то из Ротшильдов, ибо у польского государства не хватило денег! Волосы встают дыбом от гнева, когда об этом думаешь. Сколько бы раз я ни проходил по узкой улочке, слушая плеск Сены, всегда меня охватывали гнев и горечь.

Отсюда было недалеко до мастерской Лебенштейна. Зофья Романович вспоминает: «Однажды Янек заявился к нам с полотном в руке. „Это хозяйке дома, — пробормотал он. — Вместо цветов". Мы развернули газету, в которую была обернута картина, и положили холст на пол. Чудесно! Волшебно. В зеленом цвете — надежды. Всех троих нас тогда охватила надежда, что намеченная выставка Яся будет успешной. Должна быть. Покорит Париж!» Так и случилось.

Как-то я сказал Романовичам, что собираюсь к Лебенштейну, а пан Казимеж предостерег меня: «Не забудьте, у него очень трудный характер». И я легкомысленно отказался от похода к художнику, а жаль: ухо бы мне Лебенштейн не отгрыз, как это сделал Ставрогин в каком-то салоне, а мне было бы что рассказать в этой статье.

Этот якобы дикий Лебенштейн дружил с несколькими, привередливо выбранными соотечественниками в Париже. С Юзефом Чапским, жившим в доме «Культуры» (замечу, что живопись Чапского Лебенштейн не принимал). С эрудитом-эссеистом Котом Еленским. В Польше — с писателем Мареком Новаковским. Ценил трагическое искусство Оберлендера... Сам он был художником, в полном смысле слова трудным. Но разве искусство должно быть и может быть легким? В заключение статьи о Норвиде Юлиан Пшибось заметил: «Вообще не существует поэзии легкой, то есть не требующей от человека всего его ума и сердца». Того же требует и живопись Лебенштейна.

А то, что он бывал несносен? Ну да, бывал. Люди, которые всех одаряют своей дружбой, не вызывают во мне доверия. Лебенштейн был скрытный и подозрительный. От творчества он требовал, чтобы оно было подлинным в простом и самом глубоком смысле слова — вырванным из самой глубины личности художника. И чтобы художник не бежал от правды места, где искусство возникает, и времени, когда оно возникает. С этой точки зрения он критиковал и абстракционизм, и польский колоризм, которым занимались каписты, ученики Паукевича, ибо они писали картины так, будто жили на берегах Сены, а не Вислы. Он требовал искусства, проникнутого сознанием времени и места, не обходящего — наобо-

рот! — и испытаний сталинской эпохи. Это не означает, что от живописи он ждал описательности: в комплексе своих формальных методов он был совершенно «современен» — я взял этот эпитет, которым столько злоупотребляют, в кавычки, но известно, о чем речь идет.

У каждой эпохи есть свой букварь и содержащаяся в нем азбука, и эпоха заставляет пользоваться сегодняшними, а не позавчерашними буквами. Лебенштейн был далек от того, чтобы раз за разом писать соблазнительную обнаженную натуру, но человеческое тело поместил в центр своего тематического репертуара, если термин «тема» мы будем употреблять с надлежащей осторожностью. Его телесные реминисценции как бы изначально ознаменованы априорной тональностью страдания. Неизбежностью этого страдания — такова была философия Лебенштейна. Он использовал цвета осени, гнило-зеленые и гнило-коричневые, погруженные в темноту. Солнце не диктовало ему палитру, ближе ему был, как мне кажется, англичанин Фрэнсис Бэкон. Тот, кто помнит эти полотна, ассоциирующиеся с обрывками обнаженных тел, поймет соотношение Бэкона и Лебенштейна, хотя ни о какой зависимости и речи быть не может.

Свыше сорока лет Ян Лебенштейн жил в Париже. Здесь он иллюстрировал обложку сборника стихотворений Александра Вата, рассказы Густава Герлинга-Грудзинского, «Книгу Иова» и «Откровение Иоанна Богослова» в переводах Чеслава Милоша, спроектировал витраж у монахов-паллотинов на ул. Сюркуф; написал несколько сот картин маслом и гуашью, включая сцены в метро, барах, борделе, перед больницей Сальпетриер... В его творчестве по сути выражается одна и та же навязчивая идея — фактора времени как разрушения. Как разрушителя. Погруженные в эту стихию люди и предметы подвергаются деформации — собственно говоря, порче. Один из циклов прямо называется «Отвратительные твари». В самом названии звучит сигнал ужаса. Он был против того, что принято называть фантастичностью в искусстве, и презрительно говорил: «Это форма современного эстетства, — а от эстетства Лебенштейн был весьма далек. — То, что когда-то было ***великим*** искусством, всегда касалось ***великой действительности***: Египет, Дюрер, Босх, хотя бы скромный в таком соседстве наш Войткевич». Один из его собеседников считает, что Лебенштейн, пожалуй, слишком чувствителен к тому, что можно назвать человеческим зверинцем. Художник соглашается: «Исключительно! Все искусство — это вымысел, разворачивающийся между людьми».

Покойная Иоанна Полляк, тонкий знаток искусства, так комментировала творчество Лебенштейна: «Это была бы последняя метафора, охватывающая природу человека — запутанного во времени, оставляющего печать своей зверино-божественной природы на все новых слоях истории. Извечно всматривающегося в спектакль жизни, смерти, культуры. Спектакль одного зрителя и одного актера».

К этому ничего не прибавишь. У Бялостоцкого речь идет, в частности, о Плинии Старшем, который в своей «Естественной истории» посвятил немало внимания живописи. Плиний там упоминает Пейрекоса, «живописца низшего рода, пишущего цирюльни, портняжные мастерские, орлов, овощи и тому подобные вещи», который «в своей заурядности обрел славу небывалую», а называли его «рипарографом», т.е. «Живописцем грязи». Лебенштейн — это современный «рипарограф», только писавший этическую грязь, прячущуюся под человеческой кожей, застарелую.

«Rozmowy o sztuce własnej, o tradycji i współczesności» oraz «Jan Lebenstein i krytyka». Wybór i opracowanie Andrzej Wat, Danuta Wróblewska. Hotel Sztuki. Warszawa, 2004

*Переработанный специально для **«Новой Польши»** вариант статьи, опубликованной в журнале **«Нове ксёнжки»** (2005, №1).*

Елена Твердислова

ФИЛОСОФИЯ НАДЕЖДЫ ЮЗЕФА ТИШНЕРА

Призвание мое аксиологического свойства – выбирать ценности.
Юзеф Тишнер

В Польше нет человека, который не знал бы не просто имени Юзефа Тишнера (1931-2000) — философа, священника, публициста, педагога, — но и того, что он говорил и писал. Писал он разное и по-разному, что нашло отражение в жанровом многообразии его сочинений. Написанных им за предельно короткое время книг насчитывается сегодня больше двух десятков, а общее число его сочинений — вместе со статьями, предисловиями, выступлениями и беседами (этот вид общения он особенно ценил) — давно перевалило за сотню. Первым крупным изданием был вышедший в 1975 г. сборник его статей и очерков с примечательным названием «Мир человеческой надежды». Последним при жизни Тишнера — «Как помочь в испытании совести», напутствие верующему жить, не оставляя надежды (на русском языке см. «Свет Евангелия». М., 2002). С надеждой он не расставался никогда и призывал верить в нее, особенно в период тяжких испытаний.

Написанное Тишнером мигом разлеталось по стране — не только по Кракову, где он жил, преподавал философию в Папской богословской академии (заведуя кафедрой антропологии) и Ягеллонском университете (будучи здесь деканом философского отделения Института полонистики). Он читал лекции о драме на режиссерском отделении Высшего театрального училища, начиная с 1960-х постоянно печатался, не без полемического запала обсуждая насущные и животрепещущие проблемы в редакциях (издательство и журнал «Знак», еженедельник «Тыгодник повшехный»), на кафедрах, в костелах. В Кракове он регулярно проводил богослужения, исповедовал, венчал и отпевал, провожал на кладбище, а когда ввели военное положение, во всеуслышание заговорил о чести и достоинстве Польши — с амвона. Он сразу стал духовным лидером «Солидарности», возглавив сопротивление красному режиму в черные 80-е, что запечатлела принесшая ему мировую известность «Этика солидарности». И никогда не терял чувства юмора, присущего его сородичам-гуралям. Им он посвятил обаятельную и остроумную «Историю философии по-гуральски», написанную на их диалекте, — своеобразное собрание портретов местных сократов и платонов. Его анекдоты, афоризмы, сравнения и пословицы перепечатывались чуть ли не во всех газетах и передавались из уст в уста. Своим собственным примером он учил жить легко, но по совести, философствовать, а не разглагольствовать, мыслить, доверяя разуму, в котором он видел силу, противостоящую отчаянию. «Упадок истины, обман, иллюзия, ложь, — подчеркивал он, — уже это способно возвести в абсолют необходимость мыслить, из чего и произрастает всякая философия». Философом не просто может, а должен быть каждый, словно утверждал он, считая философию не «сухой» наукой, а областью, способствующей пониманию жизни. Он призывал осмыслять всё: чувства, эмоции, жизненные обстоятельства, но прежде всего — собственные поступки. Себя познать можно только через мир другого — того, кто в тебе нуждается. Этой идее подчинено все им написанное, сказанное, выстраданное.

Если возможно хоть с кем-то сравнить у нас популярность Тишнера (в 1988 г. он был назван «Краковянином года»), на ум приходит разве что Высоцкий, которого слушали все. Вот и Тишнера — читали все. По своему значению и тому, с какой основательностью он подходил к любой проблеме, как отважно пересматривал и разбивал закостенелые позиции, но главным образом по той культуре общительности и открытости Тишнеру ближе всего о. Александр Мень. И по темпераменту пастыря, исследователя, лидера. К этому следует прибавить его регулярное участие в конференциях, которые проводил Иоанн Павел II в Кастель-Гандольфо, своей летней резиденции, куда съезжались для встреч и обмена мнениями мыслители со всего мира.

Тишнера не единожды награждали. Он лауреат премии Польского ПЕН-клуба (1993), нескольких литературных премий, кавалер ордена Белого Орла (1999).

Книги Тишнера очень разные, и каждая становилась бестселлером. Знаток и последователь феноменологии Э.Гуссерля, которого (наряду с Р.Ингарденом) он считал своим учителем, Юзеф Тишнер был известен как создатель концепции аксиологического «я», агатологической науки и современной этики («Мышление в категориях ценностей»), теории драмы как жизни человека («Философия драмы» и «Спор о существовании человека»). Не менее пристально он следил за общественными процессами, происходящими в его стране, став своеобразным летописцем ее перестройки («Мир человеческой надежды» и «Несчастный дар свободы»). Философия привлекала его по-человечески, что нашло отражение в созданной им блестящей портретной галерее современных философов (Роман Ингарден, Габриэль Марсель, Мартин Хайдеггер, Антоний Кемпинский, Эммануэль Левинас). «Исповедь революционера» — наново прочитанная «Феноменология духа» Гегеля — в какой-то мере дополняет этот «ансамбль». Тишнер — автор и публикаций религиозного характера, в том числе «Между Господом Богом и приходским священником» и «Священник на бездорожье», где он анализирует богословские тексты и понятия, обращаясь не только к верующим мирянам, но и к духовенству, которое вместе со своей паствой призвано ставить вопросы, а не руководствоваться готовыми догмами. Блуждают не только мысли, но и люди, блуждать необходимо, полезно, важно — чтобы не попасть впросак с заготовленным впрок ответом.

Высокий, крупный, с красивым басом, которым он в равной степени прекрасно исполнял народные песни и литургические песнопения, он походил на Шаляпина. И в одночасье утратил самый свой большой талант — голос, возможность говорить, а значит, общаться и проповедовать (рак горла — испытание, выпавшее и на долю русского проповедника и священника о. Сергия Булгакова!). Словно Сократ, вобрал в себя Тишнер боль человечества, которую диагностировал сам, собственными руками подбирая и способы лечения. Когда-то, заметил он, философия возникала из удивления окружающим миром (Аристотель), позже — из великого сомнения (Декарт), исток ее в наше время — мучительная боль. Но страдания не должны отгораживать. И, пока позволяло физическое состояние, он старался быть со всеми вместе, не переставая шутил, радуясь общению: на одну из встреч с Папой, посетившим тогда Краков, Тишнер приехал уже в каталке с табличкой, которая заменяла ему голос, и надписью «Тишнермобиль» (по аналогии с «папамобилем» — папским автомобилем). На смертном одре, после изнурительной болезни, он продолжал благодарить судьбу за возможность познавать богатство и красоту жизни. В этом, говоря словами К. Михальского, и состоял его «вкус к жизни». «Я знаю, что болезнь не позволит мне вернуться ко многим вещам. А мне этого, черт возьми, ни капли не жаль! Вместо того чтобы из-за моей болезни мир оскудел, он ею обогатился. Болезнь дала мне возможность испытать истинную свободу»*. С помощью бумаги и карандаша он продолжал вести диалог на, казалось бы, такие далекие, тонкие интеллектуальные темы, которые вдруг становились самыми необходимыми...

Трудно сказать, в чем главная заслуга Тишнера. Их немало. Перед европейской философской мыслью — в том, что, говоря его же словами, он пытался приспособить для дошколят трансцендентальную феноменологию Гуссерля. Как и в его стремлении снять границы между «отдельным» мышлением богословия и философии, науки и религии, настаивая на том, что к любому исследуемому предмету надо подходить с разных позиций, но одновременно сохраняя своеобразие каждой из сторон, особенно если речь идет о человеке. Следуя диалектической тропой Гегеля, Тишнер обосновывал разумность многоаспектного измерения: внешнего и внутреннего, духа и тела, формы и материи одновременно. Без диалектического метода не может быть диалога. А христианство, говорил он, — диалогическая религия, которая способствует тому, что в итоге диалог приводит к вере. Если поближе присмотреться к ее действию, станет очевидно, что и она — диалог, только иного свойства: христианская любовь основана на внимании к существу несовершенному, даже грешному. Будь по-другому, она ничем не отличалась бы от социальной доктрины справедливости, считал он.

«Я в шутку говорю, — как-то заметил Тишнер, — что сначала я — человек, потом философ, потом долго-долго никто и только после — священник». Здесь степень — по нарастающей — той ответственности, какую он осознавал перед людьми, самим собой и Богом. Он не давал успокаиваться таким же, как и он, церковнослужителям: есть два вида священнического мужества, считал он, — мужество, способное указать человеку его грех, и мужество, способное показать грешнику величие любви Бога. Чаще всего в церквях встречается первый вид

---

* Bonowicz W. Tischner. Kraków, 2001. Это первая достаточно полная биография Тишнера, в которой наряду с фактами жизнеописания, редкими документами и фотографиями широко представлены воспоминания, высказывания людей, знавших ученого и общавшихся с ним, а также то, что́ Тишнер говорил им, и в этом смысле книга — бесценный документ, созданный по горячим следам. Едва ли не апокриф.

мужества. И добавлял: в евангельском служении речь идет не о том, сколько священник сумеет собрать с неба громов и молний на головы грешников, а за скольких сумеет «подставить выю». Заступничество за грешников — вот где истинная смерть.

«Мы, священники — люди бездомные». Оттого, наверное, так много написано о местах человеческого *одомашнивания* — знаках *присутствия* человека на земле: дом, храм, кладбище, место работы... Философ учится по книгам, философ-священник — по исповедям: «Если я чего-то и достиг в области философии человека, то только благодаря вниманию к обстоятельствам, которые открылись на исповедях». Здесь не просто сокровенное, но и понимание той роли, какую берет на себя сегодня священник. Свою задачу Тишнер видел в том, чтобы «приручить» и «оживить» ставшие ныне абстрактными философские понятия, о которых он заговорил с людьми прежде всего во время богослужения. В церкви, куда человек приходит, как правило, за советом. Не тогда, когда ему хорошо, а когда плохо. И надо быть готовым выслушать — не для облегчения души, а для развития «горизонта мышления», того пейзажа, который составляет фон человеческой жизни, ее питающий. Его философия выражала то, что волновало его современников и соплеменников. Он отдавал отчет в той угрозе, которую несла миру тоталитарная система, как и в том, что борьба с такой системой должна вестись по-разному, а готовиться исподволь. Нельзя считать себя независимым, если ты живешь в стране угнетения. Уход в абстрактные понятия тут равноценен предательству.

Философия Тишнера предельно конкретна и целенаправленна, ибо, отмеченная чертами проповеди, она обращена прежде всего к Польше и полякам 70-90-х гг. — то есть к тем, чье мироощущение сформировалось при коммунистическом режиме. И это тоже его величайшая заслуга — на этот раз перед родиной, если не всем *соцлагерем*. Противопоставляя свои воззрения сложившейся в те годы действительности, он был убежден, что внутри этой реальности зреет истинная правда о человеке вместе с главными ценностями свободы, ответственности, блага, любви. «Трудность понимания веры не в том, что она сложная, а мы простые, а в том, что мы ее запутали, тогда как вера проста», — писал он. Сложность заключается в том, что человек часто не знает, что такое для него вера, свидетельством чего и стал атеизм, доказавший легкость веры в идолов. В реакции на добро и проявляет себя вера, которая по сути своей — «печальная необходимость»: если бы мы могли знать, то не нуждались бы в вере. Но все дело в том, что знать мы не можем. Есть вещи за пределами возможностей человеческого разума. Как свет, который слепит.

*Б*лестящий публицист, говорили о нем те, кто не хотел признавать в нем философа. Философ, называли его другие, но отказывали в праве быть христианским философом: мол, слишком политизирован. Осуждали его излишне суровое мнение о польской религиозности и видели в Тишнере чуть ли не врага Церкви. Его критиковали за либерализм: апологет свободы, который стремится соединить несоединимое — Церковь с демократией! Находили, что он проявляет слишком большой интерес к Европе по сравнению со своей страной или что, восхваляя человека, возносит его чуть ли не выше Бога. Все это, в конечном счете, и были плоды его открытости. Он был священником, требовательным прежде всего к себе: «В моей философско-пастырской жизни я не встретил никого, кто утратил бы веру, начитавшись Маркса, Ленина, Ницше, зато сотнями можно насчитать тех, кто разуверился после встречи с приходским священником. Обидно, когда врачеватель заражает больного». Был у него и свой долг перед философской мыслью, которую он вынужден был *оставлять* ради *сиюминутных* потребностей. Но как быть, если обе области неразрывны, коль скоро посвятил себя человеку? Не случайно же он стал соучредителем (совместно с Г.-Г.Гадамером и К.Михальским), а затем и президентом Института науки о человеке в Вене. И в этом не было пафоса: он любил и умел смеяться над собой, всегда держался свободно, не совсем, наверное, привычно для человека в сутане, и чурался только фальши. На идеи и образы западных философов смотрел сквозь призму как чисто житейских проблем, так и тех великих задач, которые выдвигает перед человеком жизнь в минуты невзгод не только личных, но главным образом — своего отечества (об этом говорится в тексте «Польша — это отчизна»).

Тишнер соединил в себе страсть мыслить по-философски, подходить к жизни согласно вере, а значит, по-богословски, и жить по-человечески, то есть с неизменной любовью к другому. Другой — тот, кому хуже, чем мне. А потому самые острые его выступления, похожие больше на ледовое побоище, чем на дискуссию, вдруг превращались в поле, на котором лён молотят: думаешь, сейчас одни осколки да черепки останутся, вдруг — белое, мягкое, чистое полотно ложится. Сильные, нередко по-гуральски пряные высказывания Тишнера, резкое неприятие одностороннего мышления, каких бы областей оно ни касалось, как и *привычного* уклада церковных обязанностей, не всегда находили приверженцев и сторонников, скорее наоборот: он сумел нажить себе немало врагов. Бескомпромиссность позиции — как правило, дело тебя одного, тогда как бескомпромиссность суждений задевает многих: «Одним скручивали руки, ему скрутили горло», — так говорят о нем сегодня.

Рассматривая философию и Церковь, богословие и проповедничество в неразрывной целостности, Тишнер был против того, чтобы существующие в культуре человечества понятия сводить только к философии, так же, как отделять философию от богословия или приравнивать философию к литературному творчеству: если, скажем, суть поэзии — вопрос о красоте, то суть философии — вопрос об истине. Разные вещи, но неотделимые друг от друга.

Предостерегал Тишнер и от другой крайности — видеть в философии сугубо научную область. Агатологию, науку о благе (греч. agaton — добро, благо, и logos — слово, смысл, понятие), он не замыкает стенами учебных и научно-исследовательских заведений, а простирает на политические режимы и государственные устройства, анализируя сквозь призму истинного блага демократию, тоталитаризм, способность человека быть активным участником политической жизни. Каким был он сам. Вне агатологии прогрессивного политического строя не создать — таково было его убеждение. Отстаивая агатологию, в определенной степени противопоставив ее онтологии, Тишнер именно в онтологии усматривал «непреодолимую потребность в тотальности» и однажды, доказывая пагубность взгляда на человека в категориях системного мышления, в сердцах воскликнул: «Коза и корова едят на лугу одну траву, а г... у них разное».

Человек — существо, постоянно себя преодолевающее. Подлинная жизнь — всегда работа, и она может спориться только при условии интеллектуального подхода, высокого образования, гибкости ума, которые не даются без труда — все требует усилий. Но сначала «возлюби ближнего», а уж потом «как самого себя». Эти важнейшие выводы, сделанные философией в предыдущее столетие, Тишнер высказывал самым простым и обычным языком, пытаясь довести до каждого: все несчастья людей — от глухоты, неумения и нежелания слышать другого, а другой — это единственный камертон, способный дать верный тон.

Отношением к другому измеряется «новое мышление», истоки которого Тишнер связывает с Дильтеем и его антипозитивистской гуманистикой, к создателям же причисляет Франца Розенцвейга, «самоучку» Фердинанда Эбнера и самого яркого представителя этого направления Мартина Бубера. Подлинный переворот в этом направлении совершил Эммануэль Левинас, к учению которого Тишнер шел почти три года, потрясенный его выводами и опытом пережитого. Мало найдется тем, которые бы так привлекли внимание философской мысли XX века, как «другой». Ни одна так радикально не отделяла современность от традиции. Нельзя сказать, чтобы в предыдущие века не задумывались над тем, что такое другой человек, — ему отводилось место в антропологии и этике, в философии, занимающейся проблемами государства и права. Но возникшее «новое мышление» совершило переворот, равный едва ли не коперниковскому. «Одинокий ум, стоящий лицом к лицу с молчаливым и безучастным миром, не на многое способен», — говорил Тишнер. Именно встреча — источник испытываемой истины, вне встречи не может быть подлинного понимания ни себя, ни истории. Понимание выводится не из отношения человека к вещи, а из связей с другим человеком. Переворот обозначил отход от метафизики, прежде всего — томизма. Тишнер не побоялся заявить о закате томизма как философского направления, обосновав свою позицию во многих работах. Не менее громкой стала и его сокрушительная критика марксизма («Польская мельница»). Справедливости ради надо заметить, что сам марксизм в Польше насадить не удалось, хотя и были у него сильные и яркие представители — свои «искатели счастья».

Встреча, по Тишнеру, — это опытное восприятие другой субъективности, иной, нежели твоя собственная. На религиозном языке разговор с кем-то гораздо важнее разговора о чем-то, подчеркивал он. И одним из первых начал такого рода разговор, не боясь обвинений в «узурпаторстве» тем, идей, наконец, терминологии. Тишнер — философ, мыслящий категориями, которые принадлежат всем. Его язык изобилует цитатами из Библии, нередко в его собственном пересказе, и это тоже черта свободного мышления. Так разрушал он стену наукообразного подхода, и к общему столу шли блюда, приготовленные на разных кухнях. Невозможно на каждом шагу объяснять, откуда взят тот или иной термин — в конце концов, все вышли из Аристотеля и Платона (были и более древние источники, не говоря о Библии). Тишнер развивал свои идеи, используя наработки интересующей его области, переводя понятия и даже метафоры, принадлежащие тому или иному мыслителю, на язык повседневности («интенциональность» Гуссерля, «перцепция» Ингардена, «бытие», «бытийность» и «Dasein» Хайдеггера, наконец, «епифания лица» Левинаса).

Мысль начинается с ощущения неправды, и истинный способ познания правды лежит вне зла и обмана. Чтобы понимать сложности жизни, надо уметь и сложно мыслить. Чтобы отстаивать простые истины, надо знать, что такое вообще истина и какова ее цена. А цена эта не раз была довольно тяжелой, особенно когда в стремлении к ней приходилось сталкиваться с превратно понятыми собственными суждениями. На первых порах потерпела провал вроде бы ясно выраженная мысль о том, что время диктует необходимость переориентации. Пора взглянуть на философию в масштабе жизни и той ее повседневности, которая высвечивает подлинный трагизм, — уловить

такой аспект можно, сменив ракурс, то есть посмотрев на мир не как на бытие, а как на благо, ибо оно изначально дано человеку. Тишнер разрабатывает свое толкование бытия в этическом свете, солидаризируясь здесь с Э.Левинасом. Отречься от «бытия как бытия»? Замахнуться на томизм? Рассматривать его как вчерашний день, достойный уважения и только? Кардинальности тишнеровских высказываний сопротивлялся даже такой блестящий мыслитель, как Ежи Турович — главный (и фактически бессменный) редактор «Тыгодника повшехного», значение деятельности которого выходило далеко за пределы Польши. И... предоставлял Тишнеру свои колонки, принимая живейшее участие в спорах*. Благожелательный оппонент — тоже благо. Тайна блага со всей его глубиной — это стремление быть собой, а стать собой можно, лишь посвятив себя другому. Понять истинную правду о человеке невозможно, не познав себя. Однако понятие «быть собой» нельзя свести лишь к героическим поступкам. Человек не исчерпывается героизмом, ибо «быть собой» означает еще и знать собственные грехи, отвечать за них, уметь каяться.

Залог блага — в открытости к Богу, но оно не бывает одинаковым. Одним для этого требуется несчастье, другим — наоборот: ощущение счастья. Первые ищут Бога, чтобы Он помог им выйти из затруднительного положения, вторые — чтобы Его восславлять (от *слова*), выражать признательность за чудо существования. Великое богословие вырастало из этого второго направления, став богословием благодарения. Тишнер — его представитель и продолжатель.

Философию Тишнера пронизывает главная мысль: религия — *связь*, которая не может людей разделять, возводить между ними границы, выискивать недругов... Человеческая жизнь проходит как бы между двух полюсов: тем, что человеку угрожает, и тем, что его совершенствует. С одной стороны — отчаяние, «болезнь к смерти», с другой — истинный «генезис Духа», под воздействием которого человек обретает себя как ценность. Следовательно, то, что человек переживает, можно трактовать либо в свете несчастья, либо в свете блага. В первом случае человек не выдерживает и гибнет под тяжестью неблагополучия, во втором становится творцом истории. Говоря о человеческой драме как драме утраты или спасения, нельзя не видеть, что и сама философия оказывается подчас перед таким же выбором: погубить себя или, наоборот, утвердить.

Тишнер и себя рассматривал как опыт для поучения. Категории ценности определяют жизнь человека, но не они первенствуют. Что значит первичность аксиологического «я»? Выдвигая этот тезис, он обосновывает его следующим образом: первичное «я» — ирреальная ценность, которая не относится к пространственно-временному бытию как таковому (тогда как реальное существование человека — всего лишь удачный опыт реализации ценности), а *предопределяет* эту ценность, ее агатологический горизонт. Наука о благе, по Тишнеру, лежит в основе человеческого мировоззрения в целом. Благо — это прежде всего благодарение. И любое проявление доброты — всегда доброта *для кого-то*. Но и здесь не все гладко и ясно, и тишнеровская склонность к парадоксам это высвечивает: «Человек для другого человека может быть частичкой Неба. К сожалению, он может быть и частичкой ада». Философ предостерегает: если между мной и тобой не будет Бога, между нами заведутся бесы. Отсюда и главная тишнеровская установка — на этику, которая обуславливает не только жизнь человека, но и развитие истории человечества. И вывод: «Какова этика философа, такова и его философия».

Ему ближе всего была этика Левинаса. «Трагичная в своей основе левинасовская философия блага находит свое дополнение в христианской надежде», — сказал Тишнер, причисляя себя к представителям иудеохристианства. Этика, вне которой нет ни ценностей, ни блага, не просто составляет фундамент человеческой общности, но по-своему закладывает, предопределяет бытие в целом — в этом кардинальное отличие тишнеровской концепции от томистской, согласно которой этика подчиняется бытию. В этике, по Тишнеру, проявляют себя и человеческие *связи*, осуществляясь в диалоге, причем то, что другой говорит обо мне (пусть это мне и не нравится), вовсе не обязательно такая уж неправда. В одиночестве человек не может быть свободным — свобода объединяет людей. Истинная свобода познаётся разумом, она открывается в мышлении.

В мир свободы входят через врата веры. В свободе осуществляется благо. Благо же измеряется жертвенностью. В ней не только онтологическая сила, но и отношение к другому и к себе самому, который позволяет другому *быть*. Ее преамбула еще и в освободительной мощи красоты — как в природе, так и в искусстве, например в человеческом танце, которому Тишнер уделял немало внимания. Свобода подразумевает отсутствие «центризма»: тот, кто ставит в центр бытия Бога, может потерять человека, а кто делает центром человека, может утратить Бога. Там, где Бог говорит с человеком, а человек — с Богом, этой проблемы нет. И это высшая форма диалога. И все же для себя самого человек — существо в некотором роде абсолютное. Но абсолют этот особенный: он не исчерпывается только собой. В самых глубинах человека живет стремление к абсолютному признанию со стороны другого.

---

* Суть спора с Тишнером и свою в этом споре позицию Е.Турович изложил в статье «Кто он, Юзеф Тишнер», вошедшей в сборник, приуроченный к его шестидесятилетию под красноречивым названием «Поверить в человека» (Краков, 1991).

Извечный спор о существовании человека, который спокон веку ведут философы, в итоге можно свести к понятию драмы человека и Бога. Быть существом драматичным означает *переживать* данное время, чувствовать вокруг себя других людей и землю как *сцену* у себя под ногами. Сцена — это земля, которая человеку дарована, но без святых мест она может превратиться в территорию произвола.

Три фактора открытости определяют человека как *существо драматичное*: открытости к другому человеку, сцене и текущему времени. Участие в драме предполагает надежду на спасение. «Проблему спасения решает не религия, а Господь Бог. Проблема же религии — в самопонимании человека на пути к Богу».

Познать эту драму можно лишь с помощью логики блага. Она единственная высвечивает суть и границы ценностей. Если я не сумел покориться Господу Богу — я есть, а если сумел покориться — меня нет, есть только Бог. Такова главная проблема свободы. «Свобода Бога по отношению к творению и свобода человека перед Богом — важнейший принцип понимания истории спасения. В этой истории нет ничего "должного". Скорее, все "возможно". А потому спасение часто называют еще освобождением». Спасение нельзя совершить без свободного выбора. Если люди выберут Бога, Он с ними будет, а если не выберут — не будет. Спасение, делает вывод Тишнер, — вот в чистом виде опыт блага. В тишнеровском понимании свобода — феномен специфический, полагает польский философ Кароль Тарновский: «Чтобы действительно быть свободным, надо эту свободу выбрать, но как это сделать, не будучи свободным? Это приводит к тому, что мы сами не знаем, *владеем* ли мы свободой или свобода *владеет* нами?»

Не свободен тот человек, который не в состоянии признаться в собственной вине, утверждает Тишнер. Не свободен тот народ, который не в состоянии выслушать признания другого в вине и быть способным на подобное же признание, добавляет он. Ничто не стесняет свободы так, как неназванная и непризнанная вина. Может, именно здесь следует искать корни зла — в том, что люди научились скрывать правду, делая из нее тайну? Феномен зла в исследовании Тишнера не ограничен философской проблематикой, само зло он изучает настолько досконально, глубинно и бесстрашно, что наводит на мысль о мстительности зла. «Независимо от того, откуда оно берется, зло всегда появляется в пространстве между человеком и человеком как особая действительность, обусловленная диалогично. Будучи "межчеловеческой действительностью", зло отдаляет и сближает людей, разделяет и соединяет, одних полностью уничтожает, другим позволяет жить». Возникая внутри межчеловеческой структуры, зло вбирает и затрагивает все явления жизни и человека, и проявляет себя как в самых глобальных событиях (война и концлагеря), так и в, на первый взгляд, неприметных (наши будни).

Тишнер нацеливает на зло, это воинствующее ниспровержение всех и вся, свой пафос, логику мысли, веру и связанные с ней убеждения, знания, позволяющие делать обобщения, сам способ общения, идущий из понимания другого. Все призывается на борьбу с этим коварным противником, в том числе и мышление. И становится ясно, что зло, если его выставить на свет и присмотреться к нему попристальнее, как к вещи, которая долго лежала в сундуке, притворившись незаметной, пропылившись, в результате чего к ней привыкли и перестали ее замечать, — может сгинуть, перестать быть. Тишнер вытаскивает этот лежалый товар, разглядывает его под лупой, вытряхивает, как изъеденную молью тряпку, пока она не расползется по швам. Злу можно помешать, но трудно воевать с ним в открытую, однако лучше дождаться момента, когда оно само себя съест, уничтожит, ибо по сути своей оно не может не уничтожать. Создается впечатление, что Тишнер стремился не столько убедить в праве на добро и благо, веря в его изначальность, сколько осмыслять и переосмыслять зло* как самого главного и хитрого, лживого, ускользающего противника. Здесь мы имеем дело в чистом виде с экологией философии. В природе нет зла, утверждал он, оно возникло среди людей и в людях, в пространстве их обитания и общения, а потому задача каждого — зло искоренять. Но в том-то вся и трудность. Зло, возникшее не в противоречие добру (метафизически, внутри бытия), а в межчеловеческом пространстве, — многообразно. Своими гранями оно соприкасается с добром, отчаянием и надеждой. У каждого из этих ракурсов — специфическое русло и, следовательно, свое *поле боя*, то есть своя традиция. Не случайно, однако, собравшись в паломничество по дорогам зла, Тишнер берет себе в поводыри Данте: в великом итальянце, отважно последовавшем за Вергилием вглубь ада, он видит не только одного из главных героев христианства. Не только выдающегося архитектора мироздания, грандиозные картины которого в «Божественной комедии» невольно всплывают в рассуждениях Тишнера о человеческой жизни как драме, о сценическом пространстве, организующем диалог «я» и «другого». Данте ощутим в способности Тишнера подходить к человеку с позиций, где

* В польской философии проблема зла занимает заметное место. Она высвечивается в беседе В.Боновича и Л.Тишнера с видным польским философом Барбарой Скаргой («Я не сторонница доброты по-овечьи» // «Знак» №532, 1999). Стоит заметить, что Л.Тишнер (племянник философа) развивает эту же линию применительно к творчеству Чеслава Милоша в статье «Секреты манихейских ядов. Милош перед лицом зла», выявляя и прослеживая зло в природе, истории, в грехе и нравственности, в том, как оно заражает и портит мир, как проявляет себя в колдовстве «дьявольских стараний».

временные и пространственные оси пересекаются, а также в архитектоническом единстве от самого *низа*, ада, до самого *верха* — неба. Данте для него еще и один из первых, кто запечатлел «плоды» зла, его последствия. Но Данте — еще и тот, кто нарисовал систему зла, что упрощает проблему, но усиливает потенцию зла.

Тишнер — благодатный водоем, куда брошен камень-мысль. Он откликается мощным числом кругов: любое вычитанное им слово не просто звучит на множество ладов, по-органному, а вибрирует разнообразием всех красок, благодаря чему собственные его рассуждения (вроде бы по поводу) превращаются в самостоятельные высказывания, которые далеко отошли от своего первоисточника. Однако ссылается ли Тишнер впрямую на Данте или никаких ссылок не делает, увлекшись почти схоластическим препарированием понятий, каждая его строка, фраза, предложение дышат памятью о бесстрашном зодчем.

Со злом он непримирим, но не категоричен. Он не позволил себе ни слова осуждения по адресу Хайдеггера (в отличие от других философов) и даже попытался посмотреть на современного человека сквозь призму этого заблуждения. Может, в этом проявляется истинное величие человека — уважать слабости иного, уметь быть терпимым? Это одна сторона медали. А другая — личность и опыт Левинаса, как известно, оказавшегося по другую сторону той самой медали. Хайдеггер промолчал, не поставил вопроса о евреях, Левинас стал жертвой этого молчания. Как это соединить? Противники были воспитанниками одной — гуссерлевской — школы, но развела их не идеология, не воззрения, а конкретная жизнь, по-своему высветившая борьбу добра со злом. Идейное противостояние пришло потом. «Зло в том, что добрые люди становятся друг другу врагами» — один из афоризмов Тишнера. Оба ведь были религиозными людьми: Хайдеггер, прежде чем начать свой философский путь, прошел христианско-богословскую подготовку, тогда как Левинас от рождения и до смерти оставался приверженцем иудаизма, преподавал в школе раввината. Чтобы понять их расхождение, Тишнер обращается к Ветхому Завету и подвигу Авраама, открывшему человеку епифанию (богоявление) лица. Он ищет истоки добра. А для этого надо постичь природу зла, которая обнаруживается в понимании Бога. Как, впрочем, и наоборот. Всякое преступление совершается во имя sacrum, силой своего поражения подобное sacrum выносит человека за пределы сферы добра и зла.

Говоря о христианстве как источнике влияний, Тишнер постоянно подчеркивает, что это не значит, будто все вокруг — христиане. Отнюдь. Речь идет о влиянии этики христианства, его идей и заповедей на современного человека, среду, общество — на те взгляды одного и всех, которые важны и законодательно, и нравственно. Подлинно правильным может быть только закон, основанный на чувстве, понимании и осознании свободы. Человек свободен прежде всего в выборе: он может выбрать добро, а может — зло, и не то важно, что зло существует, а чего оно добивается.

С точки зрения Нового Завета менее важен грех, гораздо важнее его последствия. В некотором смысле добродетель вырастает из греха, как освобождение из рабства. «Любая наука, в том числе и философия, пытается сегодня отыскать посреди очевидностей принуждение, лишающее человека всякой свободы. Но и бегство от свободы свидетельствует о свободе». Все у Тишнера приходит на круги свободы. От свободы человеку никуда не сбежать, с ней надо уметь жить, творить и любить. Ибо через любовь осуществляется участие в благе. Любовь — венец блага, реализуемого в условиях свободы (когда есть свободное «мы»), объект человеческой надежды. Любовь понять нельзя, но через нее понять можно все — это самый всеобъемлющий опыт на свете. В основе любви — то, что совершенно самостоятельные (Бог самостоятелен и может обойтись без человека; человек самостоятелен и может обойтись без Бога) не могут жить друг без друга. Но любовь — это еще и сестра мудрости. Тишнер считает, что кризис разума ныне сменяется осторожной верой в разум: «Набожность чрезвычайно важна, но разума ей не заменить».

Экологическая философия Тишнера неотделима от его личной судьбы, запечатлевшей целую эпоху в истории Польши и обобщившей интеллектуальный опыт Европы. Читая и познавая его науку о добре и зле, об ответственности и рационализме, о том, что такое вчера, сегодня и завтра, о свидетельстве философской мысли, в которой этика — ее неотделимый компонент, понимаешь, что характер — не в том, чтобы принимать на себя удары оппонентов, а в том, чтобы всегда быть готовым ко встрече с другим. Ибо по его следам ходит Бог. В этом феноменальность встречи, исследованию которой он посвятил свои труды, исходя из понимания человеческой жизни как драмы в прямом и переносном значении.

Высота современной философии измеряется своей неотделимостью от человека и его мира, жизни, определившей своеобразие ушедшего столетия и открывшей новое начало, которое всегда имеет продолжение, а значит — направленность на будущее. Его не отделить от надежды. По Тишнеру, особое умение состоит в том, чтобы, помня о прошлом, не оглядываться назад и руководствоваться надеждой, не приравнивая ее к утопии. Надежда — одно из кардинальных понятий в философии Тишнера (наряду со встречей с другим и благом). Она становится несущей конструкцией его миропонимания и учения. «Когда я оглядываюсь на свою работу философа и священника, я ловлю себя на том, что в течение нескольких десятилетий работал главным образом над человеческой

надеждой. Над любовью других людей нет нужды работать: каждый пусть сам трудится над своей собственной любовью. По правде сказать, над верой тоже нет смысла работать, ибо это благодать Божия и кому-то дана, а кому-то, к сожалению, нет. Тогда как над человеческой надеждой — сызмальства, и школьником, и уже взрослым, в самых разнообразных ситуациях и на любых поворотах судьбы — я ощущал необходимость трудиться». Работа над человеческой надеждой — это *христианская педагогика*.

А потому невозможно создать Церковь, если нет надежды, ибо нет верности и способности жертвовать собой без доверия и сознания того, что мы живем не для себя. Надежда — категория многозначная, она помогает другому обрести свою личную надежду. На надежду человек ориентирован изначально, ибо он подобен дереву, которое не захочет приносить худые плоды (Лк 6:43). Судьба человека — в том, чтобы предоставить надежде возможность убедить его. Заблудившиеся, потерявшие правильную дорогу — это, как правило, те, кто ошибся в выборе надежды, не отыскал своей личной.

Надежда — доверенное лицо религии. На этой доверенности взрастают связи между людьми, создаются сообщества, в том числе и церковные. Церковь для Тишнера — всегда еще и некий творец философии: кому, как не ей, в первую очередь знать, в чем конкретная нужда и боль человека. С другой стороны, подлинный философ, который сумел проникнуть в *знамения* своего времени, — в какой-то мере всегда и исповедник. Таким, например, был для него Сократ.

Одним из первых в наше время Юзеф Тишнер предпринял грандиозную попытку осмыслить интеллектуальные процессы тех радикальных изменений, которые начались в Европе под влияниям II Мировой войны и Катастрофы и нашли отражение в отношении к человеку, в трактовке человека и в подходе к этой трактовке. И здесь у него была своя собственная точка зрения, как и традиция: он считал, что в Польше существует своя индивидуальная философия человека, имея в виду прежде всего труды Антония Кемпинского и Романа Ингардена, куда мы причислили бы и самого Тишнера, а венчает все направление, без сомнения, Кароль Войтыла с его исследованием «Личность и поступок». Заявка, безусловно, не для красного словца: разработанные на протяжении XX века материалы свидетельствуют о необходимости подходить к человеческой личности как к институту — самобытному, ярко индивидуальному и уникальному. Но не только это. Тишнеру важнее другое: человечность, которая только и может сопровождать ученого в поисках путей понимания человека. Культура человеческого в человеке. Такую позицию демонстрировал и он сам, не скрывая восхищения Марселем, Ингарденом (под его руководством он писал кандидатскую), Кемпинским и, конечно же, Левинасом, который наряду с Кьеркегором оказал на него, пожалуй, самое большое влияние. Трепет, с которым Тишнер подходит к анализу трудов Кемпинского и Левинаса, выдает в нем ученого, руководствовавшегося человеческими порывами, и человека, никогда и ни в чем не позволявшего себе не думать о других.

Иногда кажется, что Тишнера скорее поймет тот, кто хорошо знает Библию, а философией не интересуется, кто не столько начитан, сколько интеллектуально развит, причем по-своему, самостоятельно, воспринимая понятия в их чистом виде, не отягощенные наукой. Создается даже впечатление, что он *свои* вещи (то, о чем пишет) называет и *своими* именами. Во всяком случае очевидно, что он к этому стремился. При этом всегда делал ссылки на все заимствованные им факты, термины, обозначения. Но самое любопытное: если под все это кажущееся столь шатким здание — громадина растет на глазах и даже качается от неустойчивости — подвести «научную» базу, то есть вернуть этим заимствованным словам, понятиям и образованиям их первоначальный, исходный смысл, здание перестанет раскачиваться. Словно бы сам Тишнер лозунг Гуссерля «Назад к вещам!» уже осуществил и теперь, набравшись терпения, ждет, чтобы и мы это сделали. В этом великий секрет мудрости Тишнера: он всем, даже самому необразованному, предоставляет возможность индивидуально разбираться в том, что исследует, подробнейшим образом описывая дорогу. Наверное, так обретается истина. Сам стиль его диалогичен: перескоки, недоговоренности, внезапная смена темы и столь же внезапное возвращение к прерванному — всё это черты разговора с другим, которые особенно ощутимы, когда пишешь о Тишнере: невозможно задержаться на чем-то одном, хочется сразу говорить обо всем.

И еще одна загадка. Он никогда не делает узелков, но ткань его текста при этом не распускается.

*

Польский горец, Юзеф Тишнер родился, вырос и получил начальное образование в Старом-Сонче — небольшой местности, где все вроде бы создано на диво и для беззаботной, курортной жизни. Смотри и любуйся: горы и долины, пасторальные ландшафты, чистый воздух, волнующий туман по вечерам... Между тем детство его (в селе Лопушна) было непростым и нелегким. Война и оккупация определили пафос последующего служения, хоть и был он еще ребенком. «Малая родина» ощутима в глубокой привязанности к ней: он никогда с ней не расставался и уже больным предпочитал жить тут: в языке, насыщенном особой образностью; в стиле, мало

похожем на философский, где схоластическое брожение вдруг перебивается сочной метафорой, мудрым выводом, внезапным молчанием, неотделимым от красоты простых деревянных церквушек, где исповедуют не внутри, а рядом с ними, прямо под открытым небом, — так они малы. Он унаследовал от своего народа юмор, работоспособность, упорство (не без упрямства) и смелость. И ощущал себя, по собственному признанию, приобщенным сразу к трем традициям: гуральской, трансцендентального учения Эдмунда Гуссерля, и, конечно же, францисканской. Его называли «гураль в сутане», а хоронили в гуральском костюме по всем обычаям этого народа... В его проповедях слышна гуральская песня, ее ритмика, темперамент, стремление в высоту, на самые верхние регистры, за их черту...

Не сразу Юзеф Тишнер получил согласие родителей на то, чтобы стать священником, а родился он в семье учителей, где хорошо осознавали, насколько почетен, но и ответственен подобный выбор, и потому в 1949 г. он пошел сначала учиться на юридический факультет Ягеллонского университета. Отец определил испытательный срок, который Юзеф выдержал, и год спустя получил разрешение поступить в Краковскую духовную семинарию. Закончил он ее в 1955 г., в 1955-1957 гг. изучал философию одновременно на двух факультетах: христианской философии в Академии католического богословия (Варшава) и историко-философском в Ягеллонском университете, не переставая быть священником-практиком в должности викария. В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1974-м — докторскую. С 1980 г. — преподаватель Высшего театрального училища в Кракове, с 1981-го — соучредитель, а впоследствии президент Института наук о человеке в Вене, с 1985 г. — организатор, декан и экстраординарный профессор Папской богословской академии. В эти же годы о. Юзеф Тишнер прославился своими независимыми проповедями и лекциями, которые он читал перед стечением огромного числа собиравшихся в костелах и университете, на специальных богослужениях для детей (и, разумеется, для родителей), перед членами «Солидарности».

Не раз он подчеркивал: страдать — значит любить. И доказал это собственным примером. Его смерть, вроде бы ожидаемая — после долгой болезни, сопровождавшейся немалым числом операций и облучений, — потрясла не только поляков. «Плакать будут даже горы», — писали газеты.

С веселым, живым, всегда смеющимся лицом, что запечатлели фотографии, он учил людей раскрепощенности, которая дается глубоко и искренне верующему человеку, осознающему свое призвание еще и в том, чтобы сделать мысль, высказанную однажды, доступной большинству. Отсюда его стремление к афористичности (за которой стоят не только образование и дерзость ума, но и работа ума, способность усваивать и осваивать традиции, в частности ораторского искусства), лаконичность стиля и изысканная литературность. Тишнер всегда ссылался на свою принадлежность к европейской философской традиции, мыслящей метафорой (Платон, бл. Августин, Кант, Гуссерль, Хайдеггер, Кьеркегор).

«И вдруг, может, под самый конец жизни, блеснет сознание того, что "хорошо весьма" (Быт 1:31). Может, в действительности это-то и главное, может, на этом свете мы для того именно, чтобы в завершение пути повторить изумительные слова, которые Господь Бог произнес в день нашего творения: "Хорошо весьма"».

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ЮЗЕФА ТИШНЕРА

◆

Правда в том, что я живу.

◆

Душа — пространство, которое ловит голос Бога и отвечает Ему эхом.

◆

Обязательства возникают при встрече.

◆

Вопрос — разновидность просьбы.

◆

Темнота дремлет в человеке у самых истоков света.

◆

Ложь подвигает к правде, как темнота — к свету.

◆

Не ищешь рая, утраченного навсегда, но земли, обетованной от века.

◆

Трагизм стесненной свободы.

◆

Мудрец может умереть от избытка истины.

◆

Другой — тот, в ком добро явило себя в ответ на действие зла.

◆

Быть на земле значит прикасаться к ней смехом и плачем другого.

◆

Как далеко расходятся лучи красоты, так далеко простирается и ее тепло.

◆

Зло — это то, что дано, а не то, что определено. В конкретном межчеловеческом опыте зло — аксиома не столько нашего мышления, сколько нашего опыта.

◆

Человек — образ драмы. Человек соединяется с другим человеком посредством диалога, в котором ключевая роль отведена вопросам и ответам.

◆

Угрожающее зло подобно искушению.

◆

Человек — музыка, которая утрачивает смысл, если ее никто не слышит.

◆

Даже в райском саду росло дерево с запретным плодом.

◆

Поддаваясь искушению, человек показывает, кто он на самом деле.

◆

В своих действиях человек подвержен и тому, что есть, но и тому, чего нет.

◆

Добро ближе нашим надеждам, зло — нашему опыту.

◆

Ад — сила, исполнителями которой являются люди.

◆

Безумие — там, где опыт глубже и больше понимания человеческого духа.

◆

Бремя наследия дает себя чувствовать, когда от него надо отказаться.

◆

Тот не знает, что такое плоть, кто не испытал боли неудовлетворенного вожделения.

◆

Мир не только *исчисляется*, но и *играется*.

◆

Молодость велика величием танца, который позволяет принимать участие в тайне существования.

◆

Личность — это целое в его ответственности.

◆

Путь к жертве — путь сквозь тьму.

◆

Человек дает свидетельство, чтобы показать, как есть или как должно быть.

◆

Где нет *внутреннего* зла, там нет и нужды в благодати, особенно в исцеляющей благодати.

◆

Кто хоть раз впадал во зло, обрел легкость падения.

◆

Действительности надежды не постигает тот, кто видит в ней только испытание временем — будущим временем... Ожидать того иль иного можно даже утратив надежду. Человек, у которого есть надежда, не живет ожиданием того иль иного. Надежда залегает глубже, встраиваясь в абсолютное.

◆

Благо «струится» в душе, как крошечный ручеек из огромного озера... Если бы воды озера объяли душу, она потонула бы в пучине.

◆

Система — увенчание философии, но конец философствованиям.

◆

Пропасть соединяет, разделив. Горе тому, кто поверит, будто она соединяет. Он сгинет при первом же приближении. Но и тому горе, кто поверит, будто пропасть не соединяет.

◆

Капля воды не исчезнет в море: как ни мала, она отразит блеск всего солнца.

◆

Чувство долга категорично и индивидуально.

◆

Не человек избирает себе свой внутренний долг, а скорее определенный долг избирает себе человека.

◆

Объективность — субъективное представить объективно.

◆

Иногда кажется, что гораздо больше надо знать, чтобы лгать, нежели чтобы говорить правду.

◆

Чтобы возникла измена, надо сначала овладеть честностью.

Рышард Криницкий

Перевод
Натальи Горбаневской

Стихи из книги «КАМЕНЬ, ИНЕЙ»

Без четверти полночь

На твой голос в трубке
наложился другой, и его я даже
не пытаюсь понять. Зовет ли на помощь,
объясняется в любви
ответчику, сбывает акции, клянет
или рыдает. Из озоносферы? Со дна
Атлантики? Без четверти полночь

ничьего времени.

Иней

Серый иней шепота, окаменелость отчаянья. Кто
услышит утихающий псалом земли, немую перекличку
планет, прощания галактик. Черные солнца
закатываются друг в друга
в нечеловеческом

молчании.

Paulina Zielona

Что бы то ни было

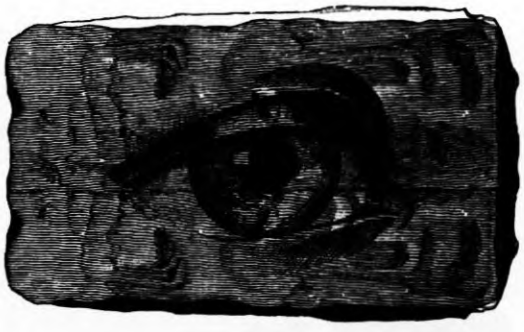
Не все я делаю из любви к тебе
Я люблю тебя

что бы то ни было делая.

Стрельчатый, тихий

Стрельчатый, тихий
раннеосенний свет
засиял за окном.

Тоскую по тебе.



Возьми меня

Возьми меня в свой сон.
Пусть в нем останусь.
Пускай в нем кружусь,
пока не растаю

под твоими веками.

Гинкго

Бытие отдельное, в себе раздвоенное,
посадил я дерево гинкго
(в честь Гёте,
это ясно).

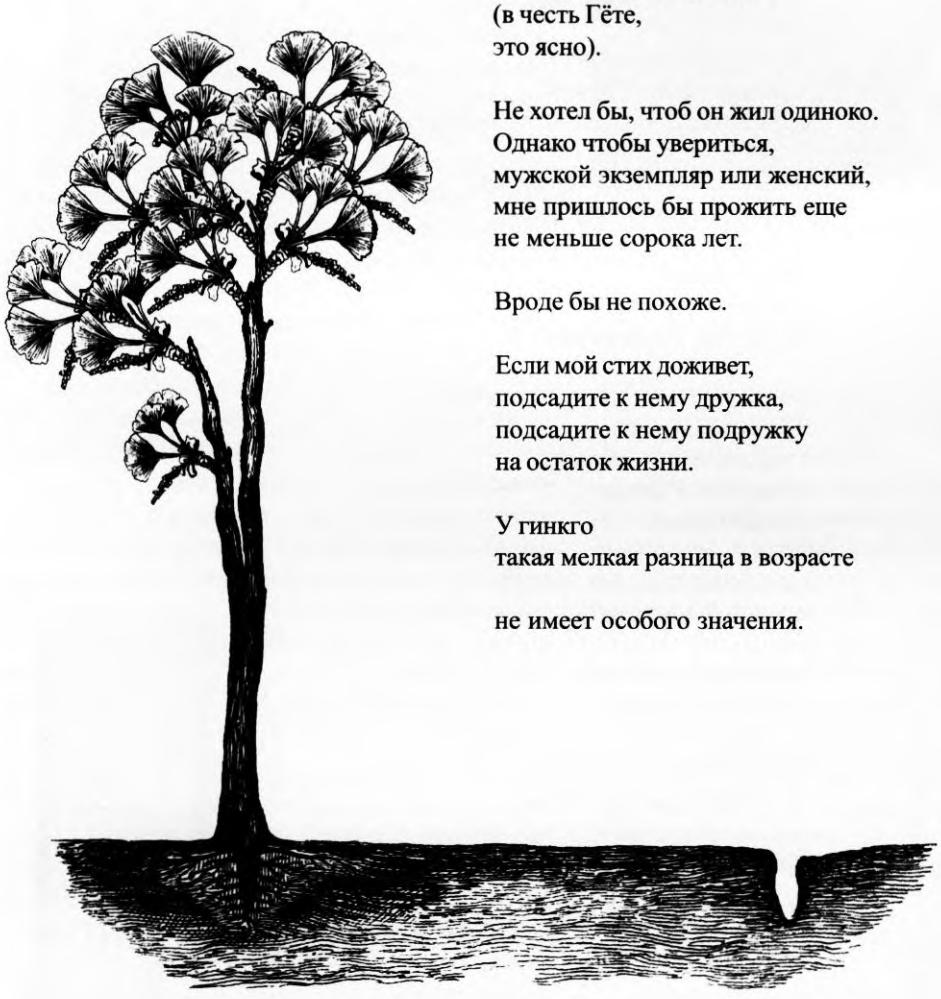
Не хотел бы, чтоб он жил одиноко.
Однако чтобы увериться,
мужской экземпляр или женский,
мне пришлось бы прожить еще
не меньше сорока лет.

Вроде бы не похоже.

Если мой стих доживет,
подсадите к нему дружка,
подсадите к нему подружку
на остаток жизни.

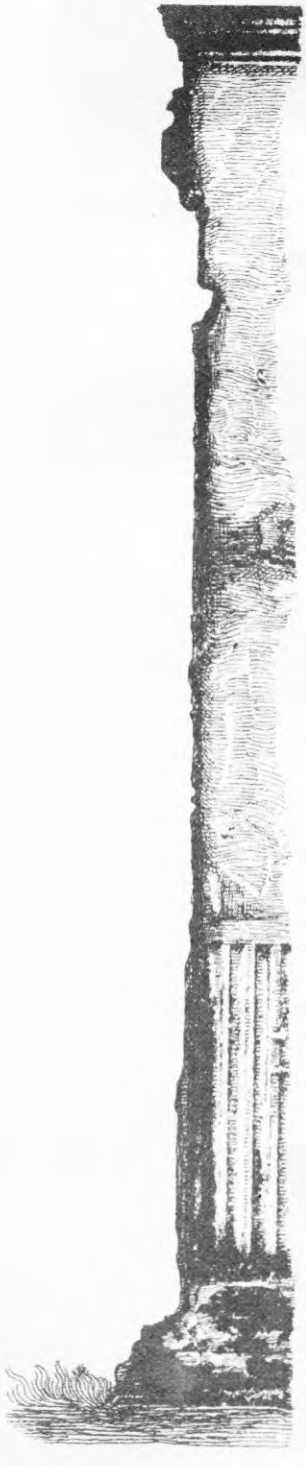
У гинкго
такая мелкая разница в возрасте

не имеет особого значения.



Могила Иосифа Бродского

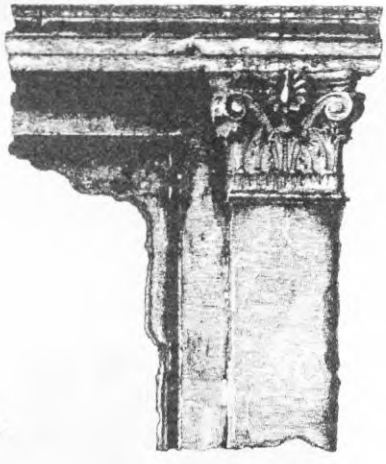
Где лижет ворота
жирное море



На участке евангеликов,
вблизи Эзры Паунда
и Ольги Радж.

Исчезают верные гости:
броская чайка,
пугливые ящерки.

У подножья,
под выгоревшей свечою,
кто-то оставил
(в пластиковом конверте,
защищающем от дождя)
компьютерную распечатку снимка:



больной, исхудалый Бродский
на фоне четырех тетрархов.

Весь в своем
интенсивном взгляде.
На могиле приношения:

перевернутый стакан с мелочью,
пустая четвертинка
с выцветшей этикеткой,
воткнутые в листву
свитки бумаги

(может, письма? или стихи?
просьбы? заклятия?).

Пластиковая кружка
полна авторучек

(их хватило бы на вторую,
куда более долгую жизнь).

Черные пластиковые очки

(снова пластмасса,
знамение времени).

На надгробье камушки
как на кургане,

шишка, листок.

(24 июня 2004)

Мартин Баран

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ЭЛЕГИИ

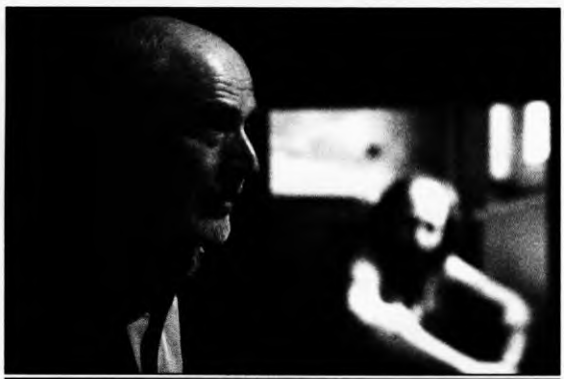
Чтение новых стихов Рышарда Криницкого позволяет увидеть мир человеческих поступков чуткими глазами существа воистину впечатлительного и осмысленно удивленного.

1.

С середины 1960-х Рышард Криницкий интенсивно — хотя, может быть, не всегда на первом плане — занимает свое место в польской литературе. Он дебютировал как представитель поколения «новой волны». Вместе со Станиславом Баранчаком, Юлианом Корнхаузером и Адамом Загаевским он создавал ту поэзию, которую в значительной степени характеризовало активное участие в попытках изменить общественно-политическую действительность ПНР. Но уже тогда стихи Криницкого отличались какой-то особой атмосферой метафизической тайны, которая даже текстам, связанным с конкретными обстоятельствами, придавала глубину.

Общественная активность, сквозившая в стихах, проявилась и в выборе общественно-политического пути Криницкого. С середины 70-х он деятельно участвовал в жизни создававшейся демократической оппозиции — как редактор и подписывая письма протеста. По этой причине на его имя был наложен цензурный запрет, и в 1975-1989 гг. Криницкий печатался исключительно в неподцензурных издательствах. Стихи и переводы — он переводит с немецкого, в частности, перевел стихи Бертольта Брехта, Пауля Целана, Райнера Кунце — он печатал изредка, но регулярно, от сборника к сборнику давая новые варианты прежних стихотворений. Так Криницкий выказывал свою уверенность в том, что стихотворение — живой организм, постоянно находящийся в эволюции, точно так же, как эволюционирует мир и сознание автора. При этом речь шла не о поправках каких-то неудачных или неверных фрагментов, а о том, чтобы довести стихотворение до возможно более сжатого, скромного и функционального вида.

Возня со старыми стихами влияла на новые, точнее на их скупое количество. Опубликовав в 1985 г. сборник «Стихи, голоса», Криницкий



Рышард Криницкий

вплоть до 2004-го не издавал новых сборников. За это время вышли только два избранных — «Не поддаваясь небытию» (1988) и «Магнитная точка» (1996). Встает принципиальный вопрос: почему Криницкий так часто молчит? Почему выход новой книги не подчинен у него двух-трехлетнему ритму, которому как будто подчиняются даже самые выдающиеся поэты?

Мне кажется, что основа отношения Криницкого к поэзии — евангелическое мышление. Мышление, в котором фундаментальные вопросы подвергаются столь же фундаментальным процессам обработки и контроля. Криницкий считает стих самым тонким и достойным доверия инструментом, благодаря которому можно смотреть на мир и с помощью которого можно говорить о мире. И таким образом, когда речь идет — в самом буквальном смысле слова — о жизни и смерти, число стихотворных строк перестает иметь значение. Значение имеет суть заключенного в них опыта, пережитого времени, переваренных мыслей.

2.

Поэзия Криницкого из книги «Камень, иней» разыгрывается в пространстве истин, еще более подвергаемых сомнению и отбрасываемых, и во времени запретов, еще более отбрасываемых и пренебрегаемых, чем это происходило в преж-

них его произведениях. И хотя не поэт был тем, кто эти истины и запреты предоставил самим себе (можно предполагать, что он скорее был готов стать их опекуном), все-таки во имя со-чувствия человеку (хотя необязательно человечеству) он берет на себя труд быть художником в этих неблагоприятных условиях и враждебных обстоятельствах. Обстоятельствах, которые приводят к тому, что мы живем в самом буквальном смысле слова десакрализованно:

Превыше всего ценится хозяйственность,
порядок и чистота:
превратили синагогу в городской бассейн,
на рыночных автостоянках
нет и следа от еврейского кладбища.

(1979)
(Город) *

Но sacrum, утопленное в сточной канаве, достоинство, втоптанное в уличную пыль, — не аргументы в пользу того, чтобы забросить внимательную жизнь-в-мире. Криницкий не презирает мир, не ищет легких оправданий тому, чтобы отвернуться от его постыдных конвульсий или дурацких триумфов. Скорее он решительным, хоть и тихим голосом задает поражающие своей обычностью, обезоруживающе комичные, потрясающие вопросы:

Что такое правда?
Где ее помещение?
Где ее правление?
Где ее надзорный совет?
Где ее юристы?
Где ее охранники?
Где ее отдел рекламы?
Где отдел маркетинга?
Какой у нее зрительский рейтинг?
Какая пробивная сила?
Какое покровительство в медиа?
Хорошо ли она продается?
Котируется ли уже на бирже?

Сколько стоят ее акции?

(Правда?)

Вопросы, которые восстанавливают пропорции, позволяют увидеть действительно разрушительный аспект мышления, полностью подчиненного рыночному складу ума.

Эта жажда ничем не облегчаемой жизни-как-можно-ближе-к-миру приводит к тому, что стихи Криницкого прекрасны и нелегки для понимания. Ибо хотя Криницкий, как мало кто из современных поэтов, в совершенстве владеет словом, восприятие его стихов затруднено их метафизическим герметизмом. Это, как правило, кристально-гномические миниатюры, возникающие из использования основополагающих слов — самых возвышенных и самых простых, написанные чуть ли не евангельски простым языком.

Слепое? Глухое? Немое?
Непонятное:

Есть.

И, как евангельские притчи — они могут дождаться самых разнообразных истолкований. Несомненно, верховный постулат у Криницкого — добро или, точнее, желание быть добрым, но этот постулат не заслоняет всех возможных сложностей, которые начинаются, когда дело доходит до исполнения этого желания.

3.

В последней книге поэта особенно останавливают внимание читателя «Три стихотворения только для себя» — три крохотки, конденсированные до пределов возможности слова и представляющие собой свидетельство необычайной интенсивности чувств к любимой женщине. Они составляют невероятный, светлый контрапункт к интенсивно меланхолическому целому.

Мартин Баран *(1963 г.р.) – поэт, литературный критик, журналист. Один из основателей журнала «бруЛион». Дебютировал в 1990 г. сборником стихов «Смятение». Автор девяти стихотворных сборников. Вместе с Мартином Сендецким и Мартином Светлицким составил антологию стихов памяти Чендлера. В 2004 г. в США вышла подготовленная им антология стихотворений молодых польских поэтов. Его стихи переведены на английский, французский, немецкий, русский, чешский, португальский, болгарский, словацкий и словенский языки. Живет в Кракове.*

* Здесь и далее стихи приводятся в пер. Н.Горбаневской.

Лев Гомолицкий

ВАРШАВА

Отрывок из поэмы

Дмитрию Владимировичу Философову

5.

Он хочет в камне видеть хлеб
Безсмертья знак — на смертном ложе.
А. Блок

Иду по уличному скату
над черной Вислой на восток —
беру тяжелую лопату —
ломаю каменный песок.
Стучусь-стучусь в Обетованный
толпе рабов — голодным дням...
А ночью от работы пьяный
брожу бездомный по камням.
И вот — над пропастью бесовской
домов, свергаемых к реке —
навстречу скачет Понятовский
с мечом в протянутой руке.
Рекламы пламя голубое
в чертах чугунных — дивен взор.
И за моей спиною двое —
две тени с ним вступают в спор.
Два деда: — Польши сын безродный,
Сибири свой отдавший прах,
и он — надменный и свободный,
на Воле спящий в орденах.
И первый: — скорбные упреки —
кровавый, бледный, страшный вид —
мечте свершившейся далекой
он правду грозную твердит.
Мятелей страсти и терновый
венец безумия его
пленили дух и страшно новой
ему свободы торжество.
Другой: — его имперский гений
чугунным видом восхищен...
А я... я — пушкинский Евгений,

Лев Гомолицкий

мир для меня — враждебный сон.
Готов я в бегство обратиться
от настигающих копыт,
и сердце жутко будет биться,
завидя цоколя гранит
непоправимо опустевшим,
в асфальте — конские следы
и под востоком посеревшим
верхом гиганта у воды.
Но нет — с меня возмездье снято.
Из безответственных плечей
растут воскрылья, как когда-то —
у первых ангелов-людей.
И он, раздавленный изгнанник
петровской тяжестью копыт, —
сам вознесен как Медный Всадник
на торжествующий гранит.
О, искупление безумьем
и повторенною судьбой —
ночным томительным раздумьем
я часто мысленно с тобой.
За все, что отнял я когда-то,
я добровольно отдаю
свой дом, свой мир. — Блаженно, свято
в безплотном, каменном раю!
Еще живой, пока над нами
гореть полдневному лучу, —
своим безумием, стихами
я поменяться не хочу.
Дороже мне мой день несытый,
мой кров бездомный — звездный свод
всех торжествующих гранитов,
всех исторических тягот...

Леон Гомолицкий **Перевод Ксении Старосельской**

ДИКИЕ МУЗЫ

Отрывок

— Чувствую, что необходимо с самого начала определить принцип. Раньше в этом не было бы нужды. «Простота», «умение ясно излагать свои мысли» прививались в школе и затем применялись в жизни. Сегодня же «последовательность» в значении нити Ариадны кажется ярмарочной олеографией. Проявлением невежества. Смысл в конечном счете не нарушается, однако соединительные звенья надлежит изъять, начиная и заканчивая на середине: не совсем начиная и не совсем заканчивая. Я сам уже не раз так поступал и до того наловчился, что только настоятельная внутренняя потребность заставляет меня возвращаться — прилагая постыдные усилия — к архаической ясности. Хотя бы иногда — дабы четко обозначить тему.

Если тема определяет стиль— — если стиль является функцией темы— — то мой метод сейчас— — мемуарный стиль при неверии в возможность мемуаристики (вообще).

Мемуары — от латинского memoria, что значит память, а на память нельзя полагаться. Когда мне, еще в детстве, впервые попали в руки чьи-то воспоминания, я прочитал их с отвращением и с тех пор не люблю этот жанр: самоуверенный тон, убежденность в том, что все, когда-либо касавшееся *меня*, мемуариста, достойно всеобщего внимания! В разговоре с матерью — ее голос: а если этот *кто-то*, например, Гете? Но и Гете-мемуарист показался мне спесивым эгоцентриком. Вот почему такой вид литературы для меня неприемлем в принципе.

Из других аргументов моей матери: документ. Мемуары — документ эпохи, среды, некой цепочки фактов. Но мы, как правило, не верим свидетельствам. Мой ответ: мемуары — это самозащита или сведение счетов с окружением человека, потерпевшего в жизни крах, и никогда — верность правде. Скорее документальное подтверждение фальши. Если б я когда-нибудь, в конце жизни, взялся за что-либо подобное (рассматривая мемуары как серьезный отчет), я бы в своих воспоминаниях отразил только те факты, которые касаются общих проблем. Исповедь хороша лишь в искаженном — ради литературного вымысла — виде. Две соседствующие формы: литературный суррогат мемуаров и мемуарный суррогат литературы.

Я знаю, что литература — общее понятие, что нет одинаковых литератур: все они, как реки, берут начало из разных родников. А родники эти бьют из сказочной скалы вымысла, который создает видимость действительности более реальной, чем самая реальная реальность. Итак, вымысел — не только материал, от мощи которого зависит жанр инспирированной (вымыслом) литературы, но и ее (литературы) оправдание. Вымысел, обуславливающий и оправдывающий литературу в своей правде обобщений — в своей обобщающей правде.

— — то, что я пишу, моя десятая проза. Вот, значит, откуда потребность задуматься над ее предысторией? происхождением? Тем более что я не знаю, позволят ли мне жизнь и смерть выйти за пределы десятка. В последние годы я писал много, и уже пошли разговоры о моей плодовитости — существует на этот счет некое предубеждение. Но в моем случае количество (пресловутое противопоставление качеству) — по крайней мере, до сих пор — не влекло за собой потери накала. Начал-то я писать поздно, наверстывая упущенные пятьдесят пять лет жизни. Мне было что черпать из этого колодца. И теперь я уже не черпаю, теперь я наклоняюсь и ищу источник. А то, чему сейчас предстоит развернуться на ваших глазах, — лишь ответ на мой (обращенный к самому себе) вопрос или всего только процесс поиска (собственного источника).

Линия матери — вовсе не потому, что в матери зарождается жизнь (физически). В парке, где я играл в детстве, была площадка, у которой сходились двенадцать аллей; в конце каждой стояла статуя: девять муз и три грации, посреди площадки — Аполлон. Это мать водила меня туда, к девяти прельстительницам (Норвид), и не только водила, но и подводила к каждой, называя имена (хотел написать: называя по именам, но передумал — необоснованные стилистические страхи!), показывала атрибуты искусств— — Потом, в жизни, воодушевляла собственным примером. Ей я благодарен за многое, хотя благодарности не проявлял. Отсюда горький вкус моей

памяти. Запоздалая благодарность и запоздалые угрызения. Уже бесполезные — время необратимо. Никакой это не памятник. Просто память, которая и есть тем колодцем, где ищешь какие-то объяснения, знаки, быть может, окончательные формулировки.

Об этом я не столько хочу, сколько должен теперь написать.

— — в медовых тонах, как на картинах Кустодиева периода «Мира искусства», когда он рисовал разноцветные шарики облаков над ярмарочным карнавалом зимних сумерек. Место и эпоха примерно те же, и даже не примерно, а в точности: мы в кругу почти ровесников. В городах тогда еще не было канализации, и к реквизитам ночи принадлежал фарфоровый ночной горшок. Отправляясь спать, дети (у моей матери было восемь братьев и сестер) разбирали свои помеченные горшочки, которые днем хранились в чулане под лестницей вместе с метелочками для смахивания пыли с мебели, половыми щетками, щетками для одежды и обуви, тряпками, керосиновыми лампами, старыми ковриками и прочей полезной домашней утварью. Лестница была внутренней и вела на второй этаж, к детским спальням.

И тут сцена первая, с которой начинается ключевой эпизод.

Девочки в длинных ночных сорочках (домашние туфельки видны только при подъеме по ступенькам), в ночных кофточках (батистовых, с кружевом, не застегнутых, только наброшенных на плечи), в чепчиках (надеваемых на ночь) — поднимаются по скрипучей лестнице; руки у них заняты: в одной зажженная свечка в подсвечнике, в другой — вышеупомянутый ночной горшок. Процессия начинает двигаться с привычной серьезностью, сосредоточенностью, и вдруг— — входная дверь! Распахнута в синие сугробы снега, покрытого сверкающей глазурью лунного света, и — в прихожую вваливается группа студентов: братья и один из их приятелей.

Девочки в панике, с криком, с топотом бегут наверх, а гость — полный молодой человек — снимает и старательно протирает платком запотевшее пенсне: что такое, что такое, ничего не вижу! В тумане темно-синего холода, в черноте тепла мечутся, отливая золотом, неверные огоньки, гаснут от сквозняка и — в полной темноте (во тьме египетской, как говорили) — откуда-то сверху сдавленные смешки и шепот. Пока кто-то из братьев, потерев о стену спичку (фосфорную), не освещает зеленоватым пламенем тесное пространство внизу— —

И это конец сценки, про которую мальчиком я услышал от матери. Затем следовала характеристика толстого юноши: он был такой забавный — со своими замедленными движениями, и не только тела, но и мысли; улыбка от уха до уха, ни дать ни взять маска из выдолбленной тыквы. Он путал «р» и «л»; в сцене с Чацким, например, неизбежно, с отчаянием, глотал слоги, спотыкался в одном и том же месте: «то Софья Паврна борна— — » И тогда из пустого (репетиция) зала Карлуша: боль-на, боль-на, осел, боль-на, повтори десять раз: боль-на! Фамусов, красный от натуги, от обиды, взмокший (мало было его природной полноты — ему еще приторочили к животу подушку), повторяет с усердием заики: боль-на, боль-на, боль-на— — Потеет, утирает платком лицо, щурится — пенсне у него отобрали, как никак генеральная репетиция! Карлуша хлопает в ладоши (кисти крупные, костистые) — сцену повторяют с начала, и все идет хорошо — до рокового места, когда Фамусов: «то Софья Паврна борна— — »

Сидящие в зале чуть не падают со стульев, вытирают слезы (от смеха). Карлуша, нескладный верзила, этакий Тиль Уленшпигель в коротковатых брюках и тесном пиджачке, одним прыжком преодолевает ряды стульев, вспрыгивает на сцену: боль-на, боль-на! смотри— — И внезапная метаморфоза: Уленшпигель преображается в толстого коротышку, голова втянута в плечи, лошадиное лицо округлилось, обросло складками тройного подбородка, глаза уже не навыкате, нет, это щелочки старого лицемера, и тон дипломата-игрока, смачно растягивающего гласные: «то Софья Павловна больна— — »

Год, кажется, 1895-й или 1896-й, место — Пенза. Любительский драмкружок ставит пьесу из непременного репертуара всей далеко (очень далеко) раскинувшейся вширь и вглубь России — комедию Грибоедова.

Я в детстве тоже был причастен: «Горе от ума» играли мои двоюродные братья и сестры — дети маминой сестры, тети Юли. Гостиную в их квартире перегораживали снятой с двери портьерой, обращенной в занавес: с одной стороны зал, с другой — сцена. На меня была возложена скромная, доступная отроку, каковым я был, обязанность: раздвигать и задергивать портьеру-занавес. Увы! — я дал маху.

Актеры перед самым представлением репетировали одну из сцен. Текста пьесы я тогда еще не знал и решил, что завершающая сцену реплика — последняя в этом акте, поэтому, когда, уже во время спектакля, она прозвучала, недолго думая задернул занавес. Я все испортил: прервал действие, вызвал всеобщее замешательство — и так напугался, что убежал, спрятался в темном коридоре за сундуком, где, обливаясь потом, глотая слезы, просидел, пока меня не отыскала мать. К тому времени спектакль уже закончился — я просидел в углу (как таракан в щели за обоями) больше часа.

Оттого, наверно, мне не нравилась эта пьеса — классическая и притом превосходная, не потерявшая актуальности и особенно мне близкая, поскольку в ней играла в молодости моя мать. Ей тогда было шестнадцать лет, она исполняла главную женскую роль — субретки Лизы, Карлуша ж— — Карлуша в ту пору уже учился в

московском музыкально-драматическом училище; как и моя мать, он был родом из Пензы, где у отца его была пивоварня. Я долго не мог связать имени (из рассказов матери) с фамилией, пока не узнал, что Мейерхольд сменил имя *Карл* на *Всеволод*, когда, отказавшись от веры предков, перешел из лютеранства в православие.

Моя мать отнюдь не мифологизировала: она стояла чересчур близко, а может, чересчур далеко и не отдавала себе отчета в подлинном масштабе явления. Для нее все сводилось к истории о том, как некий Карлуша, бегавший по Пензе в обтрепанных брюках, вырос в актера театра Станиславского— —

О самой пьесе: столь сокрушительную по тем временам сатиру запретили ставить, однако она была так популярна, что запрет не возымел действия. Стихи, острые и меткие, по форме приближенные к разговорному языку; действующие лица, далекие от схематичности, хотя являющие собой характерные маски; политическая сатира, достоверная в бытовом и психологическом плане; нечто среднее между драматургическим произведением и реалистической новеллой. Тут тебе и смех, и волнение, язвительность и Катонова риторика вперемешку с фарсом. Так я это вижу теперь, зная, в чем суть метода Мейерхольда, который превращал привычную повседневность в фарсовую комедию масок, жутковатый карнавал, выводя на сцену хоровод глупцов, спесивцев, бюрократов, пройдох. Ну и великолепная простота реплик и естественность действия, ничего общего с классической комедией, фабула совершенно из другого теста — бальзаковско-гоголевская. И кто же противостоит герою вольнодумцу (бунтарю в своем свободомыслии) Чацкому? — жалкий чинуша, подхалим Молчалин (от слова «молчать», молчун по расчету), и это он (а не героический Чацкий!) — избранник дочери Фамусова Софьи. Чацкий объявлен безумцем, всеми отринут, произносит свои крамольные монологи в пустоте — и убегает с бала, из дома Фамусова, восклицая: «Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок!»

Но главная героиня пьесы — не кукольная Софья, а (по канонам классической комедии) ее наперсница, субретка Лиза. Моя мать очень подходила для этой роли. На старой фотографии, которую я помню с детства, мама — изящная худенькая брюнетка с быстрым коварно-озорным взглядом. Пьеса начинается сценой, когда Лиза, покрывающая тайные шашни Софьи с Молчалиным, отводит назад стрелки часов. Ей не хватает роста, чтобы дотянуться до циферблата, — приходится залезть на стул; она полностью поглощена этим шельмовским занятием. И тут неожиданно в комнату входит отец Софьи, тучный Фамусов. Застав служанку врасплох, он, пользуясь случаем, заигрывает с ней, шутливо тянет за ушко: «Ой! зелье, баловница». Лиза, бойкая субретка, отбивается: «Пустите, ветреники сами— —»

1935

Лев (Леон) Гомолицкий *родился 27 августа 1903 в Санкт-Петербурге, в семье с русскими и польскими корнями. Во время I Мировой войны вместе с родителями поселился на Волыни, учился в русской гимназии в Остроге. В молодости сменил много профессий, был строительным рабочим, лесорубом, бухгалтером, печатником, членом передвижной театральной труппы. Как поэт дебютировал в 1918 г. и до 1939-го писал и печатал стихи по-русски (за эти годы выпустил десять сборников стихотворений). Свои тексты, в том числе и публикуемые по-польски, подписывал тогда «Лев Гомолицкий». Первым его текстом, написанным и напечатанным по-польски, была статья «Из современной русской поэзии», посвященная творчеству Пастернака и Цветаевой и напечатанная в 1935 г. в журнале «Камена».*

С 1931 г. жил в Варшаве, где познакомился с Дмитрием Философовым. Принимал участие во встречах русско-польского литературного клуба «Домик в Коломне» (см. Ежи Тимошевич. Варшавский «Домик в Коломне» // «Новая Польша», 2003, №7-8), где ему поручили быть секретарем. Там он прочел доклад о поэзии Лермонтова как источнике акмеизма. В то время он занимался также книжной иллюстрацией и совершенствовался в Высшей школе декоративного искусства.

Во время II Мировой войны работал в Варшаве стекольщиком. Из написанного тогда по-польски сохранился изданный только в 1957 г. цикл «Прахом пошедшее время», посвященный гибели евреев от гитлеровского геноцида.

С 1945 г. жил в Лодзи, был одним из организаторов Общества польско-советской дружбы, писал пропагандистские репортажи, но одновременно занялся исследованием жизни и творчества Мицкевича, особенно периода его пребывания в России; написанные им работы ценятся по сей день. Часть статей о Мицкевиче он издал в сборнике «Архивное приключение» (1976). Преподавал в Варшавском и Лодзинском университетах.

После 1956 г. начал писать прозу. Издал, в частности, сборники рассказов «Вечера на берегах Лудки» (1959), «Роза и Валькирия» (1982), романы «Похищение Бавкиды» (1960), «Экспедиция на Патмос» (1966), «Пространственная терапия» (1983) и две книги воспоминаний: «Дикие музы» (1968) и «Автобиограмма» (1989).

Исследователь творчества Леона Гомолицкого Ежи Жимовский писал, что в его прозе «автобиографические мотивы сплетаются с нравственно-психологическими и историософскими размышлениями, ведущими автора к катастрофическому истолкованию современной цивилизации и культуры. Чтобы это выразить, Гомолицкий часто обращается к традициям античности. Он также использует экспериментальные методы повествования, такие, как автотематический комментарий, перестановки времени, внутренний монолог».

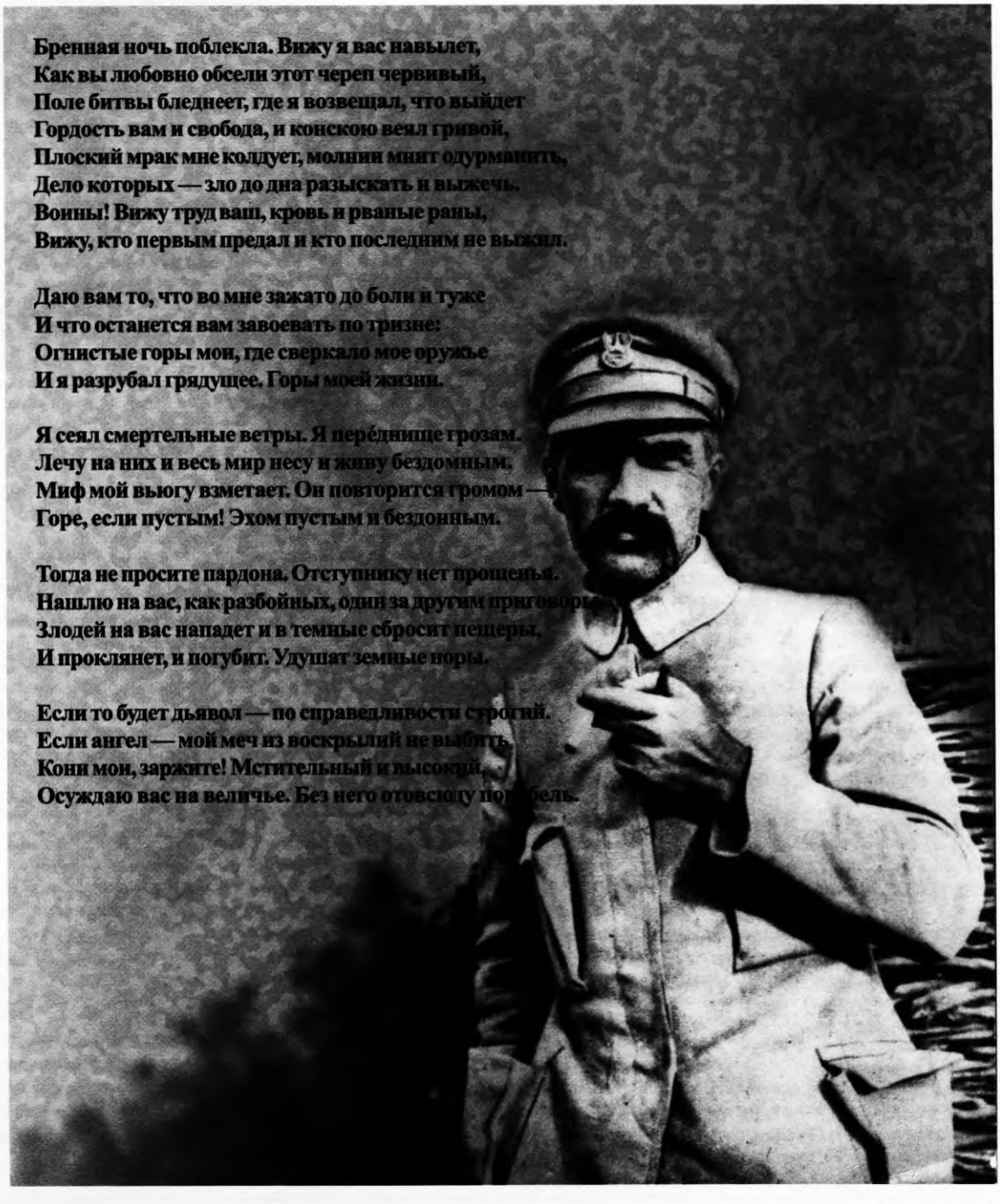
Леон Гомолицкий умер в Лодзи 22 декабря 1988.

П.М.

Казимеж Вежинский

Перевод Натальи Горбаневской

ПОСМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР



Бренная ночь поблекла. Вижу я вас навылет,
Как вы любовно обсели этот череп червивый,
Поле битвы бледнеет, где я возвещал, что выйдет
Гордость вам и свобода, и конскою веял гривой,
Плоский мрак мне колдует, молнии мнит одурманить,
Дело которых — зло до дна разыскать и выжечь.
Воины! Вижу труд ваш, кровь и рваные раны,
Вижу, кто первым предал и кто последним не выжил.

Даю вам то, что во мне зажато до боли и туже
И что останется вам завоевать по тризне:
Огнистые горы мои, где сверкало мое оружье
И я разрубал грядущее. Горы моей жизни.

Я сеял смертельные ветры. Я пере́днице грозам.
Лечу на них и весь мир несу и живу бездомным.
Миф мой вьюгу взметает. Он повторится громом —
Горе, если пустым! Эхом пустым и бездонным.

Тогда не просите пардона. Отступнику нет прощенья.
Нашлю на вас, как разбойных, один за другим приговоры.
Злодей на вас нападет и в темные сбросит пещеры,
И проклянет, и погубит. Удушат земные норы.

Если то будет дьявол — по справедливости строгий.
Если ангел — мой меч из воскрылий не выбить.
Кони мои, заржите! Мстительный и высокий,
Осуждаю вас на величье. Без него отовсюду по[illegible]бель.

Павел Хюлле

ОТ ГРАБАЛА ДО ЗОЩЕНКО

или Некоторые заметки о Богумиле Грабале на полях замечательной книги Александра Качоровского

Один только раз, и коротко, я видел Богумила Грабала собственными глазами. Это было в Праге, в пивной «У золотого тигра». Маэстро, осажденный толпой поклонников и фоторепортеров, что называется, блистал. Сильно навеселе, раздавая автографы, он почти непрерывно токовал, острил — словом, веселил собравшихся, которые, кстати, этого от писателя явно и ожидали. Но я, к сожалению, не получил тогда автографа писателя. В какой-то момент, словно разозлившись на всю эту суматоху, Грабал крикнул, чтоб его оставили в покое, потому что он не собирается больше тратить время на дураков и идиотов. В одиночестве допил пиво и вышел из пивной, что-то — явно разгневанно — бормоча себе под нос. Это было в 1995 году. Год спустя в той же пивной президент Чешской Республики Вацлав Гавел представил писателя Биллу Клинтону. Правду говоря, с ними писатель обошелся не лучше. В тексте «Партнерство ради мира, или В ожидании Годо» Грабал описал состарившуюся пражскую проститутку, которая «до блеска отмыла себе письку и сиськи, потому что ничего больше не может дать „Партнерству ради мира"». Этот текст, напечатанный в коммунистической газете «Право» вместе с фотографией писателя, сосущего обнаженную грудь престарелой дамы, вызвал, деликатно говоря, споры. Одни говорили тогда о расшатанном психическом равновесии Грабала. Другие — с жалостью кивая головами — напоминали об алкогольном досье писателя, которому пиво и напитки покрепче сопутствовали чуть ли не с детства. И все же, когда еще через два года после этой президентской встречи и вызвавшего скандал текста Грабал погиб, выпав из окна шестого этажа больницы на Буловке, — никто из его почитателей или даже недружелюбных критиков не сомневался, что этим трагическим полетом с нами навсегда простился один из крупнейших писателей XX века.

Dymitr Kismielow

С этого полета — а может быть, самоубийственного прыжка — начинает Александр Качоровский пролог своей «Игры в жизнь». И верно, биографический роман о Богумиле Грабале иначе и не должен начинаться, если еще в самых, так сказать, пренатальных прелиминариях своей жизни сам писатель обнаружил тень смерти. Вот его свидетельство, записанное Ярославом Кладиво: «Однажды в воскресенье Мария пришла домой и сказала родителям, что у нее будет ребенок и что этот ее абстификант жениться на ней не собирается. Импульсивный дед Томаш сорвал со стены ружье, выгнал Марию во двор и там

кричал: — На колени, застрелю!» К счастью для всех заинтересованных, в том числе и будущих читателей, положение спасла нерастерявшаяся бабка Катаржина Кильянова: «...налила фасолевого супа, вышла во двор и сказала: — Бросьте вы это, идите есть, а то остынет».

Этот анекдот, приведенный Качоровским в первой главе, названной «Вспоминаю себя сиротою», необычайно характерен для жизни и творчества Грабала по нескольким причинам. Во-первых, его рассказал и затем авторизовал сам писатель, который, как верно отмечает Качоровский, «так никогда и не написал полной автобиографии», а с другой стороны, «своим творчеством, в огромной степени автобиографическим, создал почти канонический вариант своей биографии». Во-вторых, уже в том способе, каким он рассказал обстоятельства, предшествовавшие его рождению, Грабал заключил «почти весь каталог мотивов и методов, свойственных его писательству».

Послушаем дальше рассказ Грабала: «Катаржина Кильянова присущим себе способом нашла выход из положения, представлявшегося опасным... Весной 1914 года у ее дочери Марии родился сын. Он получил имя Богумил... произошло это 28 марта в Брно-Жиденицах. По церковному календарю был день св. Иоанна Капистрана [выдумка Грабала. — *Пер.*]. В полночь на звездном небе началось правление Меркурия. Центральная метеорологическая станция в прогнозе для Чехии, Моравии и Силезии обещала неустойчивую погоду. (...) Германский император Вильгельм встретился в Мирамаре с эрцгерцогом Францем-Фердинандом, чтобы лично приглядеть за Габсбургами. (...) „Славия" в матч-реванше победила „Теплицер" со счетом 2:0... Вечерний выпуск газеты „Народни политика" печатает 28 марта сообщение, озаглавленное „Директор учительской семинарии затравлен воспитанниками"... Пражский журнал „Курир" писал о посещении художественной галереи в Лондоне незрячими скаутами».

Верно подчеркивает Качоровский, что в этом рассказе перед нами «анекдотическая семейная история, воистину швейковское упоминание об эрцгерцоге Фердинанде, неумышленная красота газетных заголовков, почти сюрреалистическое упоминание о незрячих скаутах и прогноз погоды, который читается как прогноз истории Центральной Европы на XX век». Прибавим, что умело и неоднократно используемый Грабалом мотив неудачника, от рождения наделенного неясным происхождением, мотив героя, который всегда должен стараться больше других, этот воистину чаплинский мотив, как раз и обнаруживает свой зачаток в сцене с беременной матерью и дедом писателя, держащим ружье, а также столь типично чешским призывом бабки: «Идите есть, а то остынет».

Если в зачатках жизни Богумила Грабала спас фасолевый суп, то на дальнейших ее этапах схожую роль играли в равной степени чувство юмора, выпивка, друзья, жена Элишка и писанье, которое сам Грабал определял как своего рода странный транс, тем не менее приносящий своеобразный терапевтический катарсис. Специфический коллаж семейных мотивов, чисто автобиографических, жестокие объятия истории и политики, наконец, страсть слушать и рассказывать об удивительнейшим образом сплетенных во всем этом человеческих судьбах — все это создавало материю его повествований. Мастерством же их Грабал обязан своему собственному, исключительно оригинальному стилю, коренящемуся столько же в чешском — точнее сказать, пражском — сюрреализме 1930-х, сколько и тоже в чешском, чтобы не сказать гашековском, пристрастии к бесконечным, многословным беседам за пивом. Когда Александр Качоровский пишет об этом, он сохраняет достойное внимания равновесие между элементами биографии писателя и его творчеством, которое со временем — начиная с шестидесятых — находило все больше почитателей в Чехословакии, Европе, и наконец, во всем мире. При этом «Игра в жизнь» — отнюдь не агиографическое житие, не какой-то там монумент. Качоровский не умалчивает о трудных моментах на жизненном пути своего героя. Одним из них, последним, был вышеупомянутый текст, высмеивающий чешско-американское «Партнерство ради мира», а по сути как бы подрывающий финал «бархатной революции». Другим, куда более спорным, стало интервью, которое Грабал дал в 1975 г. партийному журналу «Творба». Интервью, лишь отчасти препарированное редакцией, представляло собой оче-

видное, публичное проявление покаяния писателя перед властями, которые тогда согласились на публикацию некоторых его произведений. Из этого отнюдь не вытекает, что главная нить книги Качоровского — впутанность писателя в политику. Наоборот, «Игра в жизнь» ясно и доказательно показывает, каким образом великая литература преодолевает политику, создавая автономное пространство глубокого волнения, размышления, наконец, объемного охвата судьбы.

Это была судьба, присущая малым народам Центральной Европы, которые — сошлемся здесь на слова Милана Кундеры — обладали вписанным в свое коллективное сознание знанием, что они могут перестать существовать. Время от времени на их территорию вторгались иностранные армии, чтобы начать очередную «нормализацию». Последнюю такую операцию родина Богумила Грабала перенесла в 1968 г., когда на Вацлавскую площадь в Праге въехали советские и польские танки, а на здание Союза чешских писателей было нацелено «братское» орудие. Несомненный успех книг Богумила Грабала в Польше — а некоторые из них, как и в Чехии, издавались подпольно — многим обязан именно чувству такой общности исторической судьбы. Но не исключительно. Повествователь Грабал очаровывал польских читателей еще и необычайным умением описывать великие драмы через как будто малозначительные детали и взгляд «снизу», с улицы, со склада макулатуры или, наконец, из пражской пивной. В доминировавшем тогда идиостиле польской культуры, традиционно интеллигентском, это был взгляд новый, свежий, открывательский. Разумеется, «Игра в жизнь» не сосредотачивается на этом мотиве — я отмечаю его здесь попутно, чтобы читатели «Новой Польши» могли на минуточку обратить внимание на этот специфический, центральноевропейский контекст писательства Грабала и его восприятия.

В заключение книги Александр Качоровский написал: «Грабал заплатил за свой успех самую высокую цену. Четверть века он писал в стол, не имея никаких перспектив увидеть свои тексты в печати. Он работал простым рабочим, хотя полученное образование позволяло ему „пристроиться" чиновником, юристом или хотя бы редактором в каком-нибудь издательстве. В преклонном возрасте, попеременно подвергаясь запугиваниям и соблазнам от авторитарных властей, он несколько раз струсил и облизнулся на банку с вареньем, однако не нанес ни малейшего ущерба никому кроме самого себя. Он написал несколько чудесных книг, без которых всемирная литература была бы беднее; наш мир был бы беднее без него. И, значит, он заслужил ту каплю славы, которая выпала ему в удел. Потому что если не он, то кто?»

Приводя эту заключительную фразу из книги Качоровского о Грабале, я невольно подумал о Михаиле Зощенко и том предложении, которым он закончил «Голубую книгу»: «Привет, друзья». Вот именно так.

Кшиштоф Бурнетко

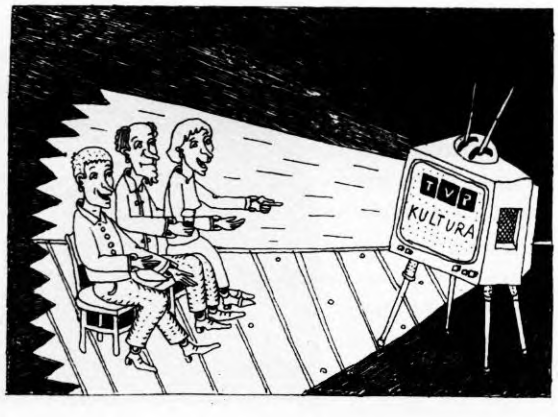
КУЛЬТУРНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Эксперимент столь же интересный, сколь и рискованный: польское государственное телевидение создало специальный канал, посвященный исключительно культуре, причем культуре высшей пробы. Авторы программной концепции заверяют: «Царем и Богом у нас будут качество и разговоры о ценностях, а не зрительские рейтинги».

Подготовительные работы продолжались больше года. Наконец в конце апреля канал «ТВП Культура» вышел в эфир. Сначала его могли смотреть только обладатели спутниковых антенн, пользующиеся т.н. цифровыми платформами, но с течением времени он становится доступным и для абонентов все новых кабельных сетей.

Программа нового канала прозрачна: каждый день недели посвящен какой-нибудь одной области культуры. В понедельник эфир отдан литературе, во вторник — театру, в среду — попеременно науке, истории и изобразительному искусству, в четверг — музыке, в пятницу — кино. Однако программа на данный день определяется не только той или иной областью культуры — каждый раз у нее есть и некий широко понимаемый лейтмотив. Например, первый понедельник был посвящен Богумилу Грабалу. В этот день помимо документальных фильмов о великом чешском писателе и снятого по мотивам прозы Грабала фильма Иржи Менцеля «Воспоминания», были показаны также репортажи о проходивших в 70-80-е годы, в горах, на границе между ПНР и ЧССР встречах деятелей польской и чехословацкой оппозиции. Польские телезрители могли посмотреть также документальный фильм о чешском андеграундном рок-ансамбле «Plastic People of the Universe» и запись одного из его концертов (именно после ареста членов «Plastic People» Вацлав Гавел и его друзья основали «Хартию-77» — главное оппозиционное движение в ЧССР).

В свою очередь темой одной из «исторических» сред стала цензура. Было продемонстрировано несколько документальных фильмов, представляющих механизмы контроля над СМИ в коммунистической Польше. В программу были включены, в частности, воспоминания режиссеров об их контактах с цензорами (об этом рассказывали Анджей Вайда, Кшиштоф Кеслёвский, Филип Байон и Марцель Лозинский), а также передача о пээнэровском цензоре, который в 1979 г. бежал на Запад с копией списка запретов на книги, авторов и темы. Этот материал стал доказательством масштаба пропагандистских манипуляций и извращения действительности в коммунистическом государстве. Была показана также художественная трагикомедия Войцеха Марчевского «Побег из кинотеатра "Свобода"» — история бунта героев фильма, демонстрируемого в кинотеатре под названием «Свобода» (sic!), которые с каждым сеансом все решительнее сопротивляются навязанному им сценарию и отупляющим ролям, а их протест оказывает влияние на зрителей и... на местного цензора.



В лучшее эфирное время, т.е. в 20.15, в студии начинается 40-минутная дискуссия на «тему дня» (в день Грабала речь шла о влиянии чешской культуры на польскую — в качестве одного из экспертов выступил известный писатель Павел Хюлле, который сам признаётся в использовании стилистики чешского мастера).

В ином ключе построена субботняя и воскресная программа. В субботу главная тема — «корни культуры», тоже широко понятые, ибо они должны охватывать явления, происходящие как в метрополиях, так и в провинции и на «малых родинах». В воскресенье в роли главного героя выступает какой-нибудь знаменитый гость. Программа должна быть построена вокруг его творчества, интересов и художественных пристрастий. Первым деятелем культуры, выступившим в этой роли, стал режиссер Казимеж Куц, который своими любимыми творениями назвал мультипликационные фильмы Стефана Шабенбека, песню Чеслава Немена «Странный этот мир» и III симфонию Миколая Гурецкого, а своей культурной родиной — Силезию. Традициям и современности этого региона были посвящены комментированные Куцем документальные фильмы (в частности, «Неотправленные письма» — о дочерях тех шахтеров, которые забастовали, узнав о введении военного положения в декабре 1981 г., и были убиты во время подавления протеста, а также горький фильм «Как до войны» — о силезских сборщиках металлолома).

Помимо главного блока программ ежедневно передаются два цикла — «Кино коротких фильмов» и «Пятнадцать лет спустя», — которые только иногда бывают напрямую связаны с темой дня. Например, в очередной «литературный» понедельник, посвященный Достоевскому, в рамках этих циклов был показан мультипликационный фильм «Преступление и наказание» Петра Думалы и документальный фильм о советских солдатах, квартировавших в Польше уже после перелома 1989 года (один из элементов цикла «Пятнадцать лет спустя» — беседа с режиссером, сосредоточенная на вопросе, как бы он представил свою тему сегодня).

Еще один постоянный пункт программы — культурные новости (важно, что сюжеты касаются различных областей культуры, не ограничиваются культурными центрами, но рассказывают и о событиях в небольших местностях; кроме того, много места занимают новости из-за рубежа), а также «Альтернативная зона» — передача, выходящая в эфир поздним вечером и посвященная альтернативной и авангардной культуре. Здесь царит чрезвычайная свобода: то молодые поэты и прозаики читают в камеру свои сочинения, то транслируется часовой перформанс, высмеивающий миф о том, что на телеэкране все должно непрестанно меняться, а в передаче все время должно «что-то делаться» — иначе зритель заскучает и сменит канал. Но и тут попадаются более традиционные формы, хотя в них описываются явления, известные только узкому кругу фанов: например, документальные фильмы о польском видео-арте и берлинском театре PAMM, записи концертов ведущей (и, как говорят критики, самой толковой) польской группы хип-хопа «Калибр 44» или джазового саксофониста Фарао Сандерса.

Создатели программы объясняют, что «Альтернативная зона» на канале «Культура» должна способствовать тому, чтобы «адресаты классически понимаемой культуры могли попробовать что-нибудь альтернативное, о существовании чего они могли даже не догадываться, а "альтернативники" — проверить, нет ли для них чего-нибудь интересного в главном течении».

Основная программа канала «ТВП Культура» выходит в эфир с 17.00 до часа ночи (в уик-энды до 2 часов). В более ранние часы (с 13.00 в будние дни и с 9-ти в выходные) передаются повторы избранных передач.

Единственные собственные программы канала, кроме «дискуссии дня» — это новости и передача «Сцена». Большего «ТВП Культура» не мо-

жет себе позволить: ее коллектив состоит только из 27 человек, а бюджет на этот год составляет менее 9 млн. долларов — для телевизионных нужд это очень немного, особенно учитывая, что на канале принципиально не должна появляться реклама (неизвестно, оправдан ли этот принцип и не стоит ли его изменить).

В такой ситуации сотрудники канала пользуются главным образом архивами ТВП. Пока что этого источника хватает на половину всего антенного времени — впрочем, это не может быть упреком, ибо архивы эти чрезвычайно богаты. Весьма вероятно, что в поисках материалов для нужд нового канала его сотрудникам удастся открыть какие-нибудь забытые ленты. Кроме того, «ТВП Культура» обменивается материалами с французско-немецким телевидением «Арте» и российским каналом «Культура», а также — изредка — покупает программы за границей. Своего рода прецедентом может стать осуществленная совместно с «Арте» запись симфонического концерта, на котором исполнялись «Stabat Mater» и «Литания Деве Марии» Кароля Шимановского, — предприятие не только премьерное и дешевое для польской стороны, но и такое, которому обеспечена реклама на Западе.

Первые оценки нового канала отличаются умеренным энтузиазмом относительно его нынешней формы и оптимизмом в прогнозах. Например, рецензент уважаемого в культурных кругах «Тыгодника повшехного» констатирует: «Фейерверков не было. Канал сделал ставку на классиков: Достоевского, Шимановского, Ружевича, Кантора, Грабала; приглашенные специалисты размышляли, что́ означает сегодня их творчество. Обращение к традиции дало возможность показать множество ценных с популяризаторской точки зрения архивных материалов, но программа производила впечатление статичной». Кроме того, некоторые решения кажутся слишком очевидными — доказательством тому может послужить иллюстрирование блока о влиянии на Польшу балканской культуры документальным фильмом о польских гастролях ансамбля Эмира Кустурицы и фрагментами концерта Горана Бреговича. Наконец, по мнению критиков, новый канал слишком осторожно затрагивает спорные темы, касающиеся современной польской культуры. К примеру, когда в Сейме и в СМИ шла ожесточенная дискуссия о модели финансирования кинематографии, «ТВП Культура» не заикнулась об этом ни единым словом.

Впрочем, новому каналу нужно дать время на разгон — скорее всего, программа обретет свой окончательный вид лишь к осени (кстати, выход в эфир в апреле был продиктован концессионными соображениями). Поэтому главный вопрос звучит следующим образом: не станет ли для общественного телевидения создание специального канала, посвященного культуре высшей пробы, чем-то вроде алиби, позволяющего ограничить эту проблематику на главных каналах? Правда, директор ТВП уверял, что об этом не может быть и речи, но последние решения руководства телевидения выглядят угрожающе. Незадолго до первого выхода в эфир канала «Культура» из программы основных каналов исчезли две знаковых культурно-публицистических передачи: славящийся многолетними традициями «Пегас» и дискуссионный тележурнал об издательских новинках «Хорошие книги». Остальные культурные передачи ТВП показывает в малопривлекательное даже для интеллигентов и творческих людей время — около полуночи. Что характерно, идею «Хороших книг» вскоре перенял канал «Культура», вводя в свою программу передачу «Лучшие книги», которую ведут некоторые прежние ведущие передачи-прообраза. Теперь формула стала даже более привлекательной, так как на передачу приглашаются не только литературные критики, но и авторы обсуждаемых книг.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В том, чего достиг Адам Михник как в жизни, так и своими статьями и книгами, не усомнишься, хотя вокруг него идут многочисленные споры. Этот историк и публицист, родившийся в 1946 г., с самой ранней юности втянулся в оппозиционную деятельность. Еще в начале 1960-х, будучи школьником, он учредил «Клуб искателей противоречий», вскоре распущенный властями. С юных лет сотрудничал он и с оппозиционными кругами, а вскоре — будучи учеником Кароля Модзелевского и Яцека Куроня, авторов знаменитого «Открытого письма партии», за которое они получили тюремные сроки, — стал одним из вождей студенческого бунта в марте 1968 года. Его статья, определявшая военное положение как «нападение бандитов» на сумасшедший дом и написанная в «ярузельской» камере, была шедевром. Из посвященных Михнику стихов можно было бы составить небольшую, но внушительную антологию. Блестящий ум автора книги «Из истории чести в Польше», впечатляющая эрудиция и в то же время способность налаживать контакты с людьми превратили его в одну из легендарных фигур польской оппозиции, но и — после 1989 г. — в одного из ведущих «футболистов» польской политики. Будучи главным редактором «Газеты выборчей» (с этого поста он ушел года полтора назад по состоянию здоровья), он оказывал реальное влияние на формирование политической сцены, оставаясь чем-то вроде «серого кардинала». Его контакты с бывшими партийными вождями, особенно его склонность прощать им их прошлое, привели к тому, что круг его сторонников систематически уменьшался.

Уход Михника в тень порождает множество догадок. Поэтому не удивляет публикация многостраничного анализа, сделанного им в журнале **«Ньюсуик-Польша»** (2005, №17). Статья Михала Карновского и Петра Зарембы «Конец мира главного редактора», для «Ньюсуика» исключительно длинная, полна домыслов:

«Где Адам Михник? Одни называют это новое время в жизни Михника изгнанием. Другие — окончательным поражением его политического проекта. (...)

— Для меня Михник раскалывается на две фигуры. Выдающаяся личность до 1989-го, мужественная и бескомпромиссная. И человек, наносивший Польше серьезный ущерб во времена Третьей Речи Посполитой, — говорит Ярослав Качинский, который работал вместе с Михником в Комитете защиты рабочих.

Даже если не все формулируют свои суждения так резко, все-таки для большинства тех, кто в прошлом был в „Солидарности" — включая ближайших знакомых Михника, — то, что он называет генерала Чеслава Кищака [министра внутренних дел, одного из организаторов военного положения] «человеком чести» и навязчиво рекламирует Лешека Миллера [до недавнего времени лидера экс-коммунистов], создает немалые неприятности.

Но главный редактор столкнулся кое с чем, что куда горше критического суждения того или иного круга знакомых. Его тексты перестали быть точкой отсчета, зачином дискуссии, директивой другим журналистам и польской интеллигенции. (...) Его время уходит. Идея исторического соглашения с экс-коммунистами перестала быть актуальной, ибо их лагерь рушится — причем из-за Михника [имеется в виду «афера Рывина», в которую замешаны многие лидеры экс-коммунистов — СДЛС — и с которой начался их обвал. — *Пер.*]. Уходят и времена, когда вели [кабинетную] политику на манер французов. Дискуссия — и это обладает своими недостатками, но и крупными достоинствами — перестает быть храмом для посвященных. Михник, прежний жрец и авторитет, становится анахронизмом.

Мы не знаем, ушел ли он уже на покой или только уединился для молитвы и размышлений. (...) Но похоже, что Михник все больше погружается в мир, из которого пришел, в который влюбился чудесно одаренным подростком, — мир столкновения идей, воспоминаний, великой истории и ее героев. Да только теперь он сам один из этих героев, и, как бы ему ни случалось заблуждаться, этого никто у него не отберет».

Между тем Михник нашелся. Недавно опубликованы его статьи, показывающие, что он берется за постановку диагноза современной Польше. Из опубликованного вырисовывается замысел книги, ведущей мыслью которой будет построение аналогии между событиями Французской революции и Реставрации, с одной стороны, и Польшей от перелома, вызванного движением «Солидарности», — с другой. Первая статья, «Эти ультра нравственной революции», опубликована в **«Газете выборчей»** от 16-17 апреля нынешнего года. Она прямо отвечает на недавно появившиеся призывы к «нравственному обновлению», провозглашаемые братьями Лехом и Ярославом Качинскими из «Права и справедливости» и Яном Рокитой из «Гражданской платформы». Михник пишет:

«Мы нуждаемся в нравственной революции! Действительно ли мы в ней нуждаемся? Конечно! — отвечал на такой призыв ультрареволюционер-якобинец. Конечно! — отвечал ультрареакционер, сторонник контрреволюции. Радикалы, сторонники крайних решений, ультра всех цветов радуги нуждаются в революционных потрясениях, ибо только такие потрясения, переворачивающие мир вверх тормашками, позволяют им осуществить мечту о Великом Очищении. (...)

Повторяется ли история? Карл Маркс где-то написал, переиначивая Гегеля, что каждое историческое событие повторяется дважды — первоначальная трагедия становится фарсом. Маркс ошибался — они повторяются куда чаще. Мир по-прежнему полон инквизиторов и еретиков, обманщиков и обманываемых, террористов и терроризируемых. По-прежнему кто-то погибает при Фермопилах, кто-то выпивает чашу с цикутой, кто-то переходит Рубикон, кто-то составляет проскрипционные списки. И ничто не указывает, что это перестанет повторяться. Мы любим твердить, что история — учительница жизни. Если это верно, то мы очень плохо слушаем ее уроки. Поэтому я сегодня задумываюсь обо всех этих ультра революции и ультра контрреволюции, которые мечтали о великом очищении и нравственной революции не для того, чтобы язык того террора уже не повторился, но в уверенности, что он неизбежно будет повторяться и повторяться».

Михник заключает:

«В одном якобинец и ультра всегда найдут согласие: лес рубят — щепки летят. Так вот: я — щепка. И прежде чем нравственные революционеры отнесутся ко мне как к щепке — во имя Добродетели и Свободы, во имя Божьего порядка и истины, данной в Откровении, — позвольте сказать: без меня, дамы и господа! Я уже это проходил.

Разные бывали революции. Английскую революцию 1688-1689 гг. назвали „славной революцией". (...) „Истинную славу британской революции, — писал Джордж Маколей Тревельян, — составляет то, что она была бескровной, что не вызвала гражданской войны, что не было никакой резни и проскрипций, а главное — что было достигнуто общее согласие насчет религиозных и политических различий".

Это согласие прошло испытание временем, принесло упрочение свободы в общественной жизни и практический компромисс в мире религиозных страстей. „Люди 1689 г. не были героями, — писал Маколей Тревельян, — Даже не так много среди них было по-настоящему порядочных. Но это были люди весьма сообразительные и в этот критический момент, наученные горьким опытом, они поступали так, как даже самые сообразительные не всегда поступают, то есть с разумом и умеренностью". Опасность заставила находившихся в конфликте вигов и тори заключить компромисс, называемый Революционным договором. Договор сопровождался Актом терпимости, в котором одни видели право жить по своей совести, а другие — „неизбежный компромисс, заключенный с ошибочными взглядами". (...) нам, недовольным из секты вечно неудовлетворенных и перепуганных, мечтается о чем-то похожем. Мы не хотим новых нравственных революций,

примерки ежовых рукавиц, проскрипционных списков врагов, подозреваемых во враждебности, кандидатов в подозреваемых. Нам, недовольным, мечтается именно о такой помеси компромисса и здравого смысла. Мы, недовольные, не хотим новых революций в стране, которая еще не пришла в себя после нескольких предыдущих».

Текст Михника можно сопоставить со статьей Барбары Скарги «Против ненависти» («Газета выборча», 19-20 марта). Автор, видный философ (1919 г.р.), во время войны сражалась в рядах Армии Крайовой, в 1945-1955 гг. была узницей советских лагерей. Внимательно наблюдая атмосферу, господствующую в политической жизни, она пишет:

«Мне трудно молчать, трудно не выразить протест. Нельзя жить в атмосфере, господствующей в последнее время в нашей стране. (...) Все выше поднимается волна ненависти, разрушая нашу общественную жизнь. (...) Врага всегда можно найти, а толпу подзудить легко. В результате ненависть как грязь способна замазать всякую общественную деятельность — липкая и разрушительная, она готова развалить даже самое лучшее. Увы. Мы можем в этом убедиться, ибо сегодня она снова показывает свое остервенелое обличье. И никто на ее действия не реагирует, никто не осуждает — наоборот, есть такие, у кого полон рот нравственной революции, а ненависти они поддаются с охотой, словно соскучились по виселицам. Так, может, пора сказать „хватит"? Может, пришло время протеста порядочных людей, всех, кого при виде этих полных ненависти действий охватывает ужас? Почему мы позволяем подобные методы, почему позволяем разрушать ткань общества? Мои слова, наверное, некоторых возмутят. Ну и хорошо — может, они хоть на минуточку задумаются над тем, что делают. У меня рвется на уста только один горький вопрос: неужели ради политического удовлетворения таких ничтожных людей страдало и боролось за свободу мое поколение?»

Однако эти слова никого не возмутили. Более того — никого не затронули, прошли безо всякого отголоска. В атмосфере нарастающих предвыборных эмоций иначе быть и не могло: предвкушение их можно было ощутить во время парламентских дебатов 5 мая, которые предшествовали несостоявшемуся голосованию о роспуске Сейма, — это был воистину орвелловский «час ненависти», только не односторонней, а взаимной.

Но протест Барбары Скарги показывает одно: «мы», использованное в статье Михника, — это не какое-то pluralis majestaticus: оказывается, этих «недовольных из секты вечно неудовлетворенных» не так уж мало. Это не значит, что аргументация Михника всех убеждает. Полемизируя с ним, Стефан Несёловский, бывший политзаключенный и посол от правых, в статье «Кровь революции, умеренность Реставрации» («Газета выборча» от 30 апреля — 1 мая) подчеркивает, что автор «Этих ультра нравственной революции» упрощает историю, пытаясь свести к общему знаменателю крайние позиции глашатаев революции и их противников. Он пишет:

«Автор приравнивает (...) радикализм родом из эпохи Просвещения, отвергающий христианскую нравственность как источник права и общественного порядка, который восторжествовал во времена якобинцев, к попыткам восстановить этот порядок на основе нравственных принципов в правление французской Реставрации».

Отвергая эти упрощения и подробно анализируя «умеренность Реставрации» как «период лечения ран», Несёловский заканчивает свою полемику отсылкой к нынешнему положению в Польше:

«Правда, что идеологам и фанатикам сопутствует разнообразное жулье, жаждущее личных выгод. Робеспьер наверняка не воровал (...) и верил в возможность честного правления, которое осчастливит всех с помощью террора. Но он не был в состоянии справиться с гигантскими злоупотреблениями, сопровождавшими террор, со взятками, использованием насилия в собственных интересах. Что касается нацизма и коммунизма, тут трудно сказать, что жулье сопутствовало идеологам, — они сами были сплошное жулье.

Я ненавижу любые революции и диктатуры (...). Все они, в общем, ведут к одному и тому же: смерти, террору, лжи, унижению, нищете и лицемерию. Из двух зол лучше, если вместо революции мы будем иметь дело с еще одним предвыборным лозунгом, пустым обещанием великого „перелома". Такие лозунги время от времени появляются в демократических странах. Если избиратели к ним прислушиваются, то, как правило, демократия оказывается под угрозой. Я, однако, убежден, что демократия в Польше найдет достаточно сил, чтобы защититься от очередной „революции" и ее боевиков».

Это «однако» заслуживает особого внимания, тем более что таких якобы «пустых лозунгов» прибывает и неизбежно начинается соревнование в радикализме.

Открытым остается вопрос, был ли польский «круглый стол» 1989 года аналогией британскому Революционному договору. Вероятно, можно находить тут какие-то сходства. Но на дворе у нас не XVII век, а вдобавок нет ясного подразделения на две партии. «Партия» «Солидарности» подверглась распаду на множество осколков, в игру вступили и те, кто раньше жил притаившись или сотрудничал с коммунистами (хотя бы те националисты, которых возглавляет Роман Гертых). Коммунисты, преображавшиеся во всё новые группировки, в последнее время перестали представлять собой значимую общественно-политическую силу, что, впрочем, явление положительное: в конце концов, они стояли за тоталитаризм (хотя и alla polacca, но и в таком виде это было малоприятно). Революция «Солидарности» сама себя пожирает, и, быть может, прав был Густав Герлинг-Грудзинский, предостерегавший, как бы бескровная революция не превратилась в революцию без крови в жилах. И не без основания в следующей статье («Будешь ли ты достаточным подонком?»), опубликованной уже после статьи Несёловского, Михник спрашивает:

«А сегодня мы спрашиваем, что с нами случилось? Почему мы заменили хартию прав человека на кредитную карточку, почему не так охотно перечитываем „Лорда Джима" Джозефа Конрада или „Чуму" Альбера Камю — книги наших мечтаний, ныне превратившихся в мечту о чековой книжке? Почему папский евангельский призыв „Зло добром побеждай!" не преобразил полных ненависти организаторов той или иной травли и поклонников истин из гэбешных архивов? Мы сегодня не любим наш мир. Мы себя плохо чувствуем в нашем мире. Почему? Разве когда-то, когда мы скандировали „Нет свободы без «Солидарности»!", тот мир был прекрасен, а потом оподлился? Или, может, скорее, как писал Адам Загаевский, „мир двойной, поделенный, одновременно прекрасный и тривиальный, тяжкий и летучий, героический и трусливый"? Сегодня он кажется нам тривиальным, тяжким и трусливым. Почти каждый из нас переживает разочарование».

Да, это начало следующей важной статьи. И, может быть, — в чем я сомневаюсь, но, и сомневаясь, продолжаю надеяться, — эти статьи Михника станут зачином новой дискуссии о нашем самосознании, как это уже было, когда в ответ на книгу Адама Михника «Церковь, левые, диалог» [в русском переводе: «Польский диалог: Церковь — левые», Лондон, «Оверсиз», 1979] о. Юзеф Тишнер написал большую полемическую статью «Польская форма диалога». Существует ли еще какая-то форма польского диалога, или же, подозреваю, мы живем в пространстве множества монологов, которых никто уже не слушает и слушать не собирается?

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• «Газета выборча» присудила главе дипломатии Евросоюза Хавьеру Солане звание «Человека года» за то, что он «протянул руку Украине и внес вклад в созидание новой Европы». Прибыв в Варшаву, чтобы получить премию, Солана стал свидетелем жарких споров на организованном «Выборчей» дискуссионном форуме «Россия и ее западные соседи». «Если мы в Польше (...) будем ставить моральный и исторический знак равенства между солдатами Красной Армии, погибшими на польской земле, и нацистами, то мы сами себе навредим», — сказал в заключение дискуссии главный редактор газеты Адам Михник. В свою очередь главный редактор московского журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов поставил своей стране такой диагноз: «У нас есть два выхода. Либо мы решимся на болезненный процесс и признаем, что наша империя пала, кончилась, признаемся в ее ошибках, либо будем все глубже погружаться в ностальгию по прошлому и любой ценой защищать наш образ истории. Надеюсь, что мы выберем первый путь, а не второй, от которого можно ждать только несчастий».

• В Варшавском университете состоялось торжественное обновление докторской степени Лешека Колаковского, всемирно известного польского философа и эссеиста, ныне живущего в Оксфорде. В похвальном слове проф. Марек Семек, былой ученик профессора, говорил о его работах, а также вспоминал: «Сердца студентов он завоевывал знаниями, мудростью и чувством юмора. Когда в 1968 г. он был вынужден покинуть страну, мы защищали его. Это повлекло за собой репрессии, но работы профессора продолжали читать». Со своей стороны проф. Барбара Скарга из Института философии ПАН сказала: «На философский факультет пришло новое поколение, у которого нет чувства вины за то, что случилось в 1968 году. Прежде всего именно молодые хотят, чтобы Колаковскому были оказаны почести. Они сожалеют, что все эти годы среди них не было выдающихся авторитетов. Польская философия много потеряла из-за отсутствия лекций и семинаров профессора».

• «Збигнев Менцель наконец-то написал озорную, умную, трогательную, смешную, ироничную и самоироничную вещь», — так оценивает книгу «Все языки мира» Кшиштоф Маслонь. Между тем Лешек Колаковский пишет о книге Менцеля так: «Я считаю, что это замечательное произведение, но не могу объяснить, что мне доставило в нем такое удовольствие (...) Я даже не уверен, роман ли это в обыкновенном смысле этого слова. Описываемые события происходят в течение одного дня, но с многочисленными отступлениями в прошлое (...) Несмотря на свой скромный объем книга Менцеля — это по сути дела эпос, но эпос особого рода: свободный от героических подвигов, зато перемешанный с гротеском». И снова Кшиштоф Маслонь: «То, как автору удалось передать атмосферу 60-х годов, просто невероятно: все выглядит так, как было на самом деле — а ведь в нашей коллективной памяти это время уже не существует...»

• Вышел в свет последний том собрания сочинений Станислава Лема, в который входят первые газетные статьи писателя, опубликованные в 40-х годах. К нему прилагается подарок — мультимедийное издание «Вселенная Лема», представляющее миры известнейшего польского автора научно-фантастической литературы и выдающегося мыслителя. В Кракове, родном городе писателя, прошел Лемологический конгресс, сопровождавшийся выставкой и Днями открытых дверей в астрономической обсерватории Ягеллонского университета.

• Краковский Конгресс переводчиков польской литературы — это крупное мероприятие, популяризирующее польскую литературу в мире. «Польша не может себе позволить дорогих презентаций и многодневных литературных фестивалей — говорит директор Института книги Анджей Новаковский, — поэтому мы действуем другими путями». Конгресс — один из таких путей. Чаще всего польскую литературу переводят на немецкий и русский, а среди писателей тон задают Станислав Лем, Чеслав Милош, Рышард Капустинский (рекордсмен по количеству языков — его

книги изданы на 25 языках мира), Витольд Гомбрович, Вислава Шимборская, Славомир Мрожек и Иоанна Хмелевская, чьи книги переведены, правда, только на два языка, но зато в рекордном количестве — 107. Премия «Трансатлантик» за лучший перевод присуждена Генрику Береске, переводчику польской литературы на немецкий.

• В списках бестселлеров всё по-прежнему — с «бабскими» романами Катажины Грохоли («Личность и мы») и Моники Шваи («Степенность и сумасбродство»), а также детективом Иоанны Хмелевской («Меня убить») соседствуют только стихи Иоанна Павла II. Иоанн Павел II остается также главным и почти единственным героем документальной литературы — только две книги из восьми посвящены чему-то другому.

• «Одна из прелестей мира искусства — это его разнообразие, которое нельзя уничтожить, иначе воцарится повсеместная скука», — написал в своих «Записных книжках» замечательный историк театра Збигнев Рашевский, умерший в 1992 году. Недавно два тома его записок вышли в издательстве «Пульс». «Сегодня, в эпоху СМСов и e-mail'ов это несколько старомодная форма, но насколько же она элегантна и занимательна», — пишет Януш Р. Ковальчик.

• В Варшаве на 67-м году жизни умер Ежи Гжегожевский, один из самых выдающихся режиссеров польского театра. «Для традиционалистов он был слишком авангардным, для авангардистов — слишком традиционным, — написал о нем Роман Павловский и указал идею, вытекающую из спектаклей Гжегожевского: — В Польше высокая культура умирает, искусство кончилось, истинному артисту нет места. Всё заливает волна варварства, невежественности и поверхностности».

• Альтернативный театр «Лазня» («Баня») переехал из краковского района Казимеж в Новую Гуту, бывшую главную стройку социализма, на которой нынешние социологи и политики давно поставили крест. Театр сменил название на «Новую лазню» и начал издавать ежемесячный журнал «Ледоламач» («Ледокол»), на страницах которого лидер театра Бартек Шидловский написал: «"Ледоламач" — это машина артиста, направляющаяся в сторону повседневности. Такой машиной стали и два первых спектакля "Новой лазни"». Критик же добавляет: «Шидловский последовательно осуществляет идею вписывания искусства в общественный контекст города».

• Постоянно работающий во Франции в театре «Комеди франсез» польский актер и режиссер Анджей Северин удостоился высшей французской награды — ордена Почетного Легиона.

• 40-летие своей творческой деятельности отметил Януш Гайос. В связи с юбилеем он сыграл роль в спектакле Ника Дира «Власть», действие которого происходит во Франции времен Людовика XIV. Еще студентом киношколы Гайос сыграл знаменитую роль Янека Коса в сериале «Четыре танкиста и собака». «Профессора предсказывали, что он уже никогда не сыграет ничего серьезного, так как появление молодого актера на улице вызывало сенсацию», — пишет Роман Павловский. Сегодня это один из лучших драматических актеров польского театра и кино. К счастью, профессора ошиблись, а Гайосу удалась очень трудная вещь: он убежал от образа, который сформировал его. Это никогда не удалось другому польскому кумиру сериалов — Станиславу Микульскому, сыгравшему капитана Клосса.

• Тем временем телепродюсеры продолжают интересоваться возможностью снова показать на голубых экранах приключения капитана Клосса и его немецкого противника Германа Брюнера — некогда самых ярких персонажей польской массовой культуры. Уже готовы несколько вариантов выхода на экран новых серий, а продюсеры готовы пойти на риск. В том варианте, который, скорее всего, станет окончательным, действие происходит в наши дни, а нескольких постаревших, но все еще бодрых героев должны, как и раньше, играть Станислав Микульский и Эмиль Каревич — правда, на этот раз без мундиров.

• В Варшаве вручены «Викторы-2004» — премии самым интересным телевизионным личностям минувшего года. «Викторов» получили, в частности, польский комиссар Евросоюза Данута Хюбнер (в категории «самый популярный политик») и Камиль Дурчок (лучший журналист, комментатор и публицист). Лучшим эстрадным артистом был признан пианист Лешек Можджер, диктором — Юстина Поханке с ТВН, а телевизионным актером — Ежи Радзивилович. Споры и протест Юрека Овсяка вызвало присуждение специальной премии «за создание первого частного телевидения» создателю и владельцу «Польсата» Зигмунту Соложу-Жаку.

• «Игры с образом, философские трактаты, призрачные объекты» — так анонсируется во Вроцлаве одна из важнейших европейских выставок медиаискусства в рамках XI Международного биеннале медиаискусства «WRO-05».

• По сообщению Польского агентства печати, «овацией стоя завершился в Папском Латеранском университете просмотр для прессы фильма Джакомо Баттиато "Кароль — человек, ставший Папой" с Петром Адамчиком в главной роли, повествующий о жизни Кароля Войтылы, т.е. Папы Иоанна Павла II».

• Ждут премьеры несколько интересных польских фильмов. Прежде всего это картина Кшиштофа Занусси «Персона нон грата» о польско-российской дипломатической интриге в Уругвае со Збигневом Запасевичем и Никитой Михалковым в главных ролях. Кроме того, Феликс Фальк («Затейник») завершил работу над «Судебным исполнителем» с Анджеем Хырой в главной роли, а Роберт Глинский экранизировал «Крик жерлянки» Гюнтера Грасса.

• В рейтинге самых популярных фильмов, демонстрировавшихся на польских экранах, лидируют польские картины. Первое место заняла комедия Сильвестра Хенцинского «Все свои». Далее идут экранизации прозы Сенкевича: «Крестоносцы» Александра Форда и «Потоп» Ежи Хоффмана. Первый заграничный фильм — это знаменитая сага времен американской гражданской войны «Унесенные ветром» с Вивьен Ли и Кларком Гейблом.

• Почетным покровителем X Европейского кинофестиваля, на котором было продемонстрировано около 40 новых европейских фильмов, стал актер и режиссер Ежи Штур. В одном из интервью, взятых у него по этому случаю, Штур сказал: «Я поддержу любую, даже дьявольскую инициативу по популяризации европейских фильмов (...) Именно в Европе зародилась традиция эксперимента с формой, которую я очень ценю».

• Работы более чем 200 художников, предложения частных галерей искусства и некоммерческих галерей были представлены на крупнейшем в Польше смотре современного искусства, каким стала ярмарка «Art. Познань-2005». Ярмарка сопровождалась тематическими выставками: «Горизонты событий», «Коллекция Академии художеств-3», «Любовь и демократия». «Что остается после такой большой выставки? Каталог с нагромождением информации, фильм, фотографии, разговоры, может быть, банальные сплетни, а может, то, что важнее всего, — встреча с искусством, погружение на мгновение в то, что так много значит для двухсот с лишним художников, которые хотели рассказать вам о вещах, важных для мира, для общества, для них самих. Быть может, они хотели прокричать, прошептать, высмеять, прокомментировать то, что глубоко скрыто — вокруг нас или в нас», — написала Изабелла Густовская, художественный директор ярмарки.

• В этом году Польша отмечает 90-летие со дня рождения и 15-летие со дня смерти Тадеуша Кантора — создателя одного из самых интересных экспериментальных театров «Крико», а затем «Крико-2». По этому случаю варшавская галерея искусств «Захента» подготовила большую выставку, посвященную краковскому художнику и режиссеру. «Выставка представляет собой обзор всего творчества Кантора, — пишет Дорота Ярецкая. — Но это не ретроспектива. Это некоторые работы, выловленные из целого моря созданных им предметов, — с упором на хэппенинг, рисунок и странные предметы на грани скульптуры, инсталляции и театрального реквизита. За весьма замысловатым названием "Интерьер воображения" (...) кроется феноменальное зрелище (...) Выставка показала Кантора актуального, Кантора современного, Кантора на сегодня. Какой это Кантор? Близкий сегодняшнему мышлению об искусстве. Ибо нынешнее искусство — это не скульптура, картина, фильм или спектакль. Это действие, что-то вроде постоянного диалога со зрителем, провокация. Авторы выставки взглянули на Кантора сквозь призму самого современного искусства».

В БРЮХЕ МЕДНОГО БЫКА

Беседа с Яцеком Бохенским

— Ваш отец Тадеуш Бохенский был писателем, поэтом и филологом-классиком. Это он привил вам любовь к античной культуре?

— Несомненно, в значительной мере это произошло благодаря ему.

— Правда ли, что в юности вы зачитывались Тацитом?

— Зачитываться Тацитом в юности невозможно, если под юностью понимать мальчишеский возраст, когда испытываешь прямое влияние отца. Тацит — очень сложный писатель с любой точки зрения: и с точки зрения языка, и с точки зрения смысла. В то время я читал куда более легких авторов, прежде всего Овидия, любовь к которому сохранил на всю жизнь, а также литературу по обязательному списку для школьников того времени, когда еще учили латыни: Юлия Цезаря, Корнелия Непота, Вергилия, а став чуть постарше, перешел уже к более трудному автору — Цицерону.

— Сегодня в обязательном порядке учат английский язык. Но у этого языка роль скорее функциональная. Нужно ли обучать молодежь латыни и греческому, как это было встарь?

— Конечно, нужно, но с другой стороны, я понимаю, что, пожалуй, в наше время это уже невозможно. Я написал об этом статью в прошлом году. Если говорить в общем плане, следует смириться с тем, что знание этих языков останется прерогативой специалистов. Были попытки сделать из латыни европейский язык международного общения, например в дипломатии, ибо Европа несколько косо смотрит на английский. Ей бы хотелось иметь какой-нибудь собственный, континентальный язык. Но ввиду современного состояния системы образования это скорее всего невозможно.

— Однако именно в этой статье вы писали, что изучение латыни и греческого вырабатывает в молодом человеке способность испытывать уважение.

— Это вопрос более глубокого проникновения не столько в сам язык, сколько в античную культуру. Если мы осознаём, что кроме современного существует и иной горизонт, то меняется и вообще наш взгляд на мир, и наши философские и эстетические позиции. Мы начинаем ощущать, что способны к гораздо более скромному поведению, без той нашей чванливости, которая основана лишь на более высоких технологиях и высококачественном потреблении. Следует также добавить, что культуру древнего мира от современной весьма существенно отличает иное отношение к традициям, к тому, что передали нам предки и старые мастера. Сегодня мы относимся к прошлому снисходительно, ибо верим в абсолютную ценность модернизации и прогресса. Жители древнего мира лучшим считали то, что было достигнуто прежде. Образцы совершенства, добродетели и талантов в области искусства уже были даны предшественниками, они существовали прежде, и следовало лишь к ним вернуться, попытаться достичь их уровня. Таким мышлением, пожалуй, более всего и отличается древний мир от нашего.

— Профессор Ежи Аксер, один из основателей Международной гуманитарной школы Центрально-Восточной Европы, призывает вернуться к античной культуре, ибо она дает нам общий код, помогающий преодолеть стереотипы. В свою очередь, Кароль Модзелевский в своей новейшей книге «Варварская Европа» доказывает, сколь многое в нашей культуре сохранилось с варварских времен.

— Это правда. Варвар в понимании Модзелевского, как и в понимании древних римлян, означает жителя Европы, который происходил не из Италии и не пользовался латинским языком, но, создавая новые организации, институты и новые законы в христианской Европе, уже не мог обходиться без латыни. Ведь это был мертвый язык в то время, и использовали его духовные лица, ученые, артисты, юристы, дипломаты, администра-

торы. Книга Модзелевского кроме того, что доставила мне удовольствие от общения со средневековой латынью, позволила также узнать, как много из обычаев, общих для европейских народов, сохранилось до наших дней — в тех же демократических институтах, или, скажем, в нашем отношении к этим институтам, в котором действительно что-то есть от этого самого «варварского» атавизма. Например, поляки прекрасно чувствуют себя при так называемой военной демократии, означающей в историографии или антропологии раннего средневековья институт, в котором способные воевать мужчины собираются и совместным голосованием принимают решение за все сообщество. Это напоминает наше плебейское отношение к справедливости. Наверняка мы чувствовали бы себя прекрасно в ситуации, когда бы нам было можно, аплодируя или потрясая оружием, принимать или отклонять судебные приговоры. Я думаю, что эти обычаи, претерпев различные модификации, сохранились в привычках шляхты и дожили до наших времен. Они присутствуют в польских общественных инстинктах.

— В 1961 году вы опубликовали «Божественного Юлия» — беллетристическое эссе, в котором описали культ личности и деградацию подавляемого террором общества. Тем самым вы хотели померяться силами с окружавшей вас действительностью?

— Нет, это преувеличение! Ни один автор не ставит перед собой такой задачи: напишу-ка я книгу и померяюсь силами с действительностью моего времени. Прежде всего автор никогда до конца не знает, что он напишет. Движется на ощупь. А генезис «Божественного Юлия» почти анекдотичен. Я ушел тогда — это был 1958 год — из редакции еженедельника «Пшеглёнд культуральный». Я ушел потому, что не хотел быть одним из редакторов, то есть тем, кто отвечает за политический характер издания, — хотел отвечать только за себя. Главный редактор Густав Готтесман сказал мне: «Хорошо, можешь уходить из редакции, но оставайся нашим автором и пиши для нас все, что хочешь». Дома, лежа на диване, я протянул руку к полке с книгами, чтобы почитать что-нибудь приятное для отдыха. Попалась книга «Commentarii de bello Gallico» («Записки о галльской войне») Юлия Цезаря. Я начал читать, а читая — переживать значительно глубже, чем в тот первый раз, когда в мальчишеском возрасте я читал эту книгу в отцовском доме. Я подумал, что в польской прессе никто не пишет об античности, что нет, скажем, такого очеркиста, который занимался бы подобной тематикой. И я написал небольшой текст о «Записках о галльской войне» Юлия Цезаря. Я отнес его в редакцию, там понравилось, и мне велели писать дальше. Сначала я даже не знал, что сосредоточусь на личности Цезаря. Я думал, что буду переходить от одной книги к другой, от одного лица к другому, поэтому назвал всё вместе «Записками букиниста». Но несколько опубликованных отрывков прочитала Ирена Шиманская из издательства «Чительник». Она была выдающимся издателем, таким, который помогает писателю: выдавит из писателя книгу, проследит, чтобы он ее написал и чтобы при этом почувствовал себя счастливым. Именно она уговорила меня сделать из «Записок букиниста» книгу о Цезаре. Но что я буду меряться силами с современным миром, миром диктатуры — такой задачи я себе тогда не ставил. Однако, работая над книгой, мне приходилось, естественно, обращаться к жизненному опыту, а ведь я жил при диктатуре.

— Читатели однозначно восприняли эту книгу как политическую аллюзию.

— Этому способствовали наши коммунистические власти, «Божественный Юлий» стал объектом политической сенсации. Книга понравилась редакторам другого литературного еженедельника того времени — «Новой культуры», и они решили ее отметить премией. Премии, присуждаемые литературными изданиями, были пережитком, оставшимся от октябрьской «оттепели» 56-го года: не партийные власти, а редакции журналов могли по собственному усмотрению присуждать премии книгам. Но о таких решениях следовало информировать власти. Когда в отделе культуры ЦК ПОРП узнали, что премия будет присуждена книге «Божественный Юлий», было сказано: «Нет». Редакции пришлось подчиниться, но в редакции придумали некий фокус. О премии, правда, не было объявлено, но на первой полосе с большим размахом, явно демонстративно, была помещена восторженная рецензия. Это вызвало ярость партийных властей и закончилось фатально. Главного редактора Стефана Жолкевича выгнали из «Новой культуры». И понизили в должности автора рецензии Алицию Лисецкую. А спустя какое-то время об этом рассказала радиостанция «Сво-

бодная Европа», которая тоже присудила книге символическую премию, как раз на Новый год, во время беседы, которую вели эмигранты, выдающиеся писатели и критики Тимон Терлецкий, Мария Данелевич, Густав Герлинг-Грудзинский и Тадеуш Новаковский. Все это послужило тому, что читатели действительно стали гоняться за «Божественным Юлием».

— В следующей книге, «Поэт Назон», вы описываете конфликт между Публием Овидием Назоном и императором Августом, то есть между художником и властью. Вы выдвинули такой тезис: «...не Цезарь, но сама поэзия обвиняет поэта...» Это довольно провокационный тезис.

— Этот тезис порожден размышлениями над загадкой изгнания Овидия и над тем, что он об этом написал. Ведь все, что мы знаем, мы узнали от самого поэта. Нет никаких иных источников, которые объясняли бы причину изгнания. Но речь, разумеется, идет о проблеме нравственной ответственности писателя. О проблеме, которую мне окончательно не разрешить: как далеко зашла безнравственность искусства, и насколько интересы искусства преобладают над возможными нравственными сомнениями художника, и до какой степени нравственное самосознание все же является органической частью самого творчества. Как мне представляется, невозможно создать великое произведение — а мы говорим в данный момент о великих произведениях, — если отсутствует нравственная составляющая самосознания. Мы вообще не до конца понимаем, что такое нравственность, но я не буду углубляться в философию этики. Легче всего согласиться с тем, что существует нечто такое, как нравственная интуиция. Художественное творчество — благородное дело, оно обладает совестью, составляющей и один из эстетических критериев. С другой стороны — и на эту тему у меня также есть рассуждение в книге «Поэт Назон», — существует иерархия, согласно которой самое главное — чтобы то, что я пишу, произвело наибольшее впечатление на того, кто меня будет читать. И этого я добиваюсь без всяких угрызений совести. Разумеется, здесь возникает противоречие. Мне не под силу это противоречие разрешить, и я представил его в книге.

Что касается Овидия, то речь шла о влиянии его творчества на падение нравов. Тем более что взгляды и планы императора Августа в этой сфере были, мягко говоря, невероятно амбициозными. Он стремился навязать римским гражданам не только нормы семейной, но даже половой жизни, оформляя это законодательно. Я бы сказал, что этот вопрос не потерял злободневности и в наше время. Может быть, уже не светские власти, но церковные институты, духовные лица, а также фанатичные приверженцы различных религий на основе религиозной идеологии узурпируют право решать, что нравственно, а что не только без нравственно, но и подлежит цензуре и наказанию. Это касается и нравов, и художественного творчества. Обвинения предъявляются те же, что и прежде. Меньше, быть может, в отношении литературы — сегодня это больше касается изобразительного искусства. Один за другим возникают различные скандалы. С другой стороны, эти возражения, например, в Польше, не всегда безоговорочно лишены смысла. Меня лично безнравственность произведения искусства — если я ее ощущаю — всегда задевает. Сложность в том, что, как правило, речь идет о произведениях скверных, которые проще не замечать, чем относиться к ним серьезно.

На протяжении почти всей своей жизни я боролся за свободу творчества, за свободу слова. Поэтому с величайшим трудом я мог бы сформулировать свои претензии к произведениям искусства, но иногда мне кажется, что в некоторых из них есть нечто постыдное, отталкивающее. И возникает вопрос: что с этим делать? Как относиться к несомненно возрастающей, становящейся все более опасной нравственной безответственности в культуре нашего времени? Запрещать? — естественно, нет. Но равнодушно проходить мимо — тоже нельзя. Так что же? Честно говоря, у меня нет четкого ответа, приблизительно так, как у Овидия.

— В 70-е годы вы стали открытым оппозиционером. Вы были одним из основателей и редактором журнала «Запис» — первого литературного периодического издания, выходившего вне цензуры. В одном из эссе, написанном позже, вы назвали свою деятельность «самоубийственным шагом». Почему?

— Что касается творчества, то, вообще говоря, не следует его дополнять комментариями автора. Достаточно того, что он сказал в книге. Я чувствую себя в связи с этим весьма неловко, ибо мне предстоит сделать какое-то дополнение. И оно

будет ненужным и гораздо худшим. Короче говоря, этот процесс — исторический, в общественной сфере, в культуре, — который происходил в период между свержением тоталитарного строя, то есть реального социализма, как его называли, и тем порядком вещей, при котором мы живем теперь, этот процесс меня, несомненно, несколько разочаровал, хотя я уже чувствую, что слово «разочарование» сюда не подходит. Лучше было бы сказать «боль». Не может разочаровать то, что ожидалось, а ведь мой первый «самоубийственный шаг» — в «Капризах пожилого господина» их два — стал актом фрустрации и отчаяния из-за проницательности: коммунизм неприемлем, однако «свободный мир» тоже будет плох, остается самоубийство. Второй отчаянный шаг, парадоксальное решение вступить в борьбу с коммунизмом путем создания «Записа», — это уже не самоубийство в буквальном смысле слова, как прежде, это метафора, хотя «Запис», как известно, существовал реально.

Я, наверное, сказал бы, обратившись еще раз к моему учителю Овидию, что произошло нечто похожее на то, что случилось с человеком, которого сожгли в брюхе медного быка. Это была своеобразная забава, придуманная для тирана Фалариса неким талантливым изобретателем, который предложил приговоренных к смерти сажать внутрь быка и разжигать под ним огонь, а жертвы должны были издавать рычание. Фаларис посадил туда самого изобретателя. Овидий говорит: «Это я в том быке, я там горю, я на собственную погибель создал поэзию. Я — ее жертва!»

«Запис» я считаю делом весьма удачным, это был большой успех для того времени. Я думаю, что самым главным достижением было то, что вообще это издание появилось и привлекло более ста авторов, готовых по идейным соображениям пойти на риск, подвергая себя репрессиям. Не удалось, правда, сосредоточить в подполье все то литературное творчество, которое можно назвать наиболее ценным с художественной точки зрения, как я себе представлял в мечтах. Сама природа подобного подпольного издательства предполагала некоторую односторонность, слишком сильным был упор на то, чтобы оно представляло политическую оппозицию, чтобы издание «не тратило понапрасну» своих страниц на тексты, которые можно было опубликовать в подцензурных государственных издательствах. До меня доходили протесты — хотя бы тех же печатников, — что они не будут подвергать себя риску оказаться в тюрьме ради какой-то прекраснодушной поэзии, когда речь идет прежде всего о том, чтобы приложить красных мордой об стол. В этом была самая большая трудность. Впрочем, сразу после того, как сменился государственный строй, тоже зазвучали голоса нетерпеливых критиков, и весь этот период подполья очень быстро был квалифицирован как не внесший ничего нового в литературу, не имеющий особой ценности. Я думаю, что это поверхностная и незаслуженная оценка.

— В «Записе» были опубликованы великие произведения таких выдающихся польских писателей, как Анджеевский, Конвицкий, Стрыйковский, Херберт. Они были написаны вовсе не под влиянием конъюнктуры.

— Вот именно.

— Вы — один из тех, кто в книге «Отечественный позор» Яцека Тшнаделя признался в своей очарованности коммунизмом. Вы были вдохновителем и издателем этой книги, которая вышла в неподцензурном издательстве. Почему для многих по сей день важнее эти пять лет безосновательного энтузиазма, чем сорок — расплаты за грехи молодости?

— Я думаю, что русские гораздо лучше знакомы с этой темой. То, что пережили они, было еще тяжелее, их ошибки и отчаяние — еще больше, их героизм и страдания — серьезнее. Я ощущаю некоторое смущение, сознавая, что обращаюсь к русскому читателю. Наши сложности были меньше. У нас не совершалось столь великих преступлений или подлости. Но следует сказать, что и явление это не было описано в достаточной мере. У меня складывается впечатление, что «Отечественный позор» — произведение с некоторым перекосом. Оно написано под влиянием сиюминутного желания досадить нескольким авторам, которые бóльшую часть своей жизни посвятили скорее борьбе с тоталитарным строем, чем его восхвалению. Что касается меня самого, то я был молод и не очень умен. Я участвовал во всем сознательно, никто меня не принуждал, это был мой идейный выбор, который я, будучи восемнадцатилетним молокососом, сделал, потому что так захотел. И я думаю также, что этот шаг должен остаться неотъемлемой частью всей моей жизни, нельзя его вычеркивать. На-

верное, это по праву важнейшая часть моей литературной личности. Таким я был и таким остаюсь со всем моим прошлым. В беседе с Яцеком Тшнаделем мне не удалось представить этого должным образом, пожалуй, гораздо лучше мне удалось это сделать в «Капризах пожилого господина». Дать объективную, справедливую оценку исторических событий можно лишь тогда, когда взираешь на них с определенного расстояния. Если же берешься делать это с близкого расстояния, то получается так, словно стоишь в Закопане и видишь гору Гевонт. Тогда кажется, что это высочайшая вершина, а ведь она — одна из самых небольших.

— Тшнадель упрекал вас в том, что вы были решительно на стороне сталинизма в очерке «Путешествие и малость философии», в котором вы делитесь впечатлениями о том, как в течение месяца находились в СССР. Я восприняла эту книгу совершенно иначе — как коварное разоблачение — и даже была весьма удивлена, что ее разрешили официально напечатать в 1956 году. А может быть, как раз потому, что я вижу в ней те времена уже с гораздо более далекой перспективы?

— Наверное, так оно и есть. У меня самого в то время соответствующей перспективы еще не было. Прошу вас помнить, что писать это я начал в 1954 году. Это были первые попытки проникновения внутрь скорлупы.

— Но вы используете сильные выражения. Например: «Информация и статьи [в советской прессе] редактируются таким образом, что приводимые в них факты и комментарии к ним отчасти отождествляются и должны восприниматься читателями как вещи одинаково бесспорные». Я прошу прощения, но наверное, надо быть последним идиотом, чтобы этого не понять.

— Наверное, уже тогда моя оценка вещей была критической. Но и средствами выражения я располагал тогда весьма скромными. Радиус и масштаб свободного распространения такой критики был ничтожен. Разумеется, можно было и подумать значительно больше и даже написать, но главное заключалось в том, можно ли опубликовать. Это удалось сделать с величайшим трудом лишь спустя два года.

— Бронислав Геремек во время проходившего в Варшаве в 1999 г. конгресса ПЕН-клуба сказал: «Перед творческой интеллигенцией теперь встает необходимость дать ответ на вопрос о том, какой будет культурная форма создающейся в настоящее время европейской общности». Необходимость есть, но в состоянии ли интеллигенция дать ответ? Иначе говоря, можно ли по-прежнему называть миссией участие интеллигенции в общественной жизни?

— Интеллигентам наверняка сложно дать такой ответ. Я думаю, однако, что независимо от того, как это у них получается, они должны это делать. Было бы гораздо хуже, если б они от таких попыток вообще отказались. Тогда мы жили бы в мире, возможно, весьма комфортабельном, где были бы и всевозможные аппараты, и личные свободы, но в нем нам не хватало бы чего-то весьма существенного, что помогало бы выжить и не сойти с ума. И это нечто всегда давали людям маги, несшие утешение, которые — естественно, ошибаясь, а как иначе: уж такова человеческая судьба — давали им возможность пережить иллюзию, эстетическую и интеллектуальную. Ведь что такое творчество, как не приглашение освоить мир нереального и испытать нечто необыкновенное, в том числе приглашение к вечному блужданию и заблуждению умов? То есть приглашение к культуре. Ведь вовсе не факт, что люди отвергают так называемые авторитеты. Они им нужны. Людям нужно перенимать нечто, что может служить основой их собственной жизненной философии, ибо сами они, как правило, не в состоянии ее придумать. И вот возникает вопрос: будут ли они перенимать это лишь у ритма рок-музыки, у исполнителей песенок, или, быть может, они будут черпать из творчества писателей, таких, как когда-то, например, Томас Манн?

Сейчас возникло понятие «культ». Говорят о культовых книгах, исполнителях и т.д. Это не то переживание, которое мне бы хотелось вызвать у моего читателя. Я не хочу, чтобы вокруг меня создавался культ. Культ — это то, в чем нет мысли.

— В «Капризах пожилого господина» вы столь же свободно рассуждаете об античной культуре, как и о реалити-шоу типа «Большого брата». Вынужден ли сегодня писатель соучаствовать в цивилизации, пронизанной развлечением?

— Вынужден. Но проблема прежде всего заключается в том, как он сумеет этим воспользоваться. Ведь в этой цивилизации присутствует не

только развлечение. Если бы для нее была важна только и исключительно развлекательность! — но ее составляют и непристойность, шок омерзения, ужас, насилие и, наконец, диктатура пошлости. Я не знаю, как нам удастся с этим справиться. Я уже говорю не о себе и своих современниках, скорее о тех, кто придет после нас.

— В своей последней книге «Тринадцать европейских упражнений» вы размышляете над тем, какое место занимает Польша в Европе и Европа в Польше. Ощутили ли себя наконец поляки полноправными европейцами год спустя после вступления в Евросоюз?

— Наверное, еще не до конца, и доказывают они это часто несколько истерически. Мне бы хотелось, чтобы они ощутили себя в Евросоюзе созидателями, а не клиентами, которые вошли и все время опасаются, не обидят ли их. К счастью, эти фобии, сопровождавшие вступление в Евросоюз и поначалу подпитываемые крайне правыми политическими силами, постепенно ослабевают. Пожалуй, нас должны удовлетворять итоги первого года. Случилось также еще нечто: мы объяснили позицию Польши в отношении наших восточных соседей. Они смирились с нашим присутствием в Евросоюзе, хотя реакция на это отнюдь не всегда была самой приятной. Мне бы хотелось в первую очередь, чтобы обе стороны повзрослели. Когда Польша высказывает что-то не очень умное о России, то Россия совершенно правильно не обращает внимания, ибо, наверняка, понимает, что Польша таким образом наносит вред не России, а самой себе. Но мне хотелось бы, чтобы и Россия понимала, что в тот момент, когда она высказывает какую-то глупость о Польше, когда не знает каких-то важных вещей о Польше, не хочет слышать или фальсифицирует правду о Польше — она вредит самой себе. Мы должны относиться к некрасивым жестам политиков с дистанцией. Я надеюсь, что мы сумеем обратиться к совершенно иным традициям, ведь в польско-русских отношениях, наряду с неприятными, существуют и весьма добрые традиции. В тот период, когда мы переживали некий, достойный сожаления обмен грубостями и претензиями, которые позволили себе чиновники и СМИ, к полякам обратились русские писатели. Поступило письмо российского ПЕН-центра от наших друзей, в том числе нескольких моих добрых знакомых, с которыми еще в 1990 г. в Радзеёвицах мы беседовали о двух наших народах, большом и малом,.

Я сотрудничал с русскими писателями очень тесно, когда мы организовывали в Варшаве Всемирный конгресс Международного ПЕН-клуба «Прощание с двадцатым веком». Следующий конгресс состоялся в Москве. Мы обменивались опытом, пытались помогать друг другу. Я помню, как Андрей Битов и особенно неутомимый защитник прав человека и свободы слова Александр Ткаченко живо участвовали в каждой акции. В Международном ПЕН-клубе мы всегда могли договориться по различным вопросам мирового масштаба, выходящим за рамки наших взаимных отношений. У нас это прекрасно получалось. Поэтому меня нисколько не удивило то, что недавно российские писатели проявили такое понимание в отношении Польши и обратились к нам с такими дружескими словами. Сотрудничество художников — гораздо лучше, важнее, прочнее, чем ссоры впавших в запальчивость политиков, а тем более их суфлеров.

Беседу вела ***Сильвия Фролов***

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Здравствуйте, уважаемые сотрудники журнала «Новая Польша»!

С большим интересом и уважением вас читаю. Это очень приятно и удивительно, что вы до нас добрались. Я имею в виду скудность библиотечного фонда.

К сожалению, у большого числа россиян желания знать о Европе и о Польше в частности мало. Новое растущее поколение с трудом ответит на вопрос: «Какой город является столицей той или иной европейской страны?»

Знакомство с вами много открыло: это великая Катастрофа, катынское дело, Варшавское восстание и многое другое. В российской прессе и учебниках об этом предпочитают не говорить и не писать.

Наверно прозвучит банально, если скажу, что Польшей интересуюсь с детства. В нашем роду взрослые тихо и шепотом произносили: «в Польше у нас родился». Это звучало так неестественно, что мы, «поросль», не придавали значения.

И вот в 1974 г. приехал наш дядя оттуда. Обыкновенный, пожилой польский мужичок, говорящий по-русски и уважающий выпить. Привез невероятные подарки, которые невозможно было у нас купить.

Я смотрел на него как на чудо и задавал тысячу вопросов. Больше всего удивило, что он владелец маленькой птицефабрики и ненавидит немцев и русских. Своими рассказами он что-то затронул во мне, заставил иногда призадумываться о судьбах людей. Я услышал неведомый отрезок жизни моего деда Валея Насырова.

В 1914 г. его призвали на I Мировую войну. В Германии он попал в плен и по возвращении на Родину в 1920 г. на территории Польши был интернирован. Ему повезло, он татарин по национальности, попал в татарскую деревню в районе Белостока. Даже сумел жениться на польской татарке Софье, моей бабушке, и у них родилось четверо детей.

В 1924 г. он с семьей вернулся на родину и хотел было уехать обратно, но его не выпустили. Лишили избирательных прав, имущества — надо сказать, что родня жены дала деньги, которые были потрачены на покупку каменного дома. Власть дом конфисковала. От этих невзгод деду с семьей пришлось уехать в Узбекистан, они оба рано умерли, и я их не видел.

Польский дядя рассказал эту историю (каких, наверно, тысячи) — отрезок жизни одного маленького человека. Она как нож вошла в мою душу и больше никогда не выходила.

Хочу сказать огромное спасибо тем людям и их безвестным потомкам, которые помогли деду и не дали сгинуть в лихолетье войн. Сама идея войны, ее фабула предполагает (но, конечно, не оправдывает) жестокое обращение с военнопленными, но люди, несущие толику человечности и не усердствующие, даже если они это могут, вызывают восхищение. Низкий поклон полякам за то, что мой дед остался у них живой...

Хранимая мной память не дает покоя, будоражит воображение. Воочию представляю себе раздираемую войной страну, голод и всеобщую озлобленность. Мой дед попадал из огня в полымя. А в это время хочется жить, смотреть на звезды, видеть колыхание хлебов на полях, слышать русскую речь.

Давно думаю написать маленький аллегорический рассказ, главной темой в котором будут те впечатления, умноженные на большое чувство стыда перед миллионами погибших людей, исковерканных судеб, среди которых как капля в океане мой дед. Я надеюсь, что на небесах он увидит, что я помню о нем, люблю и знаю, кому я обязан своим существованием. Чувство взаимной справедливости наполнит нас.

Мне не хватает информации о том, как интернированные солдаты русской армии попадали в гражданскую среду. Было ли это в порядке исключения, нормой или было вызвано чем-то другим? Как они содержались, много ли их поумирало, каким образом им разрешалось вступать в брак? Что вы об этом знаете? Что посоветуете? Разумеется, я имею в виду период 1920-1925 годов.

Очень прошу вас откликнуться, пожалуйста. Мне это нужно в контексте идеи написания рассказа. Все эти недостающие факты, темная сторона — я буду счастлив, если вы поможете мне их осветить.

В свою очередь буду рад выполнить любую вашу просьбу — может быть, вас тоже что-нибудь интересует.

С огромным уважением к вам, ваш

Рифкат Гаварилов

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Рассказы Ольги Токарчук
Тадеуш Зелинский «Автобиография» - фрагменты
Я.Станиславский «Мои русские»
Русский язык в Польше
Я.Ивашкевич о И.Эренбурге
Я.Куманецкая о Владиславе Копалинском
Д.Шевионков-Кисмелов о выставке Исаака Цельникера
К.Маслонь о польской прозе
О.Закиров: из воспоминаний
А.Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
Л.Колаковский об основах права
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Я.Гондович о молодых литераторах
Г.Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский, А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с М.Комаром, В.Копалинским, М.Ягелло

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг, Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЛУЧШИХ ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И КРИТИКОВ

BIBLIOTEKA NARODOWA

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник знаний о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.

DWUTYGODNIK **ruch muzyczny**

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальному творчеству, теории и практике музыки. Выходит 26 раз в году.

НОВАЯ ПОЛЬША

Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все интересные новинки современной мировой литературы.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel.(+48 22) 6082374

ISSN 1508-5589

9 771508 558058 06

Cena 6 zł w tym 0% VAT